

ЕКАТЕРИНА БЕРДИЧЕВА

СКОШЕННАЯ ТРАВА

Annotation

Огромный, ныне разрушенный город. Скрытое за плотными, низкими тучами солнце. Оставшиеся в живых выживают, как им позволяет слетевшая с катушек совесть. А под разрушенными гаражами на окраине, под защитой собак и огромной крапивы, живет группа подростков и детей, мечтающих о синем небе, звездах и любви.

Бердичева Екатерина

СКОШЕННАЯ ТРАВА

Детям будущих войн посвящается

От автора: Однажды мне приснился сон. Очень реалистичный. Словно иду я по Дмитровскому шоссе в центр. Прямо по магистрали. Под ногами — разломанный асфальт, трава и низкие деревца. Домов на обочине дороги нет, только кучи каменного мусора. И лишь на Тимирязевской стоят обгрызенные сверху высотки, завалившиеся набок. Стекол в окнах нет. А в пустом оконном проеме на втором этаже ветер треплет белым флагом случайно уцелевшую занавеску. Я подняла глаза вверх. А там — низкое темно-серое небо варит в тучах ледяную крупу... И мне стало страшно: неужели все это сотворили мы, люди?

Но эта книга не об ужасах постапокалиптического времени, не о войне и насилии, а о детях и подростках, чудом выживших в этом аду. Верящих в чудеса, ждущих ласки и настоящей человеческой любви. Своими руками и неутомными душами создающих добро и светлое будущее.

Глава первая. Айка и ее Дом

Айка, не задумываясь, скользила по вспучившемуся от напора травы и древесных корней асфальту. Перепрыгивала бетонные завалы, приветливо размахивающие молодой порослью под напором летнего ветерка и прятанные между ветками ржавую арматуру. Еще две относительно проходимые улицы, бывшая заводская территория, пустырь — и она дома!

Девушка мимоходом бросила взгляд на часы. Старенькая сорокалетняя «Заря» успокаивающе тикала крошечными шестеренками и показывала десять утра. Айка покачала головой. Солнце сквозь белесую пелену светило все жарче. Если бы она опоздала хоть на час, пришлось бы пережить пятидесятиградусный ад где-нибудь под развалинами. А ребята в убежище сошли бы с ума от беспокойства.

Айка вихрем пронеслась по вывернутой рельсе бывших товарных путей над заросшим огромной крапивой рвом. На секундочку улыбнулась промелькнувшей мысли: земля от этой безумной жары трескается и плавится, а жгучие стебли, потряхивая резными листочками, стоят себе и радостно принимают солнечные ванны. Хотя какое теперь солнце: чуть видать из-за туч. Отец говорил — парниковый эффект.

Так, а теперь — осторожней. Здесь, в бывшей промзоне, иногда промышляют выходцы из-под земли и чужих территорий. Прислонившись спиной к неповрежденной стене одноэтажного кирпичного домика, она внимательно выглянула из-за угла. Вроде чисто. Чирикают беспечные птички. Не боятся, глупые, что на них могут поставить силки! Айкина команда птиц не ловила, но жители метро их очень уважали без перышек и в хорошо вываренном виде. Радовало одно: они забредали сюда достаточно редко. Слава всем Богам, что не успели-таки московские власти провести ветку в конец Дмитровского шоссе! Иначе, может быть, и не выжили бы Айка и те ребята, которых она подбирала умирающими в развалинах погибшего города.

Поправив на голове стянутый резинкой капюшон, а на руках — кожаные перчатки, Айка оттолкнулась от стены и одним длинным прыжком перемахнула через открытый всем взглядам и ветрам разъезд между строениями, занырявая в узкий лаз под металлическим ржавым хламом. И быстро на локтях и коленях поползла к забору. Уж очень ей не понравилась цепочка следов, которой предыдущим вечером еще не было. Отдышавшись и прислушавшись, она нырнула в канаву под покореженными листьями, до сих пор крепко прижатыми к толстым квадратным столбам.

Все-таки в этом году лето пришло очень рано. Конец мая, а днем на улицу выйти совершенно невозможно! Во-первых, из-за жары трудно дышать, во-вторых, активизировались аборигены, пережившие зиму и рыщущие в поисках еды, воды, одежды и лекарств. Айка проверила рюкзачок. Белочка опять заболела. Пришлось тащиться в ночь на Савеловскую. Там, в подвалах разрушенных цехов МСЗ и Станколита круглосуточно работал рынок. Правда, денег у продавцов и покупателей не было. А был натуральный обмен. Айке нужно лекарство. А многим — фильтры на респираторы. Благодаря родителям, этим добром у нее полностью забит схрон под дальними гаражами. И теперь она возвращалась, неся в маленьком рюкзачке целебный груз.

Девушка выползла на горку, стараясь не высовываться из-за березового подлеска, и оглядела пустырь. Жухлая трава, кирпичные обломки, листы железа, принесенные ударной волной от ближайших гаражей и проржавевшие почти насквозь. Тишина. Айка кубарем

скатилась с холма и, пригибаясь, понеслась по твердой земле. Здесь следы можно не прятать. На спекшейся корке их все равно не видно. Едва слышный шорох донесся до спрятанного под капюшоном маленького ушка. Девушка приподняла респиратор и едва слышно свистнула. Тут же над кучей хлама поднялись локаторами кончики лохматых ушей. Вот теперь можно идти не скрываясь. Стая Ковбоя Джека вернулась с ночной охоты, и надежно охраняет периметр.

Дикие собаки здесь жили еще до ядерного удара. Охраняли гаражи, размножались и расселялись в огромной промзоне, где сердобольные охранники и рабочие подкидывали им еду. А когда город был разрушен, выжившие в огненном и радиоактивном вихре псы сбились в голодные и никого не щадящие стаи, добывающие не погибших при ударе людей и животных. В конце концов, за десять прошедших лет здесь остался только один хозяин — Ковбой Джек. Огромный, серый и лохматый кавказец железной лапой правил своими подопечными, не давая им вляпаться ни в зоны повышенной радиации, ни под ружья и пистолеты охотников за свежатинкой из метро. И, самое главное, он умел прокормить соплеменников. Темными безлунными ночами черные лохматые тени во главе с красноглазым вожаком вылетали на растерзанные улицы. Печальна была участь тех, кого стая встречала на своем пути. Зато ранним утром, сытые и довольные, они всегда возвращались к Айкиным гаражам и ложились спать под бетонными завалами. Лишь Джек выбирал место повыше и в полудреме контролировал окрестности. С ребячьей командой у псов соблюдался вооруженный нейтралитет. Ребята не охотились на их территории, и все несъедобное с человеческой точки зрения выносилось для стаи на пустырь. А после того, как пять лет тому назад, суровой снежной зимой родители открыли для собак уцелевший гараж и набросали в него тряпок, Джек включил их комплекс в свою сферу охраны и перестал нападать. Но людям пес не доверял и близко не подходил. Случалось, неосторожные и незваные гости заходили на подведомственные собакам территории между МКАДом и железнодорожной веткой. Скольжение на грани тьмы и света — человек даже не успевал достать пистолет и понять, что происходит, как от него не оставалось даже кровавого пятна.

Айка, наблюдая одним глазом за убежищем Джека, быстро приближалась к разрушенным и заросшим гаражам. Дернув проволочку, спрятанную в траве, она деактивировала ловушку и, запрыгнув в пролом в бетонной стене, подняла крышку люка, присыпанную землей и выросшими на ней веточками. Люк скрипнул и легко открылся. Вниз вел черный провал с неосвещенной лестницей из толстых металлических прутьев. Руки в перчатках привычно легли на шаткие ступени. Два метра вниз. Круглая маленькая комнатка коллектора. Рычаг запора поднимается отработанным плавным движением. Теперь сюда с земли никому не добраться. Айка включает рубильник. Вместе с тусклым светом на нее полилась вода. Через минуту напор иссяк. Девушка, отряхнувшись, открыла круглый люк в соседнее помещение. Нагнувшись, она протиснулась в отверстие. Раздевшись до майки и шорт, она повесила защитный костюм на плечики в нишу коллектора, где чувствовался сквозняк, гуляющий по подземелью. Забросив туда же и берцы, она с наслаждением сунула ноги в тапочки и раскрыла рюкзак. Бережно достав упаковку с ампулами и шприцами и повесив мешок на крюк, Айка толкнула следующий люк и нырнула внутрь. Теперь лестница вверх, еще один люк и девушка вошла в Дом.

Знакомый деревянный пол, утепленные пенопластом и зашитые вагонкой бетонные стены. Белый деревянный потолок с вечной энергосберегающей лампой наверху. И стол со стульями, на которых в напряженном ожидании сидели восемь человек: Айкина команда,

семья, вместе с которой она выживала в этом забытом Богами городе. Девушка прикрыла за собой люк и, выпрямившись, улыбнулась. И тут словно лавина накрыла ее своим шумом и энергией движения: все, кто сидел за столом, сорвались и скрыли под своими руками и ногами Айкино тело. Только вытянутая вверх рука твердо держала драгоценную добычу.

Наобнимавшись и нацеловавшись, девушка аккуратно положила лекарство на стол и спросила:

— Как Белла?

Высокий светловолосый парень отвел глаза и вздохнул:

— Не приходит в себя. Всю ночь дежурили по очереди. Два раза были припадки. И, знаешь, она словно что-то опять хочет сказать... Но слова срываются в бредовый шепот, и смысл теряется... Надюха пыталась записать, но ничего связного не выходит.

Хозяйственный и обстоятельный двенадцатилетний Стас нагнулся и вытащил из неглубокого подпола большую кастрюлю.

— Мы вот тебя ждали, не ели еще!

Айка нагнулась и чмокнула смуглого крепыша в лоб:

— Суп сварил? Умничка! Сейчас поедим, только Белочку уколою! Погрей и ставь тарелки.

Стас и шестилетняя голубоглазая Полинка застучали тарелками и ложками. Айка прошла в самый дальний угол комнаты. Там, на деревянном топчане, покрытом старым матрасом и ветхой простыней, лежала худенькая девочка с белым личиком, голубоватыми губами и плотно зажмуренными глазами. Светлые волосенки потемнели у корней от пота. Одной руки до локтя у девочки не было.

Айка, присаживаясь на постель и наполняя лекарством шприц, вспоминала, как нашла ребенка среди развалин высотных домов на Тимирязевской. Когда из центра шла взрывная волна, то первый дом, разрушаясь, навалился на второй, а второй — на третий. А этот, последний, оперся согнутым боком о маленькую кирпичную девятиэтажку, спрятавшуюся за ним от удара, и заодно послужившую опоркой. Верхние этажи рассыпались вокруг бетонно-кирпичной крошкой, но нижние этажи, треснувшие по всем стенам, удобно лежали на крыше маленького и выносливого советского дома. Тогда Айке было четырнадцать лет, и еще были живы родители...

Они шли на Савеловский, не прекращавший работу ни на один день, рынок, менять автомобильные аккумуляторы на крепкую обувь и одежду. По темно-серому небу непрерывно неслись черные облака, а свист ветра заглушал остальные звуки. Иногда прорывался холодный дождь.

— Сегодня правильный ветер, — сказал Айкин отец Шамил, работавший инженером-электриком на одном закрытом предприятии в те счастливые времена, когда небо было голубым, а тучки — белыми, — радиацию сдувает на восток и можно идти без респиратора.

Очередная навалившаяся на небо туча неожиданно разразилась крупным пятисантиметровым градом, и семья укрылась в развалинах склонившейся высотки. Град не кончался, и становилось все холоднее. Отец обнял сильными руками маленькую и хрупкую мать, истончившуюся за этот безумный год выживания до сорока пяти килограмм и, присев на камень, посадил ее к себе на колени. Айке стало скучно. Как всякий подросток, она любила движение, а любопытство и желание найти что-то интересное гнало ее по скрученным конструкциям вверх, на замершие в неустойчивом равновесии этажи.

— Айше, там может быть опасно! — тихо сказала ей вслед мать.

— Не переживай, — услышала Айка голос отца, — наша девочка шустрая и быстрая. Она не упадет!

— Вся в тебя! — ответила мама. — Умница и красавица!

Отец засмеялся:

— Лучше бы в тебя. Я так люблю зеленоглазых блондинок!

— А я — смуглого брюнета. И еще — его самую лучшую в мире дочку!

Айка улыбнулась: родители всегда нежно любили друг друга, хотя все кругом говорили, что непонятно, на чем держится их брак, ведь Шамил имел турецкие корни и был мусульманином. А его жена Вера — русская православная христианка, по воскресеньям посещающая с крещеной в православную веру Айкой службы в церкви. Отцы и матери ее одноклассников сходились и расходились, провозглашая каждый свою правду. Дети втихомолку плакали. А плод любви двух разных вер и культур искренне не понимала, как можно, вступив в брак и живя вместе, не баловать женщину и не относиться с уважением и вниманием к мужчине — защитнику домашнего очага от грубого внешнего мира и добытчику-кормильцу. Айка видела ласковое и теплое отношение родителей друг к другу и просто была уверена, что когда-нибудь и в ее жизни появится тот, кого она будет любить и бесконечно доверять. Отец с матерью, искренне любя свою единственную дочь, в свою очередь, учили и развивали ее, как только могли.

Девочка поставила ногу на вывороченную из бетона и перекрученную арматуру. Придерживаясь за кусок стены, она ловко забралась в дыру между плитами. Здесь когда-то была квартира... В сохранившемся оконном проеме до сих пор болтались на карнизе чудом не сгоревшие тюлевые занавески с запорошенным черным пеплом цветочным рисунком. Сломанная мебель вывалила наружу свое нутро. Нигде ничего не было. Значит, здесь уже полазили. И Айка, в одном месте прыгая, в других — подтягиваясь на руках вверх, упрямо карабкалась по обломкам. Внезапно она услышала посторонний звук. Тот, которого в этом умершем доме просто не должно было быть: тихонько, на одной ноте, с небольшими перерывами, кто-то тоненько скулил.

— Щенок! — ахнула девочка и полезла на звук.

Небольшая перебежка по балке и она вошла в уцелевшую комнату. Окна в ней были забиты мебельными щитами. В дверном проеме висел ковер. На наклонном полу высокой стопкой набросаны одеяла и подушки. В них лежала лицом вверх мертвая изможденная женщина. У ее холодного бока одеяло то вздымалось, то опадало. Айка подошла поближе и приподняла покрывало. На нее из холодной темноты смотрели две крошечные розовые пятки. И они шевелились.

Девочка тут же стянула перчатку и просунула внутрь руку. Нащупав маленькое тельце, она намотала на кулак одежду и дернула на себя. Из-под одеял и покрывал ей в объятья вылетел крошечный сморщенный комочек живой плоти. Айка положила ребенка на руку и расправила складки на замызганной и длинной рубашке. Личико чистое, без язв. Айка бесцеремонно задрала рубашку, а потом спустила штанишки. Тельце тоже было чистым, но очень истощенным. «Наверное, не если несколько дней, да и не пили...» Ребенок, а это была маленькая девочка, раскрыла зубастый ротик и тихонько мяукнула. Айка положила ее рядом с умершей матерью и, сняв с ремня флягу, отвинтила крышку. Там была чистая кипяченая вода с толикой спирта. Приподняв головку и оттянув подбородок, Айка, не касаясь флягой губ малышки, осторожно влила ей в рот глоточек жидкости. Девочка, не открывая гноящихся глаз, вытянула в пустоту руку, нащупывая источник драгоценной влаги. Айка капнула еще.

Девочка почмокала губами, словно смакуя неожиданный дар, и улыбнувшись, неожиданно громко сказала: — Бела...

И заснула.

Айка закутала находку в толстую тряпку, завязала концы крепким морским узлом. Затем, порвав на длинные ленты плотное покрывало, связала их между собой сеткой, длинные петли которой повесила себе на плечи. Внутри запихнула узел с ребенком. И снова заскользила по обломкам, но только вниз. Кстати, из этого убежища обнаружилась более удобная тропка к первому этажу.

Родители все также сидели обнявшись, терпеливо дожидаясь возвращения дочери. Град закончился. Тучи слегка посерели.

— Что там? — встретил ее вопросом отец.

— Ребенок. Живой. Чистый. — Айка сняла с плеч самодельные лямки и развязала узел.

Родители посмотрели на малышку.

— Это хорошо. — Неожиданно сказал отец.

Айка непонимающе взглянула на него из-под козырька капюшона. У них был договор: никому не помогать и никого не брать в семью. Они решили так после того, как первое время после возвращения в город жили в коллекторе на их бывшей улице вместе с такими же выжившими. Семья сбежала от них после того, как один из соседей по бетонной жилплощади попытался увести Айку и продать в подземный бордель.

— Почему хорошо? — спросила девочка.

— У тебя будет сестра.

— Здорово! Я сама буду за ней ухаживать! И назову ее Беллой!

Отец с матерью вздохнули и усмехнулись. Пусть у их девочки будет еще один надежный друг в этом безумном мире.

— Ее надо показать врачу. — Внимательно осмотрев малышку, сказала мама. — Мне не нравятся ее глаза. Я не могу их открыть, а гной запекся вместе с кровью. Надо будет протереть антисептиком.

— Теперь придется еще лекарства покупать. Мы справимся? — спросила Айка, заглядывая им в лица.

— Конечно, справимся! — уверенно ответил отец, потрепав дочь по макушке, скрытой плотным капюшоном. — Только нести ее придется тебе. Осилишь?

— Да! — Плотно сжав губы, Айка снова уложила кулек в сеть и закинула его на плечи.

— Тогда в путь!

Отец бережно поддерживал уставшую мать, а девочка пыхтела, как паровоз, когда они, наконец, добрались до рынка.

— Сначала к доктору. — Твердо произнес отец.

Врач, затребовавший за консультацию и лечение один из пяти аккумуляторов, привезенных отцом на тележке, с сожалением произнес:

— Ребенок слеп. Гнойная инфекция, плохое питание... приобретите антибиотики, поколите. Если вирус не затронул мозг, она будет вполне нормальным слепым ребенком. Хотя, к чему вам эта дохлятина? Здоровым тяжело, а тут — такая обуза! Продайте ее на органы. Сможете купить старшей дочке хорошей еды!

Айка набычилась и сжала кулаки. Слезы выступили на злющих карих глазах. Она завернула в одеяло девочку и прижала к себе:

— Нет.

Неожиданно ребенок завозился, хныкнул, приоткрыл рот и четким разборчивым голосом произнес:

— Волки из метро готовят облаву.

И снова затих.

Все четверо с испугом взглянули на сопящее тельце.

— Невероятно! — С удивлением произнес доктор. — Ей и двух лет нет. Она не может такого сказать! Мутация?

И, извинившись, засобирался.

— Папа, кто такие волки?

— Те, кто приходит грабить и убивать, дочка. Закупаемся и бежим, пока никто ничего не знает!

Они в спешке обменяли аккумуляторы на берцы и костюмы, а также еду и лекарства для малышки. Выскочили из подземелий и скорым шагом пошли через обвалившуюся местами эстакаду в сторону бывшей Башиловской улицы, стараясь обойти как можно дальше район Савеловского вокзала.

Переждав совсем темное время суток в укромном уголке бывшего гаражного комплекса, они снова зашагали к окраине и вечером были в своем подземелье. Отмывшись и покушав, мать с дочкой помыли и обработали слепую девочку, вкололи антибиотик и покормили жидкой мучной болтушкой. Сытый и чистенький ребенок довольно сосал кулачок, периодически угукая и мяукая. Никаких слов малышка больше не говорила. Семейство уже решило, что им все померещилось, когда однажды с промысла пришел отец и рассказал, что недавно произошел налет на рынок.

— Погибло множество человек. Думают на Волков, но доказательства умерли вместе с видевыми их людьми. Так что все очень и очень интересно! — закончил отец рассказ, поглядывая на лежащего на животике ребенка.

Той же ночью они проснулись от тупого удара. Включив фонарь, увидели, что маленькая Белла лежит на полу. Из полуоткрытого рта идет пена, а ручки и ножки мелко трясутся. Когда приступ закончился, она опять четко произнесла:

— Надо в земле делать теплицу. Семена растений в красном ангаре. Цистерна с бензином закопана на территории бывшего ЛЭМЗа. Желтый бордюр.

И, расслабившись, отключилась.

— Она ясновидящая? — осторожно поинтересовалась мать.

— Проверим. — Пожал плечами отец, укладывая девочку на кровать и накрывая одеялом.

Через две недели осторожных поисков они нашли и подключили к генератору маленький холодильник и три лампочки. Отец начал рыть землю под парник, а бензина у них стало — хоть залейся, ибо подземных танкеров было четыре.

Айка отработанным движением подняла рукав рубашки, затянула на белой и тонкой руке жгут. Когда вена надулась, она загнала в нее иглу с лекарством. Согнув локоть и освободив от жгута руку, она улыбнулась сомкнутым глазам маленькой и хрупкой десятилетней Белочки.

— Вот и все. Скоро тебе будет легче, малыш.

— Помоги ему, Айка. Иначе завтра он умрет. — Приподнялась и четко сказала Белочка. И тяжело откинула голову на подушку. Бледные губки искривились в подобии улыбки.

— Это она о чем? — рядом присел Айкин главный помощник и заместитель

голубоглазый Степан.

Он был младше девушки на пять лет, но уже выше на голову. Худое ловкое тело было словно перевито жилами и мышцами. Они вдвоем опекали, защищали и наставляли в науке выживания молодых ребят, скрывающихся под гаражными развалинами вместе с ними.

— Не знаю. Кого-то надо спасти. Сейчас покушаем и обойдем территорию. Думаю, что тот, кого будем искать, где-то здесь. — Айка поднялась и села за стол.

Довольный Стас начал разливать суп, начиная с Айки и Степана.

— Как там наша картошка? — поинтересовалась девушка у близняшек Артема и Кирилла.

— Шторку сделали. Теперь Танька может днем прикрывать ее от верхнего жара.

— Стекла не потрескались?

— Чего им будет, таким толстенным? — философски пожал плечами Кирилл. — Зиму пережили, лето переживут тем более.

— Росточки уже появились. — Тихо сказала Таня. — Зелененькие, нежные.

Она робко метнула взгляд в сторону Айки и снова опустила глаза в тарелку.

В их компанию тринадцатилетняя девушка попала последней. И до сих пор всех стеснялась. Любимым времяпровождением здесь для нее стали теплицы. Она целыми днями просиживала над росточками. Поливала, окучивала, закрывала и открывала. И уже второй год они зимой кушали соленые кабачки и помидоры, лук и картошку. Вся эта растительная роскошь если и появлялась на рынке, то выменивалась на очень дорогие товары.

Таню нашел Степан. Как-то на их единственном и оттого очень ценном велосипеде он поехал на разведку в складской комплекс за бывшей кольцевой автодорогой. Кстати, она сохранилась очень даже неплохо. Правда, где-то поплавилась, где-то выросли деревья. И все бы ничего, но ее северо-восточный отрезок дено и ночью контролировала банда местных отморожков. Так что полусъеденные трупы без вещей и одежды в кустах на обочинах были не редкостью.

Когда Степан обшарил склады и возвращался назад с небольшим грузом энергосберегающих ламп, в высокой траве он и нашел Таню. Истощенная девочка была одета в рваный мешок. Все тело в синяках. На руках — красный рубец от веревки. Девочка была живой и в сознании. Но глаз не открывала. Когда Степан поднял ее, она поджала к телу ноги, а голову прикрыла руками. Парень набросил на нее свою куртку и привязал к багажнику ремнем. Строго приказал:

— Сиди смирно и не падай!

И повез находку в Дом.

Айка с Надеждой нагрели воды и отмыли найденшца. Вкололи антибиотик и смазали раны настойкой календулы. Накормили супом и оставили на топчане в чулане. Утром девочка сама вышла к ним и, не поднимая глаз, прошелестела:

— Что я должна делать?

— Жить. — Хмуро ответил Степан, жалея, что подобрал эту тихоню, над которой кто-то издевался, как только мог.

— Как тебя зовут? — мягко спросила Айка. — Ты знаешь?

— Да. Таня. Вы будете меня кормить? Я не хочу умирать! — Девочка упала на колени. — Я могу готовить, стирать, убирать, обслуживать мужчин... Не выбрасывайте меня! Я еще могу быть полезной!

— У тебя были родные?

— Не помню... Была одна добрая женщина. Давно. Я полола для нее землю. Это не здесь, далеко. Потом пришли Волки. Убили женщину. Взяли меня с собой. Я жила в метро, в туннеле. Там были другие девочки и женщины. Мы работали. Когда кто-то заболел, то такую просто выносили, а на ее место приводили другую... И я заболела. Но это не заразно! — девочка замахала ладошкой. — Просто простудилась. Кашляла. А вот сегодня уже нет.

И она попыталась улыбнуться, но губы выгнулись в кривом оскале. Передних зубов у девочки не было.

Степан вскочил и вышел из комнаты.

— Ну, хватит. — Надя подняла Таню и усадила на стул. — Если ты все можешь, то будешь заниматься в нашем Доме теплицами. А то я одна со всем хозяйством не справляюсь.

— Хорошо! — Таня наклонилась и поцеловала Надину руку.

— Нет. Вот это — плохо. — Это уже не выдержала Айка.

Ей с одной стороны было жаль этого морально и физически искалеченного подростка, а с другой — противно. И она делала над собой усилие, чтобы открыто не морщиться.

— В-общем, Таня, запомни, пожалуйста. У нас в Доме живут и мальчики, и девочки. То, чем ты занималась с мужчинами в метро, у нас строго запрещено. Слушаться будешь Надежду. Если станешь воровать — вышвырнем на улицу. Там — собаки. Голодные. Все понятно? Да, выход наверх для тебя запрещен.

Айка встала и ушла вслед за Степаном. О чем говорила домашний завхоз Надежда с Таней, ни та, ни другая не рассказали никому. Только с самого утра Татьяна теперь уходила к парникам и занималась с растениями до той поры, пока старшие не уйдут наверх за добычей. Быстро перекусив, она опять возвращалась к посадкам и сидела с ними до ночи. Зимой, когда земля промерзала, Таня помогала Наде со стиркой, сушкой, штопкой и уборкой. На вопросы ребят она отвечала односложно, опуская глаза в пол и теребя завязки на штанах. И в вечерних зимних посиделках участия не принимала. Если кто-то в ее присутствии делал резкое движение, она падала на пол, закрывая руками голову.

За два года она немного пообвыклась, но все равно парники остались ее любимым местом.

Айка доела густой суп и улыбнулась внимательно глядящему на нее Стасу.

— Очень вкусно! — похвалила его стряпню. Мальчишка тут же расцвел розовым румянцем на смуглой коже. Пока он разливал по чашкам настой, Айка наблюдала за ним из-под ресниц. Хороший домашний мальчишка. И как же здорово, что он попал к ним не побитым этой жизнью!

Дети, после смерти города, даже пересидевшие где-то удары, погибали первыми. У них не было кулаков, чтобы отбивать у таких же голодных и растерянных взрослых людей пищу и одежду. Радиационное заражение быстро сводило истощенные тела в могилу. А трупный смрад и инфекции, летающие в пыльном воздухе... Детей осталось очень мало. Как и женщин. Если только в метро. Но и там из слабых членов людского общества, в первую очередь, делали доноров и рабов. Самцы, не обремененные тут же слетевшей моралью, за счет своих физических данных тут же выстроили своеобразную иерархию, девизом которой было: убей того, кто тебе мешает есть, пить и спариваться.

Поэтому, когда отец из похода на территорию бывшей ТЭЦ вернулся с вентилями, датчиками и мальчиком где-то пяти лет, мать и Айка очень обрадовались. Мальчишка был бойким и смелым. По-русски говорил очень чисто, хотя смуглый цвет кожи и черные глаза и

волосы выдавали в нем представителя кавказских народов.

Улыбаясь ямочками, чудом сохранившимися на худеньком личике, мальчишка поведал, что они с отцом жили в бойлерной и коллекторах, где до разрушения города тот и работал. Там, под землей, среди труб, было сухо и относительно тепло. Отец уходил на добычу, а Стаса, так звали мальчонку, прятал в дальнем коллекторе. И вот однажды он не вернулся. Вода у мальчика была. И еда. Немного. Когда все закончилось, малыш вылез на поверхность, и на него сразу же наткнулся Шамил, забрав с собой. Для отца мальчика, если тот вернется, была оставлена записка, накарябанная кирпичом на бетонной стене. Прошли две недели, и надежды на встречу улетели, словно пыль за холодным ветром.

В Доме мальчишка хвостиком ходил за Айкиной мамой, помогая ей во всем, в том числе и готовить. Он приходил в восторг от сочетаний смешиваемых в супе круп и корней. А через два года он полностью взял готовку на себя. Придумывая очередное кушанье, он пел веселые песни, которым его научила мама Вера. И из чего бы потом ни стряпал маленький повар, всегда получалось сытно и вкусно.

Полинка, маленькая помощница Стаса, деловито собрала посуду и понесла мыть. Степан встал и включил водонагреватель. Немного последил за температурным датчиком в бачке.

— Ай, скоро придется искать новый насос.

— Что, опять сломался? Может, он просто засорился?

— Пока тебя не было, я ходил к озеру и там же его разобрал. Похоже, он выработал свой ресурс. Надо где-то добыть новый. Иначе придется воду ведром таскать.

— Поняла. — Девушка сжала зубами согнутый указательный палец. Тяжело выживать в этом хаосе только с детьми, надеющимися на твою силу, умение и сноровку. Как же ей не хватало отца с матерью! На их плечи можно было переложить сложные проблемы, зная, что отец все решит, а мама погладит по голове и скажет, какая Айше умница, и втроем они всегда найдут выход!

Айка решительно поднялась из-за стола.

— Надюш, у тебя проблем нет?

Надежда отрицательно покачала головой с короткими пепельными волосами. Эта пятнадцатилетняя девушка несла на себе все хозяйственные заботы в их постоянно расширяющемся и вечно достраиваемом подземном доме. Появилась она у них спустя полгода после Стаса. Ее нашли в Подмосковье, куда сделали дальнюю вылазку Шамил с Айкой в поисках культурных растений, чудом уцелевших в почти двухлетних холодах, наступивших после взрывов. Проверяя очередное садовое товарищество, они набрали на жилой дом. На них пустыми глазами взглянула семилетняя девочка, которая, молча смахивая слезы, копала тяжелой штыковой лопатой могилу для своей бабушки.

Пока Айка ее осматривала и успокаивала, отец быстро забросал землей маленький старушечий труп. А Надя, потом сходя в домик, принесла оттуда икону и положила сверху.

— Бабушка будет рада. — Просто сказала она и протянула Айке ладошку. — Она теперь у Боженки, и ей поют Ангелы. А я пойду с вами.

— Степан, ты со мной? — Айка посмотрела на парня. Тот пожал плечами.

— Конечно. Ты устала, и я тебя одну не отпущу. Завтра отдыхаем, а затем я иду искать насос.

— Посмотрим, Степ.

Тот укоризненно взглянул на девушку:

— Мы же договаривались ходить по очереди. Вчера и сегодня сидел с малышкой я. Кроме того, я возьму Арсюху и Артема. Пора их натаскивать всерьез.

— Где искать думаешь?

— Да мы недалеко. В промзону на Коровинке. Там, помнится, на складах лежали промышленные насосы.

— У нас мощности генератора не хватит. Лучше поищите «Ручеек» или «Малыш» какой-нибудь. Кстати, «Ручеек» поднимает до двадцати метров.

Степан загадочно улыбнулся.

— Хотел сделать тебе подарок ко Дню Рождения, но, наверное, ждать не буду!

Айка удивленно вскинула черные брови:

— Вот как? И что же это?

— Новый генератор!

— Проболтался! — хором сказали близнецы.

— Так это же совсем другое дело! — Айка вскинула руки и потрепала братьям волосы. — Это нам всем огромный подарок! Ваших любопытных носов работа?

Она ловким движением цапнула их за подбородки и, приподняв, заглянула в глаза. Те со смехом шлепнули ее по рукам.

— Не. Нашел Степан, а мы только помогали тащить.

— И мне ничего не сказали!

— Так подарок! — вытаращил глаза лохматый и заросший двухдневной щетиной Артем.

Айка сузила глаза и демонстративно потерла руку:

— Темка! Тебе не совестно ходить таким заросшим? Твоим подбородком уже можно кастрюли чистить!

— Мне этот пещерный человек на чистой кухне не нужен! — вмешался Стас. — И кастрюли у меня никогда не пригорают!

Маленькая Поинка подошла к нему и подергала за свитер:

— А моя овсяная каша?

Мальчишки дружно заржали. Айка улыбнулась: эту эпопею помнили все. На развалинах продовольственного склада в Марке Арсений и Степан нашли провалившуюся в дыру между стеной и воротами упаковку молотого овса и, притащив Домой, вручили ее Стасу. Тот, привыкший варить рис, горох, фасоль и гречку, промыл прессованные зернышки и, бухнув в кастрюлю воды, поставил на плитку. Включил и отошел. А через пять минут их подземелье наполнилось дымом. Вода выкипела, а овсянка сгорела. Кастрюлю отчищали все вместе в течение нескольких дней. А овсяную кашу, пока крупа не кончилась, готовила Айка.

Когда все отсмеялись, Айка снова повернулась к Артему.

— Темик! И все-таки, отчего ты так зарос?

Артем посмотрел в сторону. За него ответил брат Кирилл:

— А это он хочет выглядеть мужиком!

— Грязным и небритым? Как отморозки из метро? С чего вдруг ты так озаботился своей внешностью, Артем?

— А ему Степан принес книжку с картинками об индейцах и ковбоях!

— Тём, знаешь, в прериях ведь не было душа! И речки текли не везде. Ковбои скакали за стадами по жаре и пыли. Коровы жевали траву и какали. Много, Тём. И, поверь, от твоих кумиров пахло так, что индейцам ничего не оставалось делать, как только их отстреливать, чтобы смрадом экологию не портили.

— Мы тоже его отстрелим! — захохотал Арсений. — Чтобы вшей не разводил!

Темка не выдержал насмешек и, вскочив, поймал тощего, но юркого Арсюху, повалив на лавку. Тот ужом вылез из-под Артема и прыгнул сверху. Полинка радостно завизжала и полезла на мальчишек. Те, тут же объединившись, схватили девчонку и начали щекотать. Полинка тоненько захихикала.

Проснулась Белла и, приподнявшись на локте, позвала:

— Аюшка, ты здесь?

Все сразу оставили баловство и собрались рядом с кроватью больной девочки.

— Белочка! — Айка положила ладонь ей на лоб. — Ты как?

— Хорошо! — Белка, несмотря на десятилетний возраст и усиленное, по их меркам, питание, выглядела меньше Полинки. Странная болезнь мозга отнимала все силы у хрупкого тела. Припадки с возрастом происходили все чаще, причем вещала она не всегда. Но то, что она в такие моменты говорила, не раз спасало Дом от разрушений, а его жителей — от смерти.

Сейчас она почти не вставала, и все ребята понимали, что долго она не проживет. Каждый по-своему был к ней привязан и старался порадовать слепую однорукую девочку чем только мог. Темка читал вслух книжки, сидя на ее кровати по вечерам. Арсений нашел в развалинах чудом неповрежденную гитару и, посадив девочку рядом, учил перебирать струны. А Степан пел песни. Когда-то, в довоенной жизни, он немного поучился в музыкальной школе по классу скрипки. А сейчас самостоятельно учился играть на гитаре. Поэтому, ходя в походы по разрушенным домам, он целенаправленно искал ноты или аккорды к песням. Когда длинными зимними ночами он не был занят по хозяйству, то уходил в дальнюю комнату и разучивал мелодии. Таким же музыкальным фанатом был и десятилетний Арсюха, подражавший Степану во всем. Успехи обязательно демонстрировались больной девочке. Короче, Беллу любили и баловали, чем могли. Даже тихая Таня приносила из своих парников для нее какие-то листики.

— Знаешь, Айка, я сегодня видела свою маму. — Нежно улыбнулась Белочка. — Она стояла в луче света и протягивала ко мне руки...

— А ты? — сглотнула слезы Айка.

— А я побежала к ней. У нее теплые руки. Она такая красивая!

— У меня тоже теплые руки. — Полинка влезла к Белле на постель и калачиком свернулась рядом, обхватив ладошками здоровую ручку девочки.

— Да, Полюшка. Но там так светло! И совсем не хотелось уходить. Айка! — девочка повернула голову и нахмурила лоб. — Мама сказала, что ты можешь опоздать, надо торопиться! Ты должна идти...

Белла никогда раньше не запоминала того, что говорила во время припадков. Айка смахнула со щек бегущие слезы и весело сказала:

— Да, Белочка, я уже иду!

И, встав с кровати, махнула рукой Степану:

— Идем.

Остальные потесней уселись на кровати, а Темка вытащил откуда-то из-за спины книгу:

— На чем мы остановились в прошлый раз? — пошелестел страницами. — «Черный Джек был недурен собой и чертами лица скорей походил на мулата, чем на негра...»

Степан с Айкой тихо проскользнули в люк.

Глава вторая. Поиски

— Одевай зимний комбез. И шлем. За бортом около пятидесяти. — Айка сосредоточенно распахивала по карманам всякую нужную мелочь. Туда же отправился и небольшой отцовский пистолет.

Степан защелкнул магазин к автомату и, положив его на лавку, надел комбез и ботинки.

— Сколько ей осталось? — не поднимая глаз на Айку, спросил он.

— Думаю, от силы — неделя. Мать уже позвала ее. А она осталась только для того, чтобы я нашла того, кто умирает. Для них с матерью это почему-то важно.

— Да. — коротко отозвался Степан, одевая на лицо фильтры и опуская темное стекло шлема.

Еще раз проверив все застежки, они по лестнице выбрались наружу. Сильный горячий ветер гнал мелкую пыль среди хлама и скукоженных деревьев. Айка поманила Степана рукой за собой. Там, утром, на пустыре она видела следы. Надо бы их проверить.

Размеренным шагом, не пригибаясь, они пересекли бывшую территорию гаражей и пошли к забору. За ним — промзона. Вот стена одноэтажного дома. Когда-то вместе с отцом они разобрали у него крышу, чтобы досками застелить пол убежища. Именно за ней Айка видела следы.

Хоть ветер своими порывами размел песок, цепочка все еще была видна. Определив направление, ребята пошли по ней.

Через полчаса следы с грунта свернули в сторону оплавившегося камня труб бывшей ТЭЦ. Степан схватил Айку за толстый рукав и, когда она обернулась, щелкнул по пищавшему на груди счетчику Гейгера. Девушка кивнула головой, и они начали обходить вокруг радиоактивное пятно. Приблизительно определив вероятный маршрут пришельца, они зашли в пролом с другой стороны. Здесь, под слоем бетона и не сгоревшей изоляции, было немного прохладней. Айка с удовольствием стянула шлем с головы.

— Как ты думаешь, мы тут сможем его найти? Может, покричать? — улыбнувшись, она прошептала уже расстегнувшему молнию у ворота Степану.

— Страшной смерти хочешь, девушка? Сейчас прибегут сыроеды, и останутся от одной дурехи рожки да ножки. — Он улыбнулся в ответ и, сняв перчатку, провел пальцем по ее смуглой щеке. — Испачкалась.

Айка усилием воли заставила себя остаться на месте и не отшатнуться. Мама, когда была жива, строго-настрого вдолбила ей в голову золотое правило выживания женщины: никаких отношений с мужчинами, как бы они ей не нравились. А Степан ей нравился. Только как напарник и друг. Иногда, замечая искорки в голубых глазах напарника, глядящих на нее, она задумывалась о том, как же им всем дальше жить вместе. Все-таки человеческое тело принадлежит земле, его взрастившей, поэтому уйти от влечения мужчины к женщине одним контролем сознания практически невозможно, ибо природа всегда норовит собрать свою обещанную Богами жатву. А ее девочки и мальчики подрастают. Близнецам уже по шестнадцать. И вполне возможно, один из них увидит, как нежны Надюшкины глаза, и какое у них лукавое выражение, когда она смеется... Татьяну может сорвать в любую минуту, тем более, что про отношения мужчин к женщинам она знает не понаслышке. А у нее начались месячные...

Вероятно, друг заметил мысль, промелькнувшую за доли секунды в Айкиных глазах,

потому что застегнул молнию, надел шлем и опустил светофильтр. Респиратор остался висеть на шее. Отойдя от нее на пару шагов, он сухо сказал:

— Идем в коллекторы.

Айке стало тоскливо. В чем она виновата? Неужели животные инстинкты Степки оказались выше его интеллекта? И с какого перепуга она должна отвечать на его желания? Она — главная в Доме. Ее подбородок гордо задрался, а упрямая нижняя губа вылезла наружу. Точным движением нахлобучив на лохматые и мокрые от пота волосы шлем, она тоже опустила стеклянный щиток.

— Веди. — Ответила она и пошла за Степаном след в след, скользя взглядом по тихим завалам.

Они проверяли четвертый коридор, когда со стороны отстойника послышалось шлепанье и шуршание. Степан, шедший первым, выключил фонарик, быстро схватил ее за талию и поставил на толстую трубу. Затем, прыгнув следом, лег рядом. Айка вытянулась, пытаясь слиться с трубой и не дышать. Они лежали голова к голове, не видя в крошечной темноте лиц друг друга. Айка вдруг почувствовала, как ее руку в перчатке накрыла Степкина рука и слегка пожала.

«Вот балбес!» — подумала девушка и сосредоточилась на приближающемся шуме. К ним по бетонному полу двигалось какое-то крупное тело. Шаги внизу дошлепали до того места, где они спрятались. Раздалось громкое сопение. Кто-то живой нюхал воздух. Затем застучали когти и клацнули зубы.

Вдруг Степан, резко оттолкнувшись от трубы, взвился в воздух, выстрелив вниз светозвуковым патроном, а затем, крепко упершись ногами в трубу, а спиной — в свод коллектора, начал палить вниз короткими очередями. Там кто-то хрипел и хрустел бетонным крошечком. Айка терпеливо лежала на трубе, сняв пистолет с предохранителя.

Наконец грохот стих, и Степа зажег фонарь. В ушах завязла плотная тишина. Подняв голову, она вопросительно посмотрела на напарника. Рот у того открывался и закрывался, но Айка ничего не слышала. Наконец, Степан рассмеялся и пальцем указал вниз. Для верности присел на корточки рядом и направил на пол фонарь. Айка свесила голову. Под трубой, в луже черной крови, лежал толстый крокодил. Вывернутая набок лапа показывала замершему пространству длинные десятисантиметровые блестящие когти. Зубки на выпяченной морде тоже впечатляли размером и количеством. По высунутому языку текла зеленая слизь.

Айка вскочила и махнула рукой. Степа кивнул. Не выключая фонарь, они побежали по трубе обратно. Если этот человек сюда забрел, то искать его уже бесполезно. Тем более, на грохот пальбы сюда скоро соберутся все окрестные любители свежатинки. Выбежав из коллекторов под вечернее небо, Айка сняла шлем и вытерла мокрое лицо. На улице посвежело. Градусов до тридцати. Над головой клубились багрово-синие тучи. Айка подняла руку и, показав на небо, пальцем потыкала в ладонь. Степан молча согласился: собирается гроза. Надо возвращаться. Жаль, Белла расстроится. Она сказала, что пришелец не доживет до утра, если его не найти. Но если они останутся, то могут не дожить и сами. Кислотные дожди здесь не редкость. Самое интересное, что деревья каким-то удивительным образом адаптировались к ним и радостно тянулись к разбухающему небу веточками и листочками.

Постепенно в уши стали врываться звуки. Пока еще далеко ворчал гром. Или не гром? Кто-то резко дернул Айку за штаны. И это был не Степан, который стоял впереди, спиной к ней. Айка опустила глаза и едва не заорала. Рядом, вывалив фиолетовый язык, стоял огромный Ковбой Джек. Его красные глаза внимательно заглянули прямо в ее душу.

Казалось, пес хочет ей что-то сказать.

Айка тихонько облизала пересохшие губы и дотронулась рукой до плеча друга. Тот резко развернулся и замер.

— Тише, — произнесла девушка. — Он пришел нам помочь. Да, Джек?

В красных глазах собаки зажглась насмешка.

— Прости. Люди такие глупые. Извини, если что не так. — Айка серьезно извинилась перед псом. — Но ты, наверное, пришел не просто так?

Пес кивнул головой и, не спеша, пошел ко входу в створевшую электрощитовую, на оплавленной дверце которой до сих пор красовался большой черный череп. Там он сел, выжидательно глядя на бестолковых человечков. Степан, прижимая автомат, медленно пошел следом. Айка — в четырех шагах за ним. В собачьих глазах плясали веселые красные искры. «Он смеется над нашей трусостью!» — догадалась девушка. И тихо сказала:

— Сам запугал и теперь смеешься. Не честно.

Пес наклонил голову набок, вслушиваясь в ее речь так, словно запоминал слова.

Степан протянул руку и открыл дверцу. Там, на полу, среди обгоревших изоляторов, на боку лежал мужчина. Он был без сознания. Степан отошел, пропуская Айку с заветной флягой. Она приподняла ему голову и открыла рот. Вода со спиртом закапала на язык. Мужчина сглотнул и закашлялся. А потом открыл глаза.

Разглядев Айку, он нерешительно улыбнулся и грязной рукой провел по небритому лицу.

— Ротик открой. Дам еще водички!

— Спасибо, добрая девушка... — прошептал он и открыл рот.

Айка влила в него жидкость.

Снаружи будки вдруг заворчал пес. А в небесах, словно ответом, раскатился гром, и полоснула по глазам молния.

— Надо бежать. Ты идти можешь?

Человек покачал головой.

— Нет сил. Бросьте меня. Днем раньше, днем позже... Все едино — сдохну.

— Ну уж нет. Мы дали слово, и ты идешь с нами.

Когда мужчина поднялся, то смог стоять на ногах, только ухватившись руками за выступ. О том, чтобы идти, не могло быть и речи.

— Давай его руки положим на наши плечи и пойдем. — Сказал Степан, с тревогой глядя на небо. Молнии полыхали все чаще и били все ближе.

Напарники с трудом вытащили мужчину из будки. Подхватили.

— Нам бежать через пустырь. Успеем?

— Побежали, думать станем по дороге.

И они рванули к Дому. Впереди, постоянно на них оглядываясь, бежал Джек. Когда очередной разряд уложил их на землю, пес остановился. И когда Степан с Айкой снова двинулись в путь, то налетели на стоящего Джека висящим на их плечах мужчиной, который опять потерял сознание.

— Джек, ты хочешь нам помочь? — прохрипела Айка.

Пес медленно кивнул. Не раздумывая, они сгрузили на здорового пса свою ношу. Тот рванул вперед так, что бегущие следом молодые люди едва за ним успевали. Собака нагибалась и прыгала, однако висящее на спине тело с нее не падало. И вот проход к люку. Джек сбросил ношу на землю и растворился в наступивших густых сумерках.

— Спасибо! — звонко крикнула Айка.

В ответ оглушительным грохотом взорвалось небо и ливанул дождь.

Постояв под душем прямо в одежде и хорошенько промыв в нем же найденного мужчину, Айка со Степаном разделась, повесив мокрые комбезы в продуваемую сквозняком нишу. Перетащив бледного мужчину в соседний отсек, они срезали с него одежду и свалили ее грязной кучкой у порога.

— Дождь кончится, выброшу.

Степан, не отвечая, достал из кармана длинных домашних штанов счетчик Гейгера и поднес к обнаженному телу.

— Светится. — Прокомментировал парень. — И чего тащили? Все равно не жилец. Нас только будет заражать.

— Давай-ка еще раз его помоем, без одежды и теплой водой. Иди, включи нагреватель и возвращайся. Мне тяжело его ворочать.

Пока Степан ходил в Дом, Айка надела резиновые перчатки, взяла мочалку и хорошенько ее намылила. А потом до красноты начала натирать ей тощее, избитое и израненное тело. Когда вода нагрелась, вернулся Степан. Хмуро посмотрел на Айку и лежащего на досках голого мужчину в пене.

— Ты иди. Дальше я сам справлюсь.

Он снял одежду и надел перчатки. Включил душ. Сквозь шум воды добавил:

— Там Белочка ждет подробностей!

Айка кивнула и, сполоснув руки, вышла.

В их небольшой столовой-гостиной ее ждали все ребята. Надя посадила Беллу себе на колени, заплетая из жидких белых волосенок тоненькие косички. Братья, как всегда, пихались и подкалывали друг друга. Арсений тихо щипал гитарные струны. Как только она вошла, все дружно замерли и посмотрели на нее.

— Ну, как? — тихонько выдохнула Надежда.

Айка улыбнулась:

— Нашли. Степан его отмывает. Сейчас принесет.

Мальчишки подскочили с широкой скамьи, на которой сидели:

— Давайте положим его здесь! В спальнях все равно тесно, а тут он будет рядом с Белкой!

— Хорошо, — согласилась Айка. — Несите матрас и одеяло.

Мальчишки тут же притащили и разложили на скамье. И снова любопытные мордахи с ожиданием смотрели на Айку. Белочка тоненькой ручкой вцепилась в Надину рубаху. На лице застыло выражение надежды и тревоги.

Айка села рядом и погладила ее по голове:

— Ты сегодня очень красивая!

— Правда? — расцвела неярким румянцем бледная до синевы девочка. — Я так рада!

— Это ты послала к нам Джека?

— Что?! Это чудовище? — Мальчишки спрыгнули со скамьи и уселись в Айкиных ногах. — Как это?

— Вот так. Мы со Степаном блуждали в коллекторах бывшей ТЭЦ и наткнулись на... крокодила! Он нас слопать хотел.

— Ух ты! — засиял глазенками Арсений. — Жаль, я этого не видел! Я бы... Интересно, откуда он взялся?

— Возможно, из зоопарка. А, может, его кто-нибудь держал в своем доме.

— Как это?

— Дома были большие. С бассейнами.

— А дальше? — братья запихнули Арсюху между собой, зажав налитыми юношескими плечами.

— А дальше Степан расстрелял его из автомата.

— Круто! — выдохнули пацаны. — А мы и не знали, что там такая тварь живет!

— Скорее, он жил в отстойниках. А в коллекторы выползал полакомиться случайными попаданцами или крысами. Их там дикое количество. Вода и тепло. Они там здоровущие. — Выдвинул свою гипотезу Стас.

— Ну и вот, — продолжила Айка, — выползаем мы, оглохшие от выстрелов, на улицу, а меня за штаны кто-то дергает. Оглядываюсь, а рядом с локтем — морда Джека. Глазищи сверкают, язык высунут наружу, зубы огромные...

— Ой! — ахнула Полинка.

— Он очень добрый. — Неожиданно сказала Белла. — Я его попросила помочь. Только он вас боится. Еле уговорила.

Теперь все с изумлением посмотрели на девочку.

— А как ты с ним говоришь? — протиснул свою мордочку Арсюха.

— Я его чувствую. И всю его стаю. Все живые сущности в округе. Но разговаривала сегодня первый раз. Он очень удивился. Еще я сказала, что им и нам надо подружиться. Так легче жить. Он сказал, что обдумает. И, видишь, он помог.

— Да, Бельчонок. Он помог найти и дотащить мужчину. Скажи Джеку спасибо от всех нас.

— Хорошо. — Серьезно сказала Белла, к чему-то прислушиваясь.

Тут открылся внешний люк и в комнату, согнувшись, просунул голову Степан:

— Тёмка, Кирюха, идите сюда, принимайте находку!

Мальчишки подскочили и подставили руки. Внутрь, головой вперед, в отверстие просунулось тело, завернутое в простыню. Длинные светлые волосы подметали пол. Небольшие усы и бородка топорщились на заострившемся лице. Глаза были закрыты. Мальчишки перехватили Степанову ношу и аккуратно сгрузили его на скамью с матрасом. Накрыли одеялом.

— Вот, — Темка ткнул в сторону бороды пальцем. — А вы надо мной смеетесь!

Надюха хмыкнула:

— Сходи, погуляй по городу несколько месяцев, еще не такое вырастет!

— А что у Тёмы вырастет? — запрыгала рядом Полинка, привлекая к себе внимание.

— Хвост и большие вши! — округлила глаза Надежда.

— Посадите меня к нему! — неожиданно звонким голосом выкрикнула Белла.

Надежда встала и посадила девочку рядом с мужчиной.

В люк влез Степан и остановился рядом с Айкой, глядя на бессознательного человека и слепого однорукого ребенка.

Здоровой ручкой Белла нашарила его лицо и начала тонкими пальчиками поглаживать лоб, нос, закрытые глаза и губы.

— Ну что же ты? — спросила она в напряженной тишине. — Просыпайся! Я тебя нашла!

И тут лежащий мужчина судорожно вдохнул воздух и открыл ярко-синие глаза.

Секунду смотрел в потолок, видимо, пытаясь вспомнить, где он, затем перевел взгляд на ребят и сидящую рядом девочку.

— Я жив? — тихо спросил он.

— Ты жив. — Серьезно ответила Белла. — Mamочка очень просила найти тебя. Она вела тебя ко мне. Помнишь?

Мужчина снова прикрыл глаза.

— Она ведь умерла?

— Да, папочка. Она хотела, чтобы я с тобой попрощалась.

Мужчина с трудом поднялся на локте и взгляделся в бледное детское лицо с закрытыми глазами.

— Боги! Амина, дочка! — Он вытащил из-под одеяла слабую трясущуюся руку и дотронулся до Белкиного плечика.

Степан с Айкой переглянулись с озадаченным выражением на лицах. Остальные ребята, затаив дыхание, дружно обступили кровать.

— Да, папочка. Я дождалась тебя, как обещала маме.

— Как же вы жили без меня? Одни, в этом безумии?

— Я плохо помню, папочка. Было очень холодно и хотелось есть. А потом, когда умерла мама, она привела Айку ко мне. И она забрала меня к себе. Ее мама с папой тоже умерли. И я скоро умру. Mamочка меня уже ждет там, где яркий свет и всегда тепло.

— Дочка, Аминушка! — мужчина привлек к себе девочку, покрывая поцелуями ее голову. Из синих глаз текли слезы. Белка счастливо вздохнула и легла головкой ему на грудь.

Степан нахмурился и распинал в стороны раскрывших рты пацанов.

— Все, на дворе давно ночь. Завтра у тебя, Артем, и у тебя, Кирилл, тяжелый поисковый день. Скорее всего, придется копать. Так что, спать. И быстро.

Темка, поворчав, убрался в спальню мальчиков с томиком Майн Рида под мышкой. Кирилл, озадаченно посмотрев на Степана, пошел за братом. Арсюха попытался было спрятаться за табуреткой, но был немедленно извлечен из своего закутка и пинком отправлен в сторону двери. Потирая пятую точку и состроив обиженную физиономию, он зашел в дверь за братьями:

— Ну вот, такое событие, а мне даже досмотреть не дали!

— Это не балаган! — отрезал Стас, закрывая дверь комнаты.

— А что такое балаган? — шустрый Арсений залез на кровать Артема и засунул нос в его книжку.

— А это когда любопытной Варваре на базаре нос оторвали! — зажал Артем двумя пальцами маленький пацаний носик.

Арсений брыкнул ногами Темку и, вырвав драгоценную часть тела из захвата, полез в свой угол.

— Вот так всегда! — пожаловался он, залезая под одеяло, лампочке. — Все всё знают, а я — маленький! Вот понадобится вам куда-нибудь залезть, еще позовете и попросите!

Вошедший Степан разом навел порядок, выключив свет.

— Степ! — раздался шепот. — Он, правда, ее отец?

— Правда. — Громко сказал Степан, чтобы сразу пресечь болтовню. — Завтра ранний подъем. Спите.

Девочки раздевались медленнее. Полинка, повозившись, сразу уснула. Татьяна стыдливо скинула длинные штаны с кофтой, сразу накрывшись одеялом и отвернувшись к

стене. Надежда медленно причесывала светлые волосы. Вошла Айка и закрыла дверь за собой.

— Как они, Ай?

— Не нравятся мне настроения Белочки. — Девушка покачала головой, тоже доставая расческу и начиная прочесывать густые короткие черные волосы. В Доме никто не носил длинных волос, боясь подхватить в вылазках какую-нибудь заразу. — Она постоянно после припадка говорит о смерти...

— Как ты думаешь, он действительно ее отец?

— Она медиум. Провидица. В ее случае возможно все. Когда он немного придет в себя, мы его расспросим. Завтра мальчики пойдут за бензином. Запустим еще один генератор. Если Степан найдет хороший насос, надо будет провести ветку трубопровода с водой к поверхности.

— Зачем?

— Собакам. Пусть пьют чистую воду в неограниченном количестве.

Айка легла и закинула руки за голову:

— Все-таки как удивительно подчас складывается жизнь!

Надежда выключила свет и легла рядом с Айкой.

— Что будем делать завтра?

— Ты подберешь одежду для найденьша. Покушаем, отправим мальчиков и пойдем к озеру. Я хочу посмотреть старый насос и определиться, как вести трубы для стаи. Джек заслужил нашу благодарность. Спи, Надюш!

Та зевнула:

— Спокойной ночи!

Скоро дыхание девочки стало ровным. Айке, проведшей на ногах двое суток, спать не хотелось. Воспоминания всплывали из глубин мозга, наслаиваясь одно на другое.

Глава третья. Глеб

Ей вспомнилась Полинкина мать, худая, бледная, в лучевых язвах женщина неопределенного возраста. Кашляя, она стояла у входа в дыру Савеловского рынка и предлагала всем своего ребенка.

— Купите девочку! — шептала она, вытирая с губ кровавую пену. — Здоровая!

Люди проходили мимо, с пренебрежением разглядывая умирающую женщину и худощего маленького ребенка с огромными глазищами на испуганном грязном личике.

— Чего хочешь? — подошел к ней Шамил. Сзади стояли двадцатилетняя Айка, закутанная в зимний комбез и пятнадцатилетний, недавно прибившийся к ним Степан в старой куртке и рваной кепке. Они пришли на рынок за одеждой для него и лекарством для Арсюхи, которого Степан привел вместе с собой. Мальчишка простудился и сильно кашлял.

— Покушать бы чего... и спичек... Не смотрите, что она маленькая! Ей уже два года и можно брать органы! Берите, все равно умрет!

— Айка! — отец обернулся. — Смотри, чтобы никуда не сбежала. Мы закупимся и придем. Слышишь, болезная! Мы вернемся и заберем твою девочку.

Отец со Степаном влезли в дыру между плитами и растворились на огромной территории рынка.

Девушка отвела женщину в сторону и посадила на камень.

— Это твоя дочь? Как ее зовут?

— Полинка. Да, она моя дочь. — Женщина закашлялась. — Я умираю. Пусть лучше ее убьют, спасая кому-нибудь жизнь, нежели она погибнет голодной смертью рядом со мной.

— Не плачьте. Ваша девочка будет жить в моей семье. У нас хороший дом. — Айка улыбнулась утиравшей слезы женщине.

— Вы правду говорите? — женщина недоверчиво посмотрела на Айку.

— Правду.

— Пусть благословят тебя, деточка, забывшие нас Боги! — женщина кашлянула и поднялась с камня. На испорченном язвами лице сияла улыбка, а глаза блестели. — Ничего мне от вас тогда не надо! Пусть будет счастлива моя доченька!

Женщина махнула рукой и, пошатываясь, пошла прочь, оставив Полинку в руках Айки.

Девочка, когда немного прошел шок от потери матери, оказалась жизнерадостным и активным ребенком, хорошо говорящим и путающимся у всех под ногами. Уже больная Айкина мама сажала девочку на колени и читала ей книжку. И только тогда кто-то мог чего-то сделать, не боясь уронить на голову или ногу Полинки молоток или кастрюлю с супом...

Айка повернулась на бок, и в памяти всплыл тот зимний день, когда, откинув крышку люка, она увидела сидящего на покрытой хрустящим снегом земле закоченевшего синего пацана, сжимающего обмороженными руками толстый сверток.

Увидя вылезшую наружу девушку, он непослушными губами прошептал:

— Возьмите нас к себе! Пожалуйста!

Айка позвала отца, и они с трудом вытащили из закоченевших мальчишеских рук кучу тряпок, а затем подняли парнишку и затолкали в люк. Шевелящийся и кашляющий кулек, не распаковывая, унесли в ванную комнату.

Отец сразу нагрел воды. Кашляющий сверток оказался худеньким длинноногим мальчуганом с очень белой кожей и светло-рыжими волосами. Хоть его тело горело высокой

температурой, да и воспринимал он происходящее слабо, но все равно губы непроизвольно подрагивали в улыбке, а светло-серые глаза все время пытались поймать взгляд раздевшей и уложившей его в горячую воду Айки. Перепоручив младшего дочери, старшим мальчиком отец занялся сам. Потихоньку согрев и помассировав руки и ноги, он дал ему поесть, и только потом отправил мыться.

Младший уже спал, когда старший в чистой одежде вышел из ванной комнаты и сел на лавку в «гостиной». Вся семья собралась за столом и с любопытством смотрела на новенького.

— Ну, рассказывай, кто ты, откуда, как зовут и как нас нашел? — сразу задал отец все интересующие вопросы.

— Зовут меня Степан. Мне пятнадцать лет. Родился я здесь, еще до взрывов. Отца у меня не было. Вернее, был, но они с матерью развелись после моего рождения. Тогда мать полностью погрузилась в свое разочарование и проблемы. Иногда доходило до того, что в доме нечего было есть. Но жизнь — штука прихотливая и любит всякие выверты. Однажды на улице к ней подошла женщина, терпеливо выслушала все жалобы, назвала сестрой и оставила свой номер телефона. Мать оттаяла и начала названивать доброй тетке чуть ли не каждый день. А когда та сказала, что посещает собрания Свидетелей Иеговы и что в их общине все друг друга любят и помогают братьям, то мать полетела туда на крыльях, невзирая на крики бабушки. Там она нашла тех, кто готов был направлять ее действия и взять на себя ответственность за ее жизнь. Знаете, ей очень нравилось, что можно ни о чем больше не думать, а делать так, как велит наставник. Меня она тоже туда водила. Когда я был маленьким, раздавал на остановках проспекты с приглашениями: «Приходите к нам на собрания, и мы решим все Ваши проблемы! С нами Бог!» Когда все это случилось, — парень поднял голубые глаза к потолку, — мы с матерью ехали в метро за очередной бесплатной работой на благо нашей общины. И мы остались под землей. Не хочу говорить о том, как мы выживали. Это было страшно. Но матери через какое-то время удалось найти братьев по духу, тоже каких-то сектантов, обещавших запись в Книге Жизни и полное подчинение адептов своей воле. Мать с радостью к ним прибилась. Ну и я с ней. Я бы один не выжил. Сектанты жрали крыс и пели гимны. Если кто-то заболел, то его не лечили, говоря, что так угодно Богам. Когда заболел рыжий Арсюха, а мы жили с ним в одном углу, его мать безропотно отдала сына Посвященному, чтобы он читал над ним псалмы. Я прокрался к палатке и подслушал, что мальчишку собираются продать Волкам, пока не умер. Понимаете, дети там — это обуза. За ними надо ухаживать, кормить, лечить. А принести верхушке какую-либо пользу они пока не могут. Но жрать хочется не в будущем, а здесь и сейчас. Так что Арсюху особо не кормили. Мы были очень похожи: никому не нужные дети. Даже своим матерям. А теперь моего единственного друга хотели продать. Знаете, — продолжил Степан, обведя всех пристальным взглядом, — я тогда вылез из метро и пошел по городу. Вы не смотрите, что я худой. В нашей церкви я был лучшим охотником-поисковиком. Одним выстрелом снимаю крысу в почти темном помещении. В-общем, я вылез и пошел, распутывая человеческие следы. Полдня ходил впустую. Нет, убежища я видел. Но там тоже было холодно и голодно. А когда наступил вечер, я вернулся за Арсюхой. Пусть мы бы замерзли, но вдвоем и свободные! И пока все наши молились и слушали речь пастора, я залез в их палатку, завернул Арсения в одеяла, и убежал.

— Как же ты не испугался послушаться своих наставников? — удивленно спросила Надя.

— Врут они все. — Равнодушно ответил Степан. — Я в дорогу у них пару запеченных

крыс стащил. А им пора поститься. А то все сестры и братья высохшие, на одной воде сидят, а эти жрут каждый вечер! Тут продали кольцо тетки Натальи с изумрудом, купили бутылку вина и позвали послушниц... Нам сказку на следующий день рассказали, якобы всю ночь бесов гоняли! В-общем, ушел я с мальцом. Накормил по дороге. А холодно... Да и снег пошел, ветер, следы замечает. Гляжу, вдалеке, впереди кто-то идет. Два человека. Я — за ними.

— Мы тебя не заметили! — рассмеялась Надежда.

— Я прятался. Хотелось прийти хоть куда-нибудь, где тепло. А потом вы вдруг исчезли. Словно сквозь землю провалились! Я по следам... вот, нашел ваш люк. Стучал, кричал... Собаки выли. Ходили стороной, но не тронули.

— Не стрелял?

— Да Вы что? Они тогда бы точно напали!

Нестриженный и худой Степка округлил глаза и развел руками:

— Они охраняли нас. Когда я стал засыпать, мне показалось, что огромная пушистая собака легла рядом и согревала нас своим телом...

— Это тебе приснилось! — авторитетно заявил восьмилетний Стас. — Когда замерзаешь, кажется, что наступила жара.

— А ты что собираешься делать дальше? — задала вопрос мама.

— Если не выгоните, буду помогать, чем могу. Я крепкий и ловкий. Сам научился читать и писать. Отлично стреляю. Арсюху тоже учил...

— Будешь нам читать проповеди? — ехидно спросила Айка.

— Не думаю, что это вам интересно, но при желании, и особенно наедине — всегда пожалуйста! — скопировал Айкины интонации Степан.

— Ты наедине только это и можешь? Или еще козявки ковыряешь? — внезапно разозлилась Айка, вспомнив вечно голодных и беременных шлюх на рынке.

— Дочка, тише! Мальчик просто неудачно пошутил. — Сгладила конфликт мама.

— Кстати. — Суровым голосом произнес отец. — В нашей семье строго запрещены всяческие сексуальные отношения. Шуточки на эту тему тоже не приветствуются.

— Да я ничего, просто так, к слову вырвалось! — У мальчишки затрясся подбородок. — Я, правда, больше не буду. Обещаю!

— Тогда режь свои сектантские волосы. Нам насекомые не нужны! — Все еще злым голосом пробурчала Айка.

— Так вы нас не выгоните? — Степан посмотрел на мать с отцом.

— Значит так. — Отец, подытоживая разговор, встал. — Сегодня ты спишь и знакомишься с Домом. Мы — с тобой. Потом определимся, что ты умеешь и что тебе можно поручить.

А через несколько дней отец объявил, что станет учить Степана всему, что умеет сам.

— Будешь помощником для моей дочери и опорой всем малышам. Согласен?

— Согласен! — торжественно обещал долговязый обстриженный паренек.

Айка снова крутанулась в постели. Теперь этот мужчина. Что он станет делать? Заберет Беллу? Захочет навести здесь свой порядок и диктовать условия? Разве он потерпит в лидерах девчонку? А Степан? Он очень любил отца, беспрекословно его слушался. Это с ней его заносит... А вдруг в нем заговорит его церковное прошлое, и он захочет подчиниться чужаку? В усталой голове сами собой всплывали глупые поступки ее друзей и страшные мысли. Сейчас никому верить нельзя. А вдруг мужчина займет ее Дом и выгонит всех на

улицу... Но ничего. Она сильная и будет бороться до конца! Окончательно запутавшись в своих невеселых рассуждениях, Айка, наконец, заснула.

Наступившее утро налетело шестичасовым вихрем в лице отоспавшейся Полинки, прыгнувшей Айке на живот:

— Вставай, Айка! Пойдем смотреть Белкиного папу!

Проснувшись сопящая в согнутый локоть Надежда:

— Уймись, Полли, дай отдохнуть! Еще так рано! — она, зевая, включила маленький фонарик и посмотрела на часы. На кровати у стенки тихонько завертелась Таня.

— Этот человек здесь останется? — едва слышно прошептала она.

— Мы спросим его о планах. — Зевнула еще раз Надя.

— Опасно оставлять взрослого мужчину среди детей. — Озвучила Айкину ночную мысль Татьяна. — Он намного сильнее Степана и Айки. Да и пример человека, много повидавшего и выжившего наверху, может показаться привлекательным даже для Степы, не говоря о малышах.

— Я тоже об этом думала. — Призналась Айка.

— По-моему, вы накручиваете и преувеличиваете опасность. — Тихо отозвалась Надя.

— Или преуменьшаем. Посмотрим. — Айка села на постели, прижимая к себе хихикающую Полинку. — Надюш, раз мы все равно проснулись, включи, пожалуйста, свет. Пойду, посмотрю на Беллу и ее отца. Заодно, пока спит Стас, приготовлю покушать.

— Я вчера редиску и салат принесла. Можно порезать к каше. — Прошелестела, одеваясь под одеялом, Татьяна.

— Спасибо. Так и сделаю. — Вежливо ответила Айка.

Хоть и жила Таня вместе с ними уже два года, но все равно продолжала держаться с остальными вежливо, но обособленно, ни к кому не привязываясь, даже к забавной Полинке. А Айкин восточный темперамент с неожиданными перепадами настроения ее иногда просто пугал.

И вот, наконец, все оделись, и первой из-за приоткрытой двери высунула свой маленький носик любопытная маленькая девочка с фонариком. Пока здесь спала одна Белла, свет включали безбоязненно, поскольку она ничего не видела. Но сегодня, кроме нее, здесь находился посторонний человек.

— Веди себя тихонько, Полли. Наш гость еще спит.

— Не сплю. — Раздался приглушенный мужской голос. — Можете включить свет.

— Доброе утро. — Айка щелкнула выключателем, и над столом тускло загорелась энергосберегающая лампа.

На лавочке, под одеялом, лежал улыбающийся незнакомец. На его руке спала Белла. Айка смутилась. Так близко со взрослыми людьми, тем более, мужчиной, она не общалась со времен своего детства. Нахмутив лоб, девушка сурово сказала:

— Скоро проснутся мальчишки. Мне надо их накормить и отправить по делам.

— Полагаю, милая барышня, мне надо встать? — в ярких глазах Беллиного отца плясали искорки.

— Было бы неплохо. — Кивнула головой Айка.

— Я бы с удовольствием исполнил Ваше требование, но мою одежду кто-то у меня забрал. Не хотелось бы вас, девушки, шокировать...

Надежда прыснула в ладошку.

— Вы нас хотели шокировать выпирающими ребрами?

Татьяна дотронулась до Айкиного локтя.

— Я ушла в теплицы.

— А кушать?

— Вечером.

Опустив глаза, девушка выскользнула в люк.

— Я сейчас подберу для Вас одежду! — Надя улыбнулась и ушла в кладовку.

Айка зашла в кухонный закуток и загремела кастрюлями.

— У вас хороший дом! — сказал мужчина. — А взрослых среди вас нет? Вы все это сделали сами?

Айка насторожилась. Наверняка Белла все ему рассказала. Зачем тогда он выпытывает информацию у нее? Подбородок снова упрямо выдвинулся вперед. И почему они послушали Белку и притащили его сюда? Похоже, Таня оказалась права, и отлежавшийся мужчина уже начал продумывать свои далеко идущие планы.

Из кладовки вышла довольная Надежда:

— Посмотрите, пожалуйста. Мне кажется, эти вещи должны быть впору! — она подошла к скамье и положила на одеяло тренировочные штаны и майку. — Одевайтесь!

Мужчина тихо рассмеялся:

— Думаю, в таких случаях молодые леди отворачиваются.

Надюшка покраснела и отошла на кухню к Айке. Та метнула на подругу сердитый взгляд:

— Как тебе не стыдно, Надежда! Он — чужой человек, а не твой привычный домашний мальчик. Кто знает, что творится в его голове!

Мужчина, тем временем, аккуратно приподнялся и бережно переложил со своего плеча на подушку светлую головку Беллы. Та счастливо вздохнула и, свернувшись калачиком, засопела дальше. Отец прикрыл ее одеялом и, усмехаясь, натянул на длинные тонкие ноги штаны, а на тело — майку. Все болталось на нем, словно на вешалке.

— Ну а теперь любознательные девушки могут обернуться. С добрым утром!

Надежда, словно Айка ей только что ничего не говорила, подпрыгнула, развернулась и хлопнула в ладоши:

— Доброе утро! Ой, какой Вы худой! И какие длинные волосы! — с детской непосредственностью она подошла к стоящему у стола человеку и взяла в руки прядь белых волос. — Мягкие!

— Надежда! — прорычала с кухни Айка.

— Да, это большая проблема, — длинные пальцы мужчины осторожно вытащили волосы из Надиных пальчиков. — А расческа и бритва у вас существуют?

— Существуют. — Хмурая Айка подошла к столу и села на лавку. — Надя, буди мальчиков и доставай тарелки.

Когда круглолицая и веснушчатая Надежда скрылась за дверью мальчишечьей спальни, Айка продолжила:

— Все находится в ванной комнате. Степан встанет и Вас проводит. Убирать за собой придется самому. Слуг и рабов у нас нет.

— Понял, понял. Меня зовут Глеб. — Мужчина перебросил спутанные волосы на спину и сел напротив.

— Ваши планы на будущее, Глеб? — девушка темными глазами, не мигая, смотрела в чистые синие глаза найденьша.

— Нет у меня планов, красавица. Не будете возражать, если на какое-то время задержусь у вас?

Дверь в спальню мальчиков открылась и из нее вышли братья Артем с Кириллом и Степан.

— Будем. — Почти такого же роста, как и Глеб, Степан встал рядом с мужчиной.

Айка удивленно засмотрелась на них. Оба были неуловимо похожи: высокие, худые, светловолосые. Но у Степки был среднерусский курносый нос и пухлые мальчишеские губы. У Глеба же лицо с запавшими и заросшими щетиной щеками было вытянутым, а нос — тонким и длинным. Губы и подбородок терялись под бородкой. А у глаз — едва заметная сетка морщин. «Интересно, сколько ему лет?» — внезапно для самой себя подумала Айка и, тут же, устыдившись своего бесцеремонного разглядывания, резко встала и пошла на кухню за тарелками.

— Почему? — удивился Глеб.

— У нас никто не задерживается просто так. Все работают — это раз. Во-вторых, у нас нет красавиц и чудовищ. Айше — у нас в Доме старшая и отвечает за всех. Я, конечно, понимаю, что Вы только что обрели давно потерянную дочь и хотите побыть с ней. Но содержать Вас — слишком дорого для нашей маленькой семьи.

— Белла умирает. — Тихо сказала Айка. — Вы можете пробыть с ней до конца. Пусть ребенок уйдет счастливым. Но и Вы потом должны уйти. Понятно?

— Если не на тот свет, то согласен. — Кивнул головой Глеб. Едва заметная насмешка скользнула по губам. — Айше, представьте мне, пожалуйста, членов своей семьи. Я же должен знать, кого из вас нужно просто уважать, а кого бояться.

Степка сжал кулаки, Айка усилием воли задавила рвущуюся на волю грубость. Остальные не поняли ничего и только рассмеялись.

— Степан. — Айка проглотила колкость и показала ладонью на парня. — Мой друг и заместитель. Надежду Вы уже знаете. Она — наш завхоз. Артем и Кирилл — это наша ударная сила, правая и левая руки Степана. Вот эта тихая и незаметная сейчас маленькая девочка — Полина. Зевающий рыжик — самый лучший поисковик Арсений. Стас — повар. Таня ушла в теплицы. Ребята, отца нашей Беллы зовут Глеб. А теперь давайте кушать!

Она взяла кастрюлю и разложила по тарелкам кашу. На середину стола поставила салатницу:

— Свежие овощи от Татьяны!

Все быстро покидали кашу с овощами в рот и запили настоем из трав, растущих в теплицах и принесенных еще Айкиным отцом из дальних походов.

— Спасибо. — Степан встал. — Мы с Артемом и Арсюхой за новым насосом. Быстро не ждите.

— Ура! — заорал засидевшийся в Доме Арсений. — Я столько найду — не унесете!

— Главное, себя назад принеси. Ладно? — ласково улыбнулась Надя.

— Степ, покажи Глебу, как греть воду и чем бриться. Хорошо? — грустно попросила Айка.

— Кирилл остается. Он и покажет. — Степан развернулся и нырнул в люк.

Тёмка закатил глаза, пожал плечами и полез за Степкой. За ними колобком выкатился Арсюха.

— Стас, на тебе — посуда. Я — к озеру. — Айка встала и задвинула стул.

Глеб внимательно посмотрел на нее.

— У вас автоматическая подача воды? Из подземного озера?

— В чужом доме не спрашивают, из какого материала унитаз, просто пользуются им по назначению. — повторила Айка одну из поговорок отца и, развернувшись, вылезла через люк в «прихожую». Отсюда лесенка вела в систему коллекторов. Мальчишки уже успели собраться. Арсений и Артем спускались в нижний люк, чтобы потом опять подняться уже на землю. Степан защелкивал на кармане счетчик Гейгера, без которого они не выходили на поверхность.

— Я хочу сходить к озеру. — Сказала ему Айка.

Степан поднял на нее потемневшие глаза:

— Осторожней с ним. Мутный он какой-то.

— Степ, — девушка дотронулась рукой до рукава комбеза, — мы вместе справимся. Не переживай.

Потом, немного подумав, поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. Степка вспыхнул. Глаза сразу посветлели и заискрились.

— Ну, я пошел?

— Иди. — Айка улыбнулась. — И возвращайся.

Степка легко открыл люк и, махнув рукой, слетел вниз за ребятами. Люк захлопнулся.

— Песец. — Тяжело вздохнула Айка. — Дальше-то что будет?

Чтобы отвлечься от грустных мыслей и успокоиться, она начала вспоминать отца и мать. Интересно, как бы мама поступила на ее месте?

Глава четвертая. Озеро

Уже давно, как только они тут начали обустриваться и исследовали подземелья, то совершенно случайно вышли к старому тоннелю и попали на неработающую насосную станцию, уткнувшись проржавевшими соплами в большое подземное озеро.

— Вот это да! — восхитилась Айка, когда лучик фонаря не достал до потолка естественной пещеры. — Пап, а почему люди ее забросили?

— Забыли, дочка. Когда строили, Москва была небольшим городом, заканчивающимся в районе Суцевского вала и Марьиной Рощи. Воду брали из Пироговского водохранилища. И все было прекрасно до той поры, как американцы изобрели ядерную бомбу и сбросили ее на японские города. Увидев чудовищные последствия этой показательной акции, вожди нашей страны бросились приводить в порядок заброшенные со второй мировой войны бомбоубежища, создавая в каждом из них запас продовольствия. И тут встал вопрос о чистой питьевой воде. Все, что на поверхности, могло подвергнуться радиационному заражению, в том числе и реки. И тогда геологи обследовали приборами окрестности города. Обнаружив в нескольких местах подземные пустоты, они резонно предположили там наличие воды. Пробурили скважины. И в тех местах, где действительно нашлась чистая питьевая вода, построили резервные насосные станции.

— Пап, а почему же тогда их забросили?

— К тому времени, как произошел удар, наших правителей уже не интересовали надежды и проблемы людей, живущих в стране. Главной задачей стало набить собственный карман и убраться из разоренного государства подобру — поздорову, пока там, куда они стремились, их еще принимали. А про водопровод забыли специально, или денег на ремонт не стало. Да и кто мог подумать, что один из этих военных параноиков начнет бесполезную войну, в которой не остается победителей.

— Пап, а есть страны, где нет ядерной зимы?

— Думаю, нет. Хотя, может быть, там радиации меньше...

Айка натягивала легкий комбинезон и ботинки на шнуровке — военные берцы, без которых выход из убежища мог обернуться распоротой ногой, как минимум. А, как максимум, остаться без ног вообще. Сняв с полки мощный фонарь, она повесила его на грудь. Пистолет положила в кобуру, которую застегнула на поясе. Кто знает, кто на тебя может вылететь в этих подземельях?

— Аюшка, мне пойти с тобой? — сунул в люк голову Кирилл.

Айка не успела ответить, как послышалась какая-то возня, и вместо Кирюхиной улыбающейся рожицы в проеме показалось бледное лицо Глеба.

— Айше, возьмите меня с собой. Амина, то есть, Белла, еще спит. А мне хочется стать вам полезным. Поверьте, я не желаю никому из вас ничего плохого. Я — достаточно грамотный инженер.

— Вы себя хорошо чувствуете?

— Да, благодаря теплой заботе членов Вашей семьи и долгому мирному сну.

— Насос разобрать и собрать на коленке сможете?

— Если есть отвертка и пассатижи — без проблем.

— Тогда идемте.

Глеб ловко спустился по узкой лесенке.

— А стричься? — завопил сверху Кирилл.

— Как только вернемся — обязательно. — Улыбнулся его напору мужчина.

— Одевайтесь. — Айка открыла шкаф с комбезами и шлемами. — И волосы подберите.

Не дай Боги, в проволоке запутаетесь.

— Конечно. — Мужчина ловко перекинул волосы вперед и буквально за пару секунд заплел косу и перетянул ее веревочкой, подвязав к основанию. Затем внимательно осмотрел комбезы из плотной непромокаемой и трудно рвущейся ткани. По росту ему подошел только один. Тот, который носил отец и изредка надевал Степан.

Айка, застегивая манжеты, промолчала. Действительно, кроме этого, надеть больше нечего. Но ее недовольный взгляд снова перехватил Глеб.

— Что-то не так?

— Все в порядке. — Спокойно ответила девушка. — Подумала, что наши мальчики растут. Скоро опять придется идти на рынок за одеждой.

— Вы всю одежду покупаете на рынке? — удивленно вскинул светлые брови Глеб.

— Я имела в виду комбинезоны. А одежды и так хватает на старых складах.

— Я думал, вы ходите по домам.

— Нет, в-основном, по складам. Дома были разрушены слишком сильно, и материал не сохранился. Или пропитан радиацией. Склады пострадали меньше.

— А комбинезоны? Их на складах нет?

— У нас нет. Но на рынок откуда-то приносят. Так что приходится покупать. Берите шлем и фонарь. Вон в том ящичке — инструмент для уличного использования. Там отвертка и пассатижи.

Мужчина оделся, проверил свободу движения и спросил:

— Я вчера был в длинном пальто. В кармане лежало оружие. Вы его не потеряли?

— Шкафчик рядом. — Кивнула на дверку Айка.

Глеб открыл дверцу и присвистнул:

— Ну у вас и арсенал!

На полках лежали три автомата Калашникова, два ПМ и Марголин. Отдельно — магазины и патроны. На полочке сверху лежал десяток гранат.

— Можно? — Глеб вытащил «Калаш» и прищелкнул магазин.

— Вы умеете обращаться с этим оружием?

— В нашей стране не осталось ни одного человека, не умеющего обращаться с оружием. Идем?

Айка молча подошла к люку и, открыв, скользнула вниз. Затем, из следующей комнатухи, снова вниз, в подземелье старого коллектора. На ремне шлема автоматически зажегся яркий светодиодный фонарь. Айка включила еще ручной и подсветила новичку лестницу. Тот, не менее ловко, спустился и встал рядом. Айка молча приложила палец к губам и пошла по бордюру арочной кирпичной кладки. Рядом грустно ржавели старые, почти семидесятилетние водопроводные трубы, когда-то сделанные для помощи людям в ситуации, в какой жители этого города жили уже десять лет. Поверху одной из них тянулся гибкий металлический рукав, внутри которого проходил резиновый шланг для подачи воды к их Дому. А там, впереди, их ждало черное подземное озеро с кристально чистой водой.

Приблизительно через полкилометра кирпичный свод с кое-где просачивающимися грунтовыми водами закончился, и свет фонаря потерялся в необозримой тьме. Они стояли на каменном берегу.

— Вот это чудо! — шепотом восхитился мужчина. — Какие же вы молодцы! Найти такую красоту в этом погибшем городе!

Он присел на корточки, снял перчатку и опустил руку в воду.

— Холодная!

— Ледяная. — Серьезно ответила Айка. — Семь градусов.

— Наверное, глубокое. — Задумчиво произнес Глеб.

— Не проверяла. Вот наш насос. — Айка перевела луч фонаря на маленький погружной насос, привязанный проволочкой к выносной конструкции. Серебристая труба опускалась в воду почти до самого аппарата.

— Понял. — Посмотрел на сваренный профиль и деревянные доски на них Глеб. — Я вижу электрический шнур и чуть раньше — лампы в Доме. Посему у меня возникли два вопроса: откуда у вас электричество и как отключить насос?

— Насос я заблокировала при выходе из Дома. Мы включаем его только тогда, когда наполняем резервуар водой. Он находится над крышей нашей кухни. Когда открываешь кран или душ, вода льется самотеком в бачки мойки или ванной. Там установлены тэны, нагревающие воду. Электричество дает генератор.

— Какие вы молодцы! А бензин или соляру берете где?

— Это не Ваше дело. Вы хотели посмотреть насос. Или взглянуть на озеро?

Глеб в свете фонаря блеснул глазами и, забравшись на трубы, потянул за проволоку. Насос с легким плеском вынырнул из воды. Глеб сел на деревянный мосток и, достав отвертку, начал разбирать конструкцию. Айка, повесив над ним фонарь, пошла обратно в коллектор посмотреть, где можно сделать разводку, чтобы качать воду и для псов.

Пожалуй, вот здесь. Кирпичи сбоку выкрошились, и в дыру свисал высохший корень какого-то дерева. Тут всего-то бурить около двух метров. Девушка рукой в перчатке дотронулась до свода. Мокрый и старый красный кирпич легко крошился под ее пальцами. Она развернулась и, не торопясь, пошла обратно к озеру. Глеб уже собирал насос обратно. Увидев Айку, он сказал:

— Насос у вас вполне рабочий. Слегка поврежден электрический шнур, который терся вот об этот уголок. Еще немного и короткое замыкание вам было бы обеспечено.

Глеб скрутил изолянт место своей работы и повесил насос чуть дальше вперед.

Надел перчатки и молча положил инструмент в карман.

— Спасибо. — Выдавила Айка.

— Пожалуйста. — Сухо ответил мужчина. — Идем обратно?

— Да.

Он немного помедлил и спросил:

— Вы не ходили по берегам озера?

— Берегов нет. Через десять метров этот уступ, на котором мы стоим, резко обрывается. Мне кажется, эту площадку делали специально для насосной станции.

— Вероятно. — Пожал мужчина плечами.

Айка развернулась и снова вошла в туннель.

— Что Вы здесь делали? — Через некоторое время задал вопрос Глеб.

Они шли через то место, где Айка ковыряла кирпич.

— Искала место для отдельной ветки водопровода наверх.

— Зачем?

— Чтобы псы пили чистую воду.

Мужчина хмыкнул. Айка обернулась:

— Между прочим, когда кто-то умолял бросить его недвижимую тушку, что, скорее всего, было бы правильным решением, то его на своей спине тащил Ковбой Джек!

— Полагаю, это пес?

— Правильно полагаете. Собаки заслужили нашу благодарность, в том числе и за охрану.

— Ну да.

Остальной путь они проделали в полной тишине.

Глава пятая. История Глеба и его и сказка

Раздевшись, Айка, стараясь не обращать внимания на Глеба, прошла в Дом. Поинка прыгала по кровати проснувшейся Беллы. Надежда чинила одежду на стуле рядом. Черноволосый Стас улыбнулся ей из кухни. Кирилл читал забытую Темкой книжку. Остальных в Доме не было.

— Белочка! — Айка подошла к девочке. — Как ты?

— Хорошо! — девочка улыбнулась, вытянув навстречу Айкиному голосу тонкую ручку.

Айка, взяв эту ручонку в ладонь, села рядом.

— А где мой папа Глеб?

— Раздевается. Скоро придет.

— Правда, он у меня красивый и добрый?

— Правда, Белочка! — Айка погладила ее по голове.

В это время открылся люк, и Глеб услышал и вопрос, и ответ.

— Как приятно слышать о себе столь лестные слова! — раздался его мягкий голос.

— Папка! — тоненько позвала девчушка.

— Иду, моя радость! — мужчина подошел к кровати Беллы.

Айка тут же встала.

— Сидите, Айше. Прошу Вас. Не огорчайте мою девочку. — И сел напротив Айки.

— Мне опять снилась мамочка. Она сказала, что так рада за всех нас!

Мужчина наклонился и поцеловал ребенка в лобик. Коса, подвязанная у затылка, развязалась, и водопад светлых волос упал на плечо и ручку ребенка. Белла тут же ухватила шелковистую прядь и провела ей по лицу.

— Папочка, какие у тебя мягкие и длинные волосы!

— У тебя тоже, маленькая.

— Нет. Мои короткие и тонкие. Я же болею! Папочка, помоги мне заплести тебе косичку!

Отец взял здоровую ручку девочки в свои пальцы и, щекоча ей носик кончиком волос, помогал заплетать непослушные пряди. Айка тут была явно лишней. Она поднялась с постели:

— И все-таки бы Вы подстриглись и побрились. Насекомые — не редкость в развалинах. Поинка, Надежда, Кирилл. Идем заниматься.

Кирюха с сожалением отложил Майн Рида и потянулся:

— Как же красиво люди умели любить!

— Кирилл, — Айка строго посмотрела на него. — Времена меняются. А люди к ним приспособливаются. Когда ты хочешь выжить, бывает не до любви.

Глеб заинтересованно приподнял голову:

— Утверждение верное, хотя характеризует человечество не самым лестным образом. Если бы в людях изначально было больше любви, то не произошло бы то, что произошло. А если бы и случилось, то все выжившие помогали бы друг другу. Кстати, в те самые времена, что описывает Майн Рид в своих книгах, в Америке тоже было несладко. Часто все споры решались в пользу того, кто выстрелит первым.

— Прямо, как у нас! — засмеялась Надя, с симпатией глядя на Глеба.

— Да. А еще там жили рабы. И участь красивых и несвободных девушек была, в-

основном, незавидной. Авроре просто повезло, что на ее пути попался смелый и романтичный юноша.

— Я бы тоже хотел познакомиться с такой Авророй! — мечтательно протянул Кирилл.

— И чтобы ты сотворил? — грустно осведомилась Айка.

— Я бы ее выкрал и привел к нам!

— А теперь подумай, чем твой подвиг может закончиться. — Девушка села на стул и положила подбородок на руку, внимательно глядя на мальчишку темно-кариими глазами.

— Ну, смотря у кого она жила!

— Рабыня где может находиться?

— У Волков. В борделе... — Прошептал потрясенный Кирилл. — Танька!

— Да, Кирилл. У нас, к сожалению, не Америка. Жалеть таких девочек некому. Это первое. А все ж таки, если бы ты, гипотетически, привел ее к нам. Что случилось бы дальше?

— Пришли бы Волки. Забросали наш дом гранатами. Мы бы все умерли.

— Поэтому, прежде чем что-либо сделать, надо хорошенько подумать о последствиях. Так ведь? — Глеб внимательно смотрел на Айку.

— Именно это я и хотела сказать. А теперь, Кирилл, садись и напиши мне сочинение на эту тему.

— Какую? — Кирилл с неохотой сел к столу.

— Что бы я сделал при встрече с красивой девушкой. Обоснуй все варианты в зависимости от исходных данных.

— Каких?

— Придумай. Голова тебе на что? Глазами по буквам бегать и мечтать о всяких глупостях?

— Любовь — это не глупости. — Подначил Глеб.

— Не глупости. — согласилась Айка. — Мои отец и мать любили друг друга. Поэтому они построили этот дом и дали возможность выжить не только мне, но и Вашей дочери, а также остальным детям. А где были Вы эти десять лет? А?

— Bravo, Айше. Хороший удар. — Мужчина прищурил синие глаза. — Когда все это случилось, меня в городе не было. У меня заболела мать и, взяв на работе дни за свой счет, я улетел в Крым. Я родом оттуда. Здесь остались моя красавица жена Зарина и лапочка-дочка Амина. Ей тогда только исполнился годик. У нас была большая новая квартира на Тимирязевской. Я обещал моим девочкам вернуться, как только поправится мама. Я уже собирался домой, как внезапно ослеп телевизор, и оглохло радио. Все электропоезда на материк и самолеты были отменены. Это событие, — Глеб посмотрел вверх, — случилось летом. В городе много отдыхающих с билетами на руках. Люди в недоумении собрались на площади перед администрацией. Когда людское море заполнило собой всю площадь курортного городка, к нам вышел градоначальник. И сказал, что войска НАТО выпустили по центральным городам России ракеты с ядерным зарядом. И вроде наши тоже успели ответить. Связи ни с кем нет. Ежедневный поезд из Москвы не пришел. Ни один самолет не прилетел. Правительство Крыма решило закрыть границы полуострова. А флот, стоящий в Севастополе, взял гражданское население под свою охрану. Прошла неделя томительного ожидания. На нас никто не нападал, а небо начало заволакивать черными облаками. Однажды на побережье налетел вихрь и высыпал на наши сады черный пепел. Только после этого я действительно понял, что случилось нечто страшное. Мать к тому времени выздоровела. Отец был рядом с ней. И я задумался о побеге. Администрация правила

жесткой рукой военных, объявивших комендантский час. Человек, вышедший на улицу ночью, расстреливался без суда и следствия. Приезжих расселили по многочисленным отелям и худо-бедно обеспечивали пищей. Я же не представлял, как мне оттуда вырваться. Ведь море тоже патрулировалось. Ни один лодочник не рисковал без подписанной бумаги выйти в море. Через пару месяцев мне повезло. Мой друг детства работал в снабжении при правительстве. И когда встала проблема по обеспечению населения продуктами, то набрали команду отчаянных сорвиголов с военным прикрытием и послали на материк найти кого-нибудь, кто захочет с нами договориться на обоюдовыгодных условиях. Или не договориться... — Глеб усмехнулся. — В-общем, как получится. Мы в эту команду вошли вместе. Друг знал про мою беду и обещал помочь сбежать после того, как мы найдем продукты или постоянных поставщиков.

Глеб встал и прошел к кухне. Налил в чашку воды. Выпил. Ребята сидели тихо и ждали продолжения рассказа. Даже маленькая Полли забилась в самый дальний угол лавки и только сверкала серыми глазенками.

— Ну вот, высадились мы на никем не охраняемый берег и, с автоматами наперевес пошли вперед, в маленький приморский город. Мы шли по пустым улицам. Кругом стояли дома с темными, местами выбитыми окнами. Десантники пробежали по улице и, вернувшись, доложили командиру, что людей нет. Естественно, мы заинтересовались этим загадочным явлением и решили добраться до вокзала. Но в пустом здании нашли лишь десяток пьяных мужиков. На подъездных и запасных путях не было ни одного поезда или завалящего локомотива. Командир нашего прикрытия, положив руки на висевший автомат, подошел к ним:

— Мужики! Где ваше население? Люди где?

— Никого немає! Повтикалы вси!

— Куда?

— А хто их знае? Биглы, немов им зад пидпальылы...

— Да не знаем мы, — сказал другой. — Как все произошло, пришло распоряжение эвакуироваться. В три дня всех и вывезли.

— А вы?

— А нам — хоть потоп. Лишь бы керосин, — мужик щелкнул по стакану, — не кончался.

— Склады продовольственные где?

— Грабить будете?

— Нет, посмотрим и уйдем. — Десантник махнул автоматом.

— Хохлы пришли — ограбили. Москалы приволоклись — тоже грабят. Куда бывшему горожанину податься?

— К бочке со спиртом. Смотрите, до смерти не упейтесь!

— Один хрен — помирать. А от радиации, говорят, помогает.

К утру мы нашли склады, заполненные продовольствием и вещами. Передали по радиации нашим. Приплыли еще десантники и весь следующий день мы грузили и возили продукты. Мужикам на вокзале оставили три ящика консервов и дружеский совет убираться, пока не пришел кто-нибудь еще. Ответом прозвучало пожелание побыстрее валить в преисподнюю. В этот момент у меня появилась мысль, что именно туда я и отправляюсь. Но, знаете, до сих пор любопытно, куда нездоровые чиновничьи головы отправили людей, и почему границу никто не охранял. Правда, тогда это было неважно. Я рвался домой. На рассвете следующего

дна я пожал другу руку и, набив рюкзак тем, что могло пригодиться в первое время, зашагал в сторону России. Государства, которого уже не было. Но была земля. Были мои девочки. Я знал, что они живы. Почти каждый день я во сне видел Зарину, которая улыбалась и говорила, что ждет меня дома. Когда кончились продукты, просил в селах. Иногда давали. Иногда давали по шее. По дорогам бродило много потерявших дом людей. Довольно часто они сбивались в банды и нападали на местных жителей. Убивали, жгли дома. Издевались над людьми. Захватывали молодых мужчин и женщин в рабство.

— Участвовали? — Не утерпела Айка.

— Видел из ближних кустиков. Потом нашел автомат. Через год после случившегося я подошел к Москве.

— Скажите, а разрушен только наш город?

— Нет. Ракетные удары были нанесены по всем крупным российским городам. Нет Белгорода, Курска, Липецка, Тамбова... обожженные и изуродованные люди встречались мне на всех дорогах. Рядом с городами трупы лежали на обочинах... Медицинской помощи практически нет. Ведь все центральные больницы были разрушены, а деревенские врачи остались без лекарств. К тому же, эффект ядерной зимы... Земля ничего не родит. Суровые и долгие холода. Ветер и мороз. Я шел и видел черный снег.словно в аду... А все мы — мучающиеся при жизни грешники.

Мужчина задумался, переживая увиденное когда-то.

— Когда дошел до Москвы, понял, что найти моих девочек будет очень трудно. Но я добрался до Тимирязевской. Увидя наш дом, согнувшийся, но не упавший, я полез по этажам. Нашел свою квартиру. Тут я узнал, что опоздал. Ну все, хватит о грустном! Тем более, что я все-таки встретился со своей дочкой!

— Я так люблю тебя, папочка... — Прошептала Белла, уткнувшись носом ему в руку.

— Действительно. Стас, пора кормить малышкой. Занятия на сегодня, к сожалению, отменяются.

Надежда вытерла глаза подолом подшиваемой ею рубахи и оторвала новый кусочек нити. Айка встала.

— Я в кладовку.

— Аюшка, зачем?

— Хочу навести порядок, посмотреть, что у нас заканчивается. И, заодно, подготовлю Глебу спальное место. У мальчиков тесно. В столовой — неудобно ходить, когда там кто-то спит. Поэтому — кладовая. Не возражаете, Глеб?

— Нет, Аюшка. Кладовая — это то, что мне сейчас просто необходимо!

— Меня зовут Айше. Только так. — Девушка развернулась и вышла.

— Не пойму, что на нее нашло? — Растерянно произнесла Надя и с любопытством спросила: — А сколько Вам, Глеб, лет? Если, конечно, это не тайна.

— Не тайна. Тридцать семь.

— Ты такой старый? — удивилась маленькая Полли, забираясь к нему на колени. — Ты рассказал страшную сказку. Теперь расскажи веселую.

Айка оставила дверь в кладовку приоткрытой и слушала разговор.

— Волшебную?

— Да! — хором ответили девчонки.

— Хорошо. Я расскажу вам историю о белой кобылице. Когда я ездил в той, прежней жизни, в страну, называвшуюся Турцией, мне ее поведал друг, которого звали Юсуф.

Итак. — Глеб завозился, поднимая к себе на руки Беллу. — В одной чудесной степи, где весной цветут алые маки, а летом стелется под сухим жарким ветром ковыль, у белой, как снег, кобылы родился маленький жеребенок. Это была очень красивая девочка с шелковой серебристо-белой шерсткой. Изящная тонконогая мать и отец, могучий и сильный жеребец, радовались тому, как их дочка делает первые шаги, сосет мамино молочко и весело прыгает по траве за бабочками. В голубом небе светило яркое солнышко и грело малышке спинку. А ночами ясный месяц серебрил верхушки трав, едва слышно поющих тихую колыбельную песню. Шло время. Наша резвая девочка все росла и хорошела. И красивей ее не было на всем белом свете! А надо сказать, что этот табун принадлежал одному богатому турку, разводившему лошадей для скачек и продажи. Наступила осень. Старый узбек-табунщик сообщил приехавшему на дальние степные пастбища инспектору, что у него прибавление — семь легконогих жеребят. Ему очень хотелось получить за них премию! Ведь на эти деньги можно послать одного из пяти внуков учиться в школу! Инспектор оседлал коня и поскакал в степь. Главный табунщик — впереди, показывать дорогу. Сильный ветер гнал по небу седые тучи от далекого северного моря. Было холодно, и инспектор кутался в длинный плащ. Он был уже не молод, и скакать на коне в плохую погоду становилось все труднее. Болела поясница, и ломило ноги. Но терять доходное место ему не хотелось, тем более, что хорошие известия всегда приводили хозяина в доброе расположение духа. А это значило, что к Новому году он выставит на скачки еще одного потенциального чемпиона. И на него можно будет поставить деньги. Инспектор был азартен и любил выигрывать. К тому же, на эти, неучтенные в хозяйстве банкноты, он сможет подарить молодой жене новые серьги. Красивый подарок сделает ее покладистой и мягкой. Подстегиваемый сладкими мыслями, инспектор все ближе подъезжал к лошадиному табуну. И тут из глубокого нутра серых и мрачных туч на землю упал солнечный луч, освещая пяточок земли, на котором стояла серебряная тонконогая молодая кобылица. Увидав солнце, она легко взвилась на задних ногах и прыгнула вперед, за лучом, который быстро бежал по степи. Белая грива и хвост развевались на ветру. Казалось, лошадка не бежит, отталкиваясь от земли, а плывет над травами. Солнечный луч снова спрятался в облаках, и кобылка, остановившись, вытянула тонкую выразительную мордочку к небесам и обиженно заржала.

— Какая красота! — засмотрелся инспектор.

— Да, она только весной родилась!

— Берегите это чудо пуще собственного глаза! — нахмурил мужчина лоб. — Если все будет в порядке, через полгода заберем ее для обучения. А тебе, старик, будет хорошая премия!

— Да, да! — начал кланяться табунщик.

Инспектор вернулся и доложил хозяину о резвой серебряной лошадке. И тот остался очень доволен:

— Такого редкого окраса в нашем табуне не было со времен моего прадеда! Аллах к нам милостив!

А надо сказать, у старого табунщика был внук, который помогал деду смотреть за лошадьми. Ему было четырнадцать лет, и он знал о скакунах все. Целыми днями он носился по степи, охраняя табун от волков. Он в лицо знал каждого жеребца или кобылку. А за маленькими жеребятами всегда наблюдал с удовольствием: они были совсем как его младшие братишки! Целый день бегали и играли друг с другом. Иногда он слезал со своей верной лошадки, расседывал ее, давая попасть на травке, а сам подходил к веселым

жеребят и гладил их теплые бархатные мордочки, балуя их сахаром или кусочком хлеба. А когда родилась Серебряная Звездочка, так он назвал малышку, то каждый день приходил к ней и рассказывал, какая она славная и красивая. Айрат знал, что перспективных молодых лошадей хозяин со временем забирает на скачки и привык к этому, считая такое положение вещей частью своей жизни. Но Серебряная Звездочка была другой: умной, дерзкой и очень свободолюбивой. У нее были замечательные синие глаза, с любовью и надеждой смотрящие в степные просторы. И Айрату казалось, что малышка — это дух земли, вселившийся в конское тело. Когда было тепло, он брал плащ и шел ночевать рядом со своей девочкой. Они вместе смотрели на звезды и мечтали о крыльях. Мальчишка верил, что эта кобылка на самом деле может летать, когда этого не видят люди. «Покажи, как ты это делаешь!» — серьезно просил он, но Звездочка только загадочно косила на него большим синим глазом из-под белой челки. Прошел чудесный, наполненный волшебными снами и ветром, лошадиный год. И в табун приехали смуглые, гибкие молодые люди на машине с прицепом для перевозки лошадей.

— Дедуль, кого заберут на этот раз? Серого Крепыша? Он уже готов для обучения!

— Нет, внучек. — Сказал дед, отводя глаза. — Сегодня заберут Серебряную Звездочку.

— Нет! Ей рано учиться! У нее еще мягкие косточки, и она не выдержит нагрузок!

— Хозяин сказал везти. Смотри, это нам дали в премию. — Старик раскрыл ладонь и показал стопку денег. — В этом году твой брат Мухаммет сможет пойти в школу!

У Айрата на глазах выступили слезы. Он ударил по руке с деньгами и выскочил из палатки. Недалеко стояла его кобылка. Мальчик вскочил в седло и поскакал к загону, в который утром сам завел лошадей.

Кони метались по загону и взволнованно ржали. Люди бегали вокруг, пытаясь поймать стройную серебряную кобылку. Она прыгала взад и вперед, меняя направление и прячась за старших. Мать скакала рядом, пытаясь защитить свою любимую дочку. Айрат подбежал к загону:

— Зачем вы ее пугаете? — закричал он загонщикам.

Лошадка, увидев своего друга, с жалобным ржанием подбежала и положила испуганную мордочку ему на плечо. Ловцы, не рассуждая, тут же накинули ей на шею петлю и вытащили из загона. Серебряная Звездочка, упираясь, извернулась и посмотрела на Айрата. Из синих глаз текли большие слезы. Мальчик стоял и смотрел, как ее уводят, опустив руки и в бессилии сжимая кулаки. Почему ее друг не помогает ей? О, степные духи, как же ей было больно и страшно! Чужие, дурно пахнущие люди, смеясь, волокли ее к страшной железной коробке. И вот дверь захлопнулась, пряча бесконечное серое небо. Маленькая лошадка плакала, роняя прозрачные слезы себе под ноги. Сегодня она узнала, что стоит человеческая любовь и что такое предательство. Щелкнул замок, и взревел двигатель мощного автомобиля. Через пять минут пыль скрыла машину, увозившую самое большое сокровище и смысл мальчишечьей жизни.

Вечером Айрат вернулся домой к деду. Старый человек положил коричневую обветренную руку на голову внука.

— Послушай, эта лошадь не принадлежит нам. И денег всего нашего клана не хватило, чтобы ее выкупить.

— Она верила мне, дед! А я предал ее доверие. Дай мне мою долю.

— Что ты задумал, внук?

— Я не могу больше оставаться здесь. Пусть вместо меня приедет один из моих братьев.

— Что ты хочешь делать?

— Пойду в город. Устроюсь на работу.

— Хорошо. — Дед отсчитал несколько купюр и дал Айрату. — Это твой выбор. Будь счастлив.

— Прощай, дед.

Айрат закинул на плечи мешок и пошел по пыльной и пустой дороге.

Добравшись до города, он был поражен огромным количеством людей, машин и домов. Где здесь искать Звездочку? Но он был парнишкой сообразительным и понял, что среди высоких домов лошадь держать негде. Значит, надо искать большую загородную виллу, где живет богатый хозяин табуна. Там наверняка и находятся конюшни! Город и его пригороды были огромными. Мальчику понадобилась неделя, чтобы, наконец, найти дом своего бывшего работодателя. А когда нашел, то постучался в ворота, что находились в дальнем конце парка.

— Что тебе, пацан? — презрительно оглядел бедно одетого мальчика привратник в ливрее.

— Я хочу работать на конюшне. С лошадьми управляюсь с малых лет. Мне не нужна большая зарплата. Могу работать только за кров и еду.

Привратник обрадовался и позвонил Управляющему. Тот попросил привести мальчишку к нему.

— Значит, готов убирать навоз за кусок хлеба?

— Да, господин.

— Хорошо. — Управляющий позвал Главного Конюха и приказал забрать Айрата с собой.

Мальчику выделили маленькую комнатку над конюшнями и поручили чистить стойла и задавать корм. На следующий день, с раннего утра Айрат уже был на работе. Чистил, мыл, кормил. Он обошел все помещение, но Серебряную Звездочку так и не нашел.

— Неужели я ошибся? — думал он.

Но вот они, лошади, которые паслись в их табуне. Айрат помнил каждую. Где же его девочка?

Через день, не выдержав, он спросил у конюха:

— Я слышал, из табуна привезли красивую молодую лошадку. Можно на нее посмотреть?

— Послезавтра. Пока она в карантине.

— Это опасно? — испугался Айрат.

— Нет, — рассмеялся наивности деревенского мальчишки конюх. — Она была слишком возбуждена, и наш ветеринар ее немного успокоил.

— Хорошо. — Сказал Айрат и стал ждать.

А через сутки в денник ввели серебристую кобылку с потухшим взором. Белые длинные реснички прикрывали полузакрытые глаза.

— Звездочка, девочка моя! Я пришел к тебе! — Айрат ночью пролез в конюшню. — Открой глазки, посмотри на меня!

Он взял теплую лошадиную морду в руки и поцеловал в нос. Звездочка не пошевелила ни одним мускулом.

— Что они с тобой сделали? Я принес тебе сахарок! — и он протянул на ладони сахар. Лошадь оставалась безучастной ко всему.

На следующий день конюх вывел ее на манеж. Лошадь встала. Когда он шел, она, опустив голову, шла за ним. Останавливался — она тоже останавливалась. На следующий день все снова повторилось. На четвертый день явился хозяин. Айрат спрятался за ящики с песком и подсматривал.

— Что с кобылой? — спрашивал конюха седой полный турок.

— Физические показатели в норме. Врач дал ей успокоительное по прибытии, но его действие давно кончилось!

— Вы испортили мне призового скакуна! Бездари и бездельники! Ее теперь даже не продашь! Готовьте на завтра фургон.

И Айрат понял, что должно произойти что-то страшное. Ночью он прокрался в конюшню и открыл стойло Звездочки.

— Пойдем отсюда, моя хорошая, пока нас не разлучили снова! Я выпущу тебя в степь. Ты должна быть счастлива! — он повесил на шею лошадки ремень от своих штанов. — Идем!

И лошадка пошла за ним. У Айрата был ключ от задних ворот, который он потихоньку снял с крючка в сторожке. Они уже выходили в открытые ворота, когда поднялась тревога. Старший конюх, возвращаясь от девушки, увидел открытую дверь конюшни. Включив свет, обнаружил распахнутый денник без лошади.

— Украли! — завопил он, включая сирену.

Все проснулись и бросились в ночной парк. И у ворот увидели мальчишку-уборщика с серебряной лошадкой хозяина.

— Не трогайте! — закричал Айрат. — Ей рано под седло! Она должна повзрослеть! Нельзя заставлять работать силой! Вы убьете Звездочку!

Он раскрыл руки, заслоняя собой лошадку. Люди остановились, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты, это, пойдем обратно, пока не пришел хозяин! — сказал сердобольный второй конюх.

— Нет! Отпустите нас в табун! Она еще очень маленькая!

— Да что вы с ним, вором, болтаете! — влез старший конюх, расталкивая слуг. — Я тебя, ворюга, сейчас...

Пьяный мужчина вскинул неизвестно откуда взявшееся ружье.

— Не-ет! — мальчишка побежал навстречу конюху, заслоняя собой лошадь.

Прозвучал выстрел. Сильно дернуло плечо. Айрат вскрикнул и стал заваливаться на землю. Тело скрутила чудовищная боль. Слезы брызнули из глаз и, теряя сознание, он увидел, как над ним промелькнула серебряная молния. Прозвучал еще один хлопок.

Свободный степной ветер гнал тяжелые северные облака, грядой идущие из-за моря. Черно-белый табун пасся у подножия холма. Иногда молоденькая кобылка, взбрыкивая, проносилась, отставив хвост, рядом с жожаком, пытаясь ему понравиться. Он провожал ее насмешливыми глазами. У него уже была избранница — красивая белая лошадка с развевающейся гривой. Она стояла рядом с ним, положив голову на шею своей вновь обретенной дочери — Серебряной Звездочки, которая то и дело поднимала голову, вглядываясь в пустынную даль. И вот, наконец, на горизонте появилось маленькое облачко пыли. Звездочка подняла вверх голову и звонко заржала. Ей ответила приближающаяся к табуну лошадь. Кобылка мотнула головой и потихоньку порысила навстречу. Когда пыль улеглась, лошади табуна увидели сильно вытянувшегося и похудевшего мальчишку-подпаса

Айрата. Одна рука у него висела на перевязи, обмотанная бинтом. Другой он обнимал голову серебристой скакуньи с белой гривой.

— Девочка моя! — он гладил ее по голове. — Тебя снова на своих крыльях носит ветер! Степь заждалась тебя, ты слышишь, как она радуется и поет в твою честь свои лучшие песни?

По бледному лицу катились слезы.

— Когда ты вырастешь, то тебе понравится мир, полный восторженных людей и радости от победы... А пока — просто живи! Смотри, мама с отцом ждут тебя!

Черный жеребец призывно заржал.

— Иди. Твой дом зовет тебя. А я приду, как заживет рука. Мы будем вместе сидеть на холме и смотреть на звезды.

Он провел рукой по гриве:

— И спасибо тебе, моя спасительница! — он нежно поцеловал теплый лошадиный нос.

Когда парень лежал в больнице, то его навестил сам господин. Он рассказал, что, когда прозвучал первый выстрел, и Айрат упал, лошадка подскочила, словно собака, и прыгнула на конюха, ударив копытом того по голове.

Хозяин был умным человеком. Он восхитился лошадиной хитростью и преданностью. Понял, что кобылка действительно пока мала, а новый мир ее просто пугает. Чтобы не портить такое сокровище, он приказал снова отвезти ее в табун. А Айрату предложил работать у себя тренером за деньги. Только сначала поучиться в школе.

— Так что теперь я не всегда буду рядом. Мне надо выучиться, чтобы остаться с тобой во взрослой жизни. Ты будешь меня ждать? Не обидишься? — он заглянул в синие веселые глаза. Лошадка фыркнула ему в лицо.

— Конечно, будешь! У нас с тобой впереди очень много весен и свободного ветра!

Глава шестая. Ревность

Глеб замолчал. Из комнаты послышались тихие всхлипывания. Айка приоткрыла дверь и выглянула в столовую. Надя указательным пальчиком размазывала слезы. Кирилл сидел с закрытой книжкой на коленях и мечтательно глядел в одну точку. Стас обнял Полинку, прижавшись к нему. А на бледных щечках Беллы играл розовый румянец.

— Я никогда не видела лошадей. Только на картинке. — сказала Надежда. — Интересно, они где-нибудь еще живут?

— Думаю, да. — Уверенно сказал Глеб. — Погибли только города. Раз осталась Земля, то остались леса и степи, реки и моря. Там живут лошади и олени, волки и рыси. В морях плавают умные дельфины.

— Как бы я хотела увидеть голубое небо! — мечтательно сказала Белла.

Айка вышла из кладовки и весело сказала:

— Ну вот, Белочка, я твоему папе постелила кроватку. И он станет спать там. Скоро будет вечер, вернутся наши мальчики. Мы покушаем, и Степан вынесет тебя на улицу.

Глеб быстро взглянул на Айку.

— Теперь у нее есть я. Полежи пока, дочка. Время сказок прошло, надо и дела поделать. Он приподнял подушку, устраивая девочку поудобней.

— Можно, я тоже, вместе с Белкой, пойду сегодня гулять? — умоляюще посмотрела на Айку Полинка.

— Конечно. Кирилл, пойдешь наружу вместе с Глебом.

Кирюха кивнул головой. Глеб подошел к входному люку.

— Вы хотите куда-то уйти? — Спросила Айка.

— Хочу.

— А я хочу поставить вас в известность о том, что собираясь выйти за пределы дома, каждый из нас предупреждает об этом либо меня, либо Степана, сообщая цель похода. Поймите правильно, это не прихоть, а предосторожность.

Глеб повернулся и пожал плечами:

— Извините, Айше. Слишком долго был один. Отвык от коллектива. Пойду в ТЭЦ. Когда умирал, то заметил замечательные предохранители. А чуть раньше — тройник с кранами. Хочу модернизировать водопровод с учетом Ваших пожеланий.

— Хорошо. — Айка немного смягчилась. — Не забудьте, к вечеру возвращаются собаки!

— Я уже сказала Джеку спасибо за моего папочку. Собаки его не тронут! — тихо сказала Белла.

— Скоро вернусь. Не скучай, Белочка! — мужчина наклонился и пролез в люк.

Айка вздохнула и села за стол. Надежда зашила последнюю прореху на старой майке Стаса и складывала нитки в коробочку.

— Красивая сказка! — улыбнулась она Айке.

— Сказка. — Ответила своим мыслям девушка. — Но мы живем в реальности. Стас! Ты накормил детей?

— Ой! — Оторвался от мечтательного созерцания темноглазый Стас. — Сейчас!

Он достал из подпола кастрюлю с супом, немного отлил в миску и поставил греть на электроплитку.

Полинку усадили за стол, а тарелку Беллы взяла Айка.

— Давай немного покушаем! — Предложила она больной девочке.

— Давай! — неожиданно согласилась Белла. — Я должна хорошо кушать. Мамочка сказала, что пока умирать мне нельзя, потому что убьют папу. А ему написана другая судьба, понимаешь?

— Нет. Но если папа тебе дорог, то будь умницей. Я сейчас тебя приподниму и покормлю.

Айка посадила девочку на коленки и наполнила ложку супом:

— За папу!

Белла с аппетитом проглотила.

— За маму!

И скоро в тарелке не осталось ни одной крупинки. Айка обрадовалась: так хорошо девочка давно не ела. Полли уже вылизала свою тарелку и, отдавая ее Стасу, умильно спрашивала, будет ли на ужин кашка.

— Кирилл! — позвала девушка снова уткнувшегося в книжку парня. — Сходи к Тане, помоги с рассадой! А то, боюсь, снова провозится до ночи.

Тот положил книгу на стол и полез в люк.

— Айка! — позвал Стас. — Когда я смогу выйти?

— Завтра. Нам всем предстоит сделать хорошее дело — провести для псов чистую воду из озера.

А еще через пару часов вернулась довольная поисковая команда и, помывшись, расселась по лавкам. Из теплиц пришли Кирилл с Татьяной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Как сходили? — с улыбкой спросила Айка. — Хотя по вашим физиономиям и так видно, что удачно.

Арсюха трагически изогнул брови домиком и сказал:

— Вот так всегда... Работаешь целый день в поте лица, стараешься, а усталому человеку даже в тарелке супа отказывают! Одними разговорами кормят.

— Этот человек не столько работал, сколько зайцем по развалинам скакал. Только обернешься, его уже и след простыл! — усмехнулся Артем.

— Говорили бестолковцу, что не пойдем его искать, если украдут, а он хихикает! — продолжил Степан разбор полетов. — Будешь месяц дома сидеть.

— Не-ет! — заныл Арсюха. — Не наказывай, дяденька! Я больше не буду!

— Ну ладно. — Смягчился Степан. — Ходи. Под присмотром Тани в теплицы. Рассаду полоть.

— Нечестно! Я велосипеды нашел! Целые! Как новенькие! За десять лет даже краска не сошла!

— Где же это вы так отличились? Вроде ЛЭМЗ мы и кроме нас, излазили вдоль и поперек!

— А мы зашли со стороны Дубнинской. Решили пройти через бывшие автосервисы. Там тоже складские помещения были. Разрушенные совсем. Но Арсений, словно муравей, во все щели нос сунул. Вот и нашел. Осталось откопать.

— Молодцы! — похвалила Айка. — Теперь мы в область можем ездить.

— Там и детские велики есть! — Похвастался Арсюха.

— Ты ездить не умеешь. — Сощурил глаза Стас.

— Как будто ты умеешь! — хмыкнул мальчишка.

— Все это здорово. А насос?

— Насос нашли. Сняли в коллекторе. Но он большой, промышленный. Не знаю, будет ли работать. Но ничего, мы еще походим. — Степан улыбнулся Айке и положил большую ладонь на ее узкую смуглую руку. — Как дела у вас? Чем занимались?

Девушка улыбнулась в ответ и вытянув ладонь, опустила руки на колени.

— По мелочи. Таня с Кириллом были в парниках. Я ненадолго ходила к озеру. Помнишь, мы говорили о псах?

— Она с Белкиным папой ходила. — Сказал Кирюха, сидевший в обнимку с братом.

Голубые глаза Степана неуловимо потемнели. Он скрестил руки и откинулся на спинку стула.

— Зачем он пошел с тобой?

— Затем, что инженер.

— И что инженеру понадобилось у нашего озера?

— Он починил насос.

— Вот как?

Это был удар по Степанову самолюбию. Маленькая девочка, лежавшая на лавке, почувствовала напряженность, повисшую в воздухе.

— Мой папочка сегодня рассказывал нам волшебную сказку!

Степан обернулся на голосок.

— Белочка! Ты должна выздороветь. Арсюха нашел потрясающий велик с креслом для ребят. Я хочу тебя покатать!

— Да... — теперь масла в огонь подлила Надя. — Это была потрясающая сказка. Твой папа молодец.

— И про что он рассказывал? — тихонько спросил брата Темка.

— Про любовь и верность. — Так же тихо ответил Кирилл, но услышали все.

— А где же наш на все руки мастер? — Начал злиться Степан. — Все в сборе, пора кушать, а его нет. Куда он отправился, Айше? Нам не придется снова идти за ним?

Айка не выдержала и встала.

— Он ушел в ТЭЦ. Стас, разливай суп. наших замечательных добытчиков надо покормить.

Она прошла к люку и открыла его.

— А ты куда? — не выдержал Степан.

— Подышать свежим воздухом. Ходить за мной не надо. Я недалеко.

Она одела комбез, берцы и шлем. Взяла ПМ и, проверив магазин, убрала его в кобуру. Ступени вниз, вверх, открыла люк и вышла на все еще жаркий, после прохладного подземелья, воздух. У нее было одно местечко, куда она уходила, когда надо было подумать. А ситуация складывалась так, что Айка не знала, что теперь делать.

Привычно озираясь, она быстро прошла через пустырь и железнодорожную ветку, заросшую крапивой. Теперь — лаз ливневого туннеля в кустах под МКАДом, и она подошла к озеру, спрятанному за выросшими в течение десяти лет высокими молодыми деревьями. На его берегу валялся кирпичный толстый столб, одним концом упавший в воду. Айка с разбегу забралась на него и уселась, согнув ноги в коленях. В эти края не ходили люди. Брат здесь было нечего. Густые ветви с синевато-зелеными листьями заслоняли озерцо от пыли и ветра. Айка сняла шлем и капюшон, освободив черные короткие волосы. Серая непрозрачная вода неподвижно стояла недалеко от ее ботинок.

Девушка нахмурила лоб. Когда умер отец, Айка осталась в доме главной. Ее беспрекословно слушались все. Но дети росли, и внезапно проявлялись черты характера, которых еще недавно не было. Степан был старшим среди всех ребят. Отец его многому научил, в том числе и принимать решения самостоятельно. А потом отвечать за них. Но он молод и горяч. И думает он не только о благе Дома и детей, как Айка, но еще и о себе.

Она завозилась, усаживаясь на кирпичках поудобнее. «Вероятно, в мужчинах заложено стремление к безоговорочному лидерству, как, например, у псов в стае. Ведь Джек тоже не терпит соперников. Степан привык быть старшим и уже рулит ребятней со мной на равных. Поэтому появление взрослого мужчины в нашем доме — это все равно, что на территории Джека вдруг обнаружился бы более сильный и матерый пес. Степка боится стать одним из многих, подчиниться. В том числе и со мной. Боится, что сильный соперник уведет у него альфа-самку». Айка расхохоталась и громко сказала:

— Вот бред! Только делать-то что?

Сзади зашуршали шаги. Айка резко вскочила, вырывая из кобуры пистолет, и снимая его с предохранителя.

— Тихо-тихо, Айше. Это всего лишь я. — Рядом со столбом стоял Глеб без шлема и капюшона.

Нестриженные светлые волосы разлохматились, рассыпавшись по лбу и плечам. Айка на миг залюбовалась. Все-таки, хоть и не практично, зато как красиво!

— Что Вы здесь делаете?

— Иду домой. — Обезоруживающе улыбнулся мужчина.

— Мне кажется, наш дом несколько в другой стороне. — поджала Айка губы.

— Я услышал Ваш голосок и решил составить компанию. — Он запрыгнул на столб. — Садитесь, Айше. Пистолет Вам не понадобится.

Глеб сел рядом с ее ногами, спустив свои со столба вниз, к воде.

— Чудовищ-мутантов не боитесь? — не удержалась Айка.

— С Вами — нет.

— Почему? — удивилась неискушенная в словопрениях девушка.

— Они съедят Вас первой! А я успею убежать. — Глеб, глядя на ее возмущенное лицо, весело расхохотался. — На самом деле — потому, что Вы сидите здесь спокойно. Если бы тут кто-то водился, Вы сюда бы не ходили.

— Тоже верно. — Айка уселась рядом с ним.

— Тогда рассказывайте.

— Что?

— Ну, например, почему Вы сбежали из дома.

Айка опять возмущенно поджала губы. Нет, ну какое его дело?

Но мужчина тихо сидел, улыбаясь кончиками губ. Быстрые пальцы ловко заплетали распутившуюся косу. Айка выдохнула и, порывшись в карманах комбеза, протянула ему длинную и прочную упаковочную ленту.

— Возьмите, заплетите в волосы. И все-таки Вы бы подстриглись.

— Нет, Аюшка. Не вскидывайтесь. — он поднял ладонь. — Нас с Вами никто не слышит. Не обижайтесь, но стричься не буду. Я ее десять лет отращиваю. С тех пор, как потерял семью.

— Специально?

— Сначала нет. А потом — как напоминание, которое вечно при мне. Но бороду

сегодня обязательно сбрую! Обещаю. Так что же случилось в Доме? Дайте-ка, догадаюсь.

Он подвязал волосы и, отцепив мешавший сидеть удобно рюкзак, подтянул уставшие ноги, обхватив их руками.

— Итак. Наверное, пришел Ваш друг Степан и устроил безобразный скандал из-за того, что вы показали мне озеро. Правильно?

— Не устраивал. Но... был недоволен. Понимаете, Вы — взрослый и чужой человек. Может быть, он ждет от Вас неприятностей?

— А Вы?

— Что я?

— Ждете от меня неприятностей?

— Нет, не знаю. Вы — отец Беллы. Она для меня — самый близкий в Доме человек. Она Вам верит, привела к нам. Значит, Вы можете нам помочь.

— Вот как? Я не рассматривал вопрос о долгосрочном сотрудничестве. Честно говоря, увидев дочь, я понял, что она — не жилец. Хотел ее похоронить и уйти обратно, к родителям. Здесь мне делать нечего.

— Наверное, это правильно. Вам есть к кому возвращаться. А нам идти некуда.

Мужчина почесал кончик длинного носа и искоса посмотрел на Айку.

— Беда в том, что вы все вместе долго не проживете. Мальчики и девочки вырастут. Понимаешь, девочка, человек больше, чем на половину — животное. И не в его разуме дело. Проблема — в химии тела. Эндокринная система ребенка постепенно делает его взрослым, вырабатывая определенные гормоны. И разум отдыхает, когда они начинают править. Скоро твои мальчишки начнут драться за лидерство и девчонок. Если Степан достаточно жесток и силен, он их удержит от выяснения отношений в Доме. Но они пойдут искать приключения в других местах. Кого-нибудь убьют. Или убьют их. Мужчины так устроены, что им нужны женщины. И власть. А женщинам нужен только ЕЕ мужчина, защитник и добытчик. Они начнут влюбляться, страдать и воевать между собой. Твоя семья, Аюшка, рано или поздно распадется. А Степан будет добиваться твоей любви.

Айка спрятала лицо в ладонях.

— Что же мне делать? — глухо спросила она. — Я думала об этом. И Таня говорит то же самое. А я хочу просто жить. Как ваша Звездочка. Чтобы степь, и ветер в волосах. И чтобы никто не диктовал мне свою волю.

— Ты слишком рано стала ответственной за все. Из детства — сразу во взрослую жизнь. — Мужчина протянул руку и погладил ее волосы.

— Может быть, все обойдется? — она с надеждой посмотрела ему в глаза.

— Не обойдется, Аюшка. Я постараюсь что-нибудь придумать. Единственное, что могу пока посоветовать: веди себя жестко, но приветливо и ровно. Не срывайся на ребят. Помни, они не виноваты. Не забудь, что сейчас именно ты — лидер, капитан Ноева Ковчега, и только от тебя зависит, принесет ли голубь оливковую ветвь.

— Но если им объяснить?

— Они не поймут, Аюшка. Степан, Кирилл, Артем и Надежда с Татьяной мечтают о любви. Им, потерявшим всех родных в этой мясорубке, хочется объятий и ласки. Нежных теплых губ, целующих любимые глаза. Близких отношений. Они подсознательно стремятся к этому. И, к сожалению, избежать этого практически невозможно, разве только снова поставить их на грань выживания. Но я подумаю, девочка. Обещаю.

«А Вам разве этого не хочется?!» — захотелось крикнуть Айке. Но она смолчала,

уткнувшись в свои колени.

Он встал на ноги и надел рюкзак.

— Мне пора идти. Ты посиди еще и ступай за мной. Я немного сглажу атмосферу в доме к твоему возвращению. Но не задерживайся, уже темнеет.

— Спасибо! — улыбнулась Айка.

Глеб кивнул и прыгнул со столба на землю. Надел капюшон и шлем. Махнул рукой и бесшумно скрылся между деревьями.

Айка посидела еще немного. Бледное солнце за белесой дымкой постепенно сваливалось за лесок. Становилось прохладно. От озера с редкой осокой по берегам поднимались комары и противно зудели в вечернем воздухе. Айка привычно нахлобучила на голову капюшон. Немного подумав, нацепила и шлем. Щелкнули кнопки кожаных перчаток. Первый раз за всю недолгую жизнь ее не тянуло в Дом. Никого не хотелось видеть. Она вздохнула. Теперь придется постоянно контролировать и сдерживать свои чувства. Искренняя радость и естественная грусть отныне под запретом. Неизменная благожелательность и приклеенная к губам дежурная улыбка — самое действенное оружие. Оружие? Она собралась воевать со своей семьей? С людьми, которые за эти годы стали ее братьями и сестрами? Дороже которых у нее теперь нет? «Мамочка... Папочка! Почему вы бросили меня, оставив на растерзание этому дикому миру?! Я совсем не знаю, как дальше жить... Глеб взрослый. Он — мужчина и точно знает, как себя ведут представители сильного пола, когда вырастают. Он ведь тоже был мальчишкой. Интересно, а он остался верен своей умершей жене или были и другие женщины? У него такие внимательные синие глаза... И теплые руки. Он наверняка понравился нашей Надежде...» — Айка тряхнула головой, отгоняя комаров, а заодно и непрошенные мысли, неожиданно появившиеся в ее голове.

— Хватит! — громко сказала она сама себе. — Придумывать страшилки — глупо. А действовать надо по обстоятельствам.

Она соскочила со столба и решительным шагом углубилась в лесок. Комары разочарованно гудели сзади.

Глава седьмая. Сплошные переживания

Дом встретил ее еще на пустыре. Там, в малиновом свете пыльных небес, на пяточке между бетонными огрызками забора и завалом ржавых металлических листов, гуляли Глеб с Белкой на руках и Степан с Полли. Оба «соперника» мирно стояли рядом и смеялись. Белочка крепко держала отца за шею. Полинка наматывала круги вокруг них. «А я все переживаю. Дура.» — обругала сама себя Айка, спускаясь с насыпи и поднимая небьющийся светофильтр шлема. Мужчины заметили ее и помахали руками. А Полли, расставив в стороны руки, побежала навстречу.

Девушка подхватила ее и прижала к себе.

— Где ты так долго была? — строго спросила малявка. — Мы волновались. Но потом пришел Белкин папа и принес какие-то нужные штучки. Степа сказал, что это очень важно, и они сели рисовать. Я тоже хотела помочь, а они меня прогнали! А Арсюха все время хвастается! Он сказал, что подарит мне велосипед. Айка, а как на нем кататься?

Степка тоже подошел к ней и смущенно сказал:

— Ай, мы с Глебом придумали новую схему водопровода. Посмотришь? — Он, виновато моргая ресницами, взглянул ей в глаза.

Неожиданно для себя, Айка натянула на губы механическую улыбку:

— Да, Степан. Вы молодцы. Обязательно посмотрю. Вы погуляли? Домой идете? — Мысль, высказанная Глебом, прочно засела в ее голове, дав осторожные всходы.

— Да, мы тоже идем! — засуетился Степан, открывая для нее люк.

— Аюшка! — встретила ее Надежда. — Что так долго? Давай кушать!

Девушка села за стол и взяла ложку. Все члены ее Дома собрались в гостиной, переговариваясь и пересмеиваясь. Арсюха принес гитару и подсел к Белле, приподнимая ее и прислоняя к себе.

Айка внимательно смотрела на всех какими-то новыми глазами, подмечая, как Степка то и дело косит глазом в ее сторону. Как Темка иногда замирает взглядом на Татьяне. Причем, ей от этого очень неловко, словно она прячет ото всех какую-то гадость. А Кирилл это видит и злится... Нагнувшись над тарелкой, Айка метнула взгляд на Глеба, сидевшего у стены в одиночестве. «Небось думает, в какую идиотскую компанию малолеток его закинула Судьба... И уйти не может. Белка не вынесет дороги, а он ни за что не бросит родного ребенка».

Айка покушала и помыла за собой тарелку. Снова села к столу и позвала Степана, терзающего у входа в спальню мальчиков проволоку.

— Степ, иди, покажи, что ты там придумал.

Парень тут же бросил предмет своего издевательства и подсел к Айке с бумагой, вытащенной из кармана.

— Вот смотри. Мы с Глебом проверили насос, который я принес. Он рабочий и достаточно мощный. Так что на забор воды поставим его.

— Ты не забудь про обогреватели, которые будут работать всю зиму. Нашего генератора на все это хватит?

— Нет, конечно. Кроме старенького, мы подключим новый. Глеб уже посмотрел и сказал, как их можно объединить, чтобы энергии хватало на все.

«И когда он это успел?» — про себя подумала Айка. К столу, где они сидели,

постепенно подтянулись братья, Стас и Полли. Татьяна осталась сидеть в углу рядом с кухней с нитками и спицами. Надя, пользуясь моментом, пересела к Глебу и Белле. Айка взглянула на занимающегося с ребенком мужчину. Ей было интересно, как он отреагирует на Надю. И тут он словно почувствовал ее взгляд и поднял глаза. Ее душу словно опалило глубокой синевой. Она дернулась и посмотрела на Степана, с увлечением расписывающего, где на поверхности выйдут трубы. Подперев ладонями заалевшие щеки, Айка тут же включилась в процесс обсуждения.

— Мне кажется, их надо утеплить, и вывести в гараж, где псы зимовали. Во-первых, не видно, во-вторых, там не так пыльно, как на улице. А воду подавать один раз в день, скажем, на закате.

— Вот, и я о том же! — азартно влез подстриженный и гладко выбритый Артем. — Поставим корыто, выпьют — нальем новой!

Айка снова осторожно глянула на Глеба. Усадив Белку к себе на колени, он расчесывал ей волосики, что-то нежно нашептывая на ушко. Сидевшая рядом Надежда говорила с ними, то и дело касаясь руки мужчины.

«Как же он прав! А я всего этого не видела, считая их малышами, за которыми надо ухаживать, контролировать и обучать. А они уже выросли...»

— Айка! Ты спишь? — Вернул ее Степан в реальность.

— Нет, Степушка. Все хорошо. Просто в последнее время голова забита разной ерундой. — Айка посмотрела на Степана. — Придумали вы здорово. Когда делать планируете? Завтра? Стас! Налей полные баки. Иначе нечем будет мыть посуду.

Стас вскочил со скамьи и побежал к рубильникам. Девушка посмотрела на часы.

— А малышам пора в кровати.

— Ай! Ты обещала завтра отпустить меня на улицу! — сказал из кухни Стас.

— Конечно. Пойдешь бурить землю сверху. Мы с Надей и Полинкой будем тебе помогать ее отгрести и прятать. Таня, хочешь пойти на улицу?

Таня молча помотала головой:

— Мне надо пикировать рассаду.

— А можно я с Танькой? — улыбнулся от стола Тёмка.

Айка взглянула на Татьяну. Та опустила голову к вязанью, и вся сжалась.

— Нет, Тем. Работы в коллекторе хватит и Степану с Глебом, и вам с Кириллом.

— А я? — подала тонкий голосок Белла.

— Ты пойдешь с нами на улицу, сядешь к Наде на ручки и будешь рассказывать псам, что мы для них делаем.

— Я их предупредила, что будем давать чистую водичку.

— Вот. А завтра ты скажешь, чтобы они пока не заходили в гараж. Хорошо?

— Да, Аюшка. Поцелуй меня, и я буду спать.

Айка встала из-за стола и подошла к Беллиной кровати. Девочка, сидевшая на руках у отца, протянула к ней ручку. Айка дала ей свою и нагнулась к ее голове. Запах девочки смешался с запахом сильного мужского тела. Какой же он горячий! И синие насмешливые глаза близко-близко... Айка быстро чмокнула ребенка в макушку и отвернулась, пытаясь кашлем скрыть опять покрасневшие щеки и сердцебиение.

Пожелав всем спокойной ночи, она ушла в девичью спальню. Села на кровать, не включая свет. «Почему я так смущаюсь, когда Глеб смотрит на меня или просто находится рядом? Я совсем отвыкла от чужих людей. — Она помассировала виски. — А ведь он прав.

Всего второй день у нас, а увидел проблему, о которой я даже и не подозревала!»

В комнатку зашла Надя и включила свет.

— Что с тобой, Айка? То сидишь и хохочешь допоздна, а то с первыми петухами спать ложишься. Голова болит?

— Ну да. Вчера сильно устала. До сих пор в себя не приду. А завтра опять трудный день. — Айка вытянулась на кровати.

Надя присела рядом с ней.

— Знаешь, мне так Глеб нравится! Он такой заботливый, вежливый, не хамит и не ругается. А как рассказывает интересно! Надо его еще раз попросить рассказать сказку. Только чтобы все послушали. Как считаешь, Аюшка?

— Попроси. — Равнодушно сказала Айка, поворачиваясь на бок.

— Тебе он не нравится. — вынесла Надя свой вердикт. — Почему, Айка? Он умный, взрослый, много повидал и много знает. Он может нам помочь.

— Нет, Надя. Как только Белла умрет, он сразу же уйдет от нас. У него в Крыму семья ты же слышала.

— Нет, Аюшка. Он нас не бросит.

— Ты пришла спать или разговаривать? Если спать, то ложись.

— Я еще посижу в столовой. Там Степка гитару вынес, хочет попеть для нас. Ты пойдешь слушать?

— Нет, Надя. Выключи свет, но оставь щелочку в двери, я услышу.

— Спокойной ночи, Ай!

Надя повернула выключатель и вышла. Тоненький луч света из приоткрытой двери падал в темную комнату. Айка разделась и легла под одеяло, обняв подушку руками.

Постепенно ребячьи голоса в зале стихли, и послышался струнный перебор. Степка хриплым голосом пел что-то из русского народного. Кажется, про черного ворона. Парень обожал эту песню и пел ее, словно рассказывая о себе. Потом кто-то из девочек засмеялся, и опять зазвенели струны. Айка уже начала уплывать в мир грез, как гитара зазвучала полным и красивым звуком под уверенной рукой. Сон сразу слетел.

— Я сейчас спою вам песню... — раздался мягкий мужской голос.

— Волшебную? — спросила Белла.

— Конечно, волшебную. Я когда-то написал ее для твоей мамы, Бель. Она ее очень любила.

— Про месяц? — зазвенел счастливый голосок.

— Ты помнишь? Ты была совсем крошкой... — мужской голос дрогнул, но тут же прокашлялся. — Песня про месяц.

На крылечко месяц, потянувшись, вышел.

С лестницы спустился, кинул взгляд на крыши.

Тихо серебрился терем в звездном свете.

Месяц улыбнулся, звездочку приметил.

В небушке искрилась ласково и нежно.

В темный бархат ночи он шагнул небрежно.

Взял ее в ладони, дунул, улыбнулся.

Взгляд его лучистый к сердцу прикоснулся.

Часто застучало юное сердечко.
С месяцем тихонько села на крылечко
Светлая Богиня — платье голубое.
Парню улыбнулась трепетно, с любовью.
По щеке рукою: — О тебе мечтала!
Как тебя увидеть, думала, гадала.
Но промолвил месяц, опустив ресницы:
— Ты сейчас в кровати, сон красивый снится!
Дай же, дева, руку. Танцевать по крышам
Вместе полетели! Ветер вальсом дышит!
Вот ладонь в ладони: по лучам прозрачным
Парочка кружится между тучек мрачных.
Проступает утро розовым рассветом.
Губы ей целует: — Ты забудешь это...
Но навек запомнишь россыпь звезд вчерашних.
Спи, моя родная, нету тебя краше...
Утро наступило, темень стала зыбкой.
Девушка проснулась с радостной улыбкой.

Ребята немного помолчали, а потом зашумели и захлопали, прося спеть еще. Но Глеб вернул Степану гитару, совершенно серьезно утверждая, что устал, да и вообще не в голосе. Айка улыбнулась. Ну зачем он смеется над ребятами? Такой голосище еще поискать: проникновенный, хрипловатый тенор, пробирающий до самого сердца! Как была счастлива его жена! Он, наверное, ее берег и любил... Айка, повернувшись на другой бок, как наяву, вспомнила высотку, завалившуюся набок, холодную, замороженную квартиру и труп черноволосой женщины рядом с Беллой... Не уберег. Каким же огнем он каждый раз сжигает свое сердце, глядя на закрытые глаза своей дочери и ее искалеченную руку!

Айка вцепилась в подушку зубами. Какую же боль он несет в себе, не показывая этого никому. Возможно, он долгое время жил совсем один, но сейчас нашлась дочь, а вместе с ней восемь молодых сорванцов разного возраста, дела и цели которых приходится учитывать, а иногда даже давать дельные, но ненавязчивые советы, улыбаясь и сглаживая подростковые проблемы!

Девушка не выдержала и села на постели, привычно обхватив ноги руками. Да, они все потеряли близких: родителей, бабушек и дедушек. Тех, от кого получали заботу и помощь. Но никто из них не терял любимых и детей, то есть тех, кому отдаешь себя до конца, всю, до последней капли, нежность и любовь...

Айка опять упала на подушку. Ей вспомнилась угасающая от сердечного приступа мать. И поседевший в эту ночь отец. Тогда они не смогли достать нужное лекарство. Злые слезы вытекли из темных Айкиных глаз: «Будьте прокляты те, кто сотворил эту войну! Кто равнодушно оставил умирать тысячи переживших удар людей в разрушенных городах без продуктов, лекарств и тепла. Пусть эти, наверняка выжившие люди, в каждом своем сне видят гноящиеся Белкины глаза и ее умирающую от голода мать! Пусть они живут в своих благоустроенных подземельях вечно, не видя солнечного дня, а их здоровые дети каждый день говорят им спасибо за комфортабельный бетонный ад!»

Девушка опять обхватила подушку руками. Сердце стучало часто-часто. Она вернулась в реальность и прислушалась: в зале опять играла гитара, а Степка пел про тонкую рябину.

Глава восьмая. Водопровод

Утро снова разбудило Айку в шесть часов. Ей спросонья показалось, будто хлопнул входной люк. Но так рано они поднимались только в одном случае: если надо было идти далеко от дома. Но сегодня все должны быть здесь. Айка потянулась и выскользнула из постели, не разбудив Надежду, сопящую в Айкину подушку. Надев в темноте шорты и майку, девушка вышла в столовую и включила свет.

Белла спала, калачиком свернувшись у стенки, сном крепкого и здорового ребенка. Айка улыбнулась, заглянув в раздумянившуюся во сне мордочку. Навестив туалет, она отправилась с дружественным визитом на кухню, проинспектировать, как работает кофеварка. Да, у них был кофе. Немыслимая роскошь для трущобных детей! Но маленький Арсений проявлял чудеса находчивости, пролезая в самые крошечные щели и добывая из них ценный продуктовый запас.

По кухне поплыл душистый запах. Айка налила готовый напиток в чашку и сделала глоток. С утра у нее было хорошее настроение: все остаются дома и не надо за кого-либо переживать. Еще раз глотнув, она пожалела, что запасы сухого молока, когда-то найденные ими, оказались непригодными к употреблению. А детское питание, запаянное в герметичные пакеты, давно нашли и съели еще много лет назад.

И все-таки надо проверить люк. Айка поставила чашку, повернула вентиль и открыла ветреную темноту стыковочной комнаты, где хранились и сохли комбезы и ботинки. Где лежало оружие. Айка повернула выключатель и подошла к шкафу с вещами. А открыв дверь, обнаружила, что нет комбеза и берцев, которые одевал Глеб.

Айка неприятно удивилась. Интересно, какая нужда погнала его на улицу или в коллекторы? Она быстро сунула ноги в свой комбез и упаковалась в ботинки и перчатки. Привычно сунула ствол в кобуру. Спустилась вниз, а потом поднялась вверх по лестнке. И открыла люк.

Смутно ощущаемое солнце только вытянуло свои лучи над пылевым туманом, окутывающим Землю. Проходя сквозь кварцевые частички, чистый свет окрашивал небеса в зеленовато-оранжевые оттенки с яркими вкраплениями красного.

— А ничего так, авангардненько! — пропела себе под нос девушка, любуясь природой. Но тут, за ее спиной, где лежали старые и оплавленные пожаром автомобильные диски и покрышки, послышался стук. Айка выпрыгнула из люка и вытащила пистолет. Прячась за листами железа, подкралась к тому месту, где услышала шум и аккуратно высунула голову. Пистолет тут же был поставлен на предохранитель и убран обратно в кобуру. На пятачке между шинами прыгал, задирая ноги и размахивая длинным и узким лезвием, Глеб. Причем он делал это так быстро и виртуозно, что сталь ощущалась только яркими сполохами. Но вот движения замедлились, становясь плавными, почти танцевальными. Клинок из пальцев куда-то исчез. Двигаясь в ему одному подвластном ритме, он периодически делал молниеносный выпад то одной, то другой рукой. Это было похоже на танец кобры и ее смертельный бросок.

«А Белкин отец не так прост, каким хочет казаться». — Задумалась Айка, снова занырявая в люк. Когда она разделась и вошла в столовую, оказалось, что кофе из чашечки было кем-то бессовестно выпито, а емкость помыта и положена на место. Айка с подозрением покосилась на двери спален. Но за ними раздавалось дружное сопение. Часики

показывали половину седьмого. Девушка подумала: вчера ребята засиделись допоздна. Сегодня особенно спешить некуда. Включила маленький фонарик и повернула выключатель в зале. Открыла дверь спальни и, перешагнув спящую Надежду, легла на свое одеяло. Хоть в комнате и было темно, но перед ее глазами, словно молния, летал в быстрой и точной руке узкий клинок, беспощадный к врагам его хозяина. И Айка решила молчать, пока сама не разберется во всех этих странностях.

Растолкала ее Полинка, ползающая по спине и дергающая за уши.

— Все уже собрались в столовой, а ты все спишь, соня! — вещала девочка, врезаясь острыми локотками и коленками то в позвоночник, то в ребра. Айка сразу проснулась и утянула хулиганку под одеяло.

— В черном-черном доме, — скрутив ручки и привалив ребенка к себе, прошептала Айка, — сидит черный-черный человек. Увидит он маленькую девочку, тянет к ней загибающие ручки и кричит...

— Пусти, Айка, — ощутимо лягнула пяткой Полли, — если ты меня задушишь, то кричать будет бесполезно. Тут останутся только взрослые тетки!

Айка расхохоталась и выпустила Полли, которая тут же щелкнула выключателем:

— Вставай! А то Степку позову! У него ручки тоже здорово щекотятся!

Вот этого девушка допустить никак не могла, поэтому быстро запрыгнула в домашнюю одежду и вышла из спальни.

— Всем доброго утра! — словно сиятельная королева, улыбнулась она присутствующим.

— Опаньки... — Вгляделся в нее Артем. — Нам сон про семнадцатый век приснился? Дюма-сына на ночь читать вредно. Сплошной разврат-с.

— Да-а. — Поддержал его брат. — Миледи в поисках новой жертвы.

Айка посмотрела на коротко остриженного Темку и, прищурила глаза:

— А теперь лысый... Я сказала — лысый!

— Только не кидайте в колючие кусты, тетенька! — дурашливо завертел головой Артем.

— Завтрак! — объявил от плиты Стас.

Айка села на свое привычное место между Степкой и Надей. Напротив нее сидел Глеб с Беллой на руках. Девочка улыбалась, крутилась и что-то шептала отцу на ухо.

— Как она? — спросила Айка Глеба.

— Замечательно. — улыбнулся он, ласково посмотрев на Беллу. — Сейчас мы съедим много-много каши. Да, дочка?

— Угу. — подтвердила девочка.

— А я — больше! — закричала Полли.

Стас разложил кашу и сел сам. Все начали кушать, заедая вареную крупу первым укропом и салатом.

— Часто приходилось к ней вставать? — продолжила разговор Айка. — Последние недели я постоянно спала рядом.

— Нет, Айше. Я спал, пока меня не разбудили. — Синие глаза собеседника совершенно искренне смотрели на нее. — А как спалось Вам?

— Спасибо, очень хорошо. Вот только Полинка не дала досмотреть самые сладкие утренние сны.

— А мне под утро снятся кошмары. — Глеб оторвался от дочери и внимательно посмотрел на Айку. Но та уже болтала с Артемом. Поймав на себе взгляд, Глеб, не поворачивая головы, повел глазами в сторону. На него задумчиво смотрела Татьяна.

После завтрака Степан с планом перед глазами важно распределял работы по реорганизации подачи воды. Рядом сидела Айка, но в процесс не вмешивалась.

— Самое сложное в техническом исполнении — это подключение нового насоса и установка тройника с переходниками. Поэтому Мы с Глебом берем эту работу на себя.

Степка посмотрел на мужчину, не сомневаясь в его согласии и полном одобрении сказанного. Тот сверкнул глазами и улыбнулся. Степка тихо выдохнул: на его лидерство он не претендовал. Парень продолжил:

— Темка и Кирюхой идут с нами в коллектор долбить стену и наметить дыру, кроме того, на них — помощь и поддержка нашей работе. Ясно? — Он сурово посмотрел на близнецов.

— Да, братан. — Грустно резюмировал Артем, повернувшись к Кириллу. — Ты сегодня работаешь подставочкой для инструментов.

— А ты — ершиком для сливной системы. — Печально поддержал брат и тут же схлопотал от Артема подзатыльник.

— За что? — Возмутился Кирилл.

— Не за что, а зачем. Чтобы болтал поменьше, а работал быстрее. — Ответил за Артема Степан.

— Быстрота нужна, когда Стас плохо приготовит. А вы воду на весь день отключаете!

— Кирилл! Не пахни. — Разозлился Степка. — Хватит. Теперь Стас. Идешь на улицу и ищешь, в каком месте выйдет из земли штырь. Найдешь, вытащишь и начнешь бурить.

— А если он под углом выйдет?

— Возьми лопату и подкопай.

Артем тихо заржал и шепнул брату:

— Сидит наш Стас, ждет колышек. А мы, значит, снизу. В землю его — раз! И он как Стасу в... мягкое место.

— Темочка, — ласково сказала Айка. — Ты, голубь, довыдываешься, и ждать колышек пойдешь сам. Посмотрим, как вечером петть будешь.

— Голуби не поют. — Серьезно сказала Полинка. — Они только гадят.

Глеб, который был на ребячем собрании впервые, уже утирал слезы.

Когда все прохихикались, Степан продолжил:

— Стас, ты понял. Айка и Надежда тебе будут помогать копать, убирать землю и устанавливать трубу. Мы потом придем, сделаем слив и поилку. Тань, тебе придется гулять с малышней. Сегодня не жарко и ветрено. Пусть подышат воздухом. Арсений, для тебя — самое ответственное поручение.

— Какое? — Глаза у мальчишки загорелись.

— Ты будешь диспетчером.

— Как это?

— Станешь координировать нашу работу.

— Это бегать туда-сюда? — почесал ухо мальчишка.

— Но мы отвлекаться не сможем. А ты будешь передавать наши просьбы друг другу. Понял?

— Ну да. — Согласился он.

Первыми, одевшись и взяв запчасти с инструментами, к озеру выдвинулись Степан и Глеб. За ними, пугая Надежду тем, что псы выпьют все озеро, и воды для мытья и стирки не останется, собирались близнецы.

— Ты прикинь, месяца три голову не мыть! У тебя вши заведутся!

— И у тебя, Артем! — смеясь, отвечала Надя.

— Не, я волосы состригу под ноль. А вы, девчонки, так не сможете.

— Ну и что?

— Как что? У нас появится новый источник ужасно калорийных продуктов: вшивая ферма. С утраца начешешь, Стасик пожарит. Ням-ням.

— Фу, Темка! — Надя толкнула его под руку. — Балбес!

В его руках был сжатый кольцом резиновый шланг, который планировали вывести наружу. При резком ударе пальцы Темки разжались, и шланг упал под ноги, стремительно распрямляясь.

— Монстр! — заорал Кирилл, подпрыгивая вверх.

От дружного девчачьего визга заложило уши.

Тут открылся люк, и Айка сообщила:

— Артем и Кирилл десять дней сидят дома безвылазно.

Услышав такую страшную угрозу, мальчишки быстро собрались и нырнули в темноту туннеля. Потом на поверхность поднялся Стас, вытаскивая из дома лом и лопаты. Надя быстро собрала Арсюху, нацепив тому на шлем шахтерскую яркую лампу, и, засунув в кобуру маленький пистолет со светошумовыми патронами, отправила в тоннель.

— Не испугаешься бегать здесь один?

— Ха! — сказал пацан и слетел вниз по лестнице.

Девушки упаковали в детские комбезы и сапожки Беллу и Полли, оделись сами и вылезли наверх.

Здесь уже вовсю светило солнце. Ну, предполагалось, что светило, ибо на дворе было светло, а сквозь толстый слой облачности можно было разглядеть размытое пятно. Айка вспомнила первый год жизни после удара. Небо вечно закутано черными облаками. Холодно. На улице не понять: день или уже глубокий вечер. И часто шел черный дождь. А потом, зимой, черный снег. Как будто весь мир покрыли саваном. Черным. А сейчас — почти курорт. Ответственная Татьяна села в тенек на автомобильное колесо и посадила на руки Беллу. Девочка спрашивала, а Таня ей рассказывала, что находится вокруг. Шустрая Полинка пыталась забросить мячик в крышку, застрявшую между кусками арматуры. Она скакала то справа, то слева и вот, наконец, ей это удалось, и негромкое «ура» огласило окрестные развалины.

Айка с Надей пошла к Стасу. Он сидел в гараже и от скуки вертел лопатой в земле дырочку. Тут что-то зашуршало и заскреблось под стеной.

— Крыска-крыска, иди сюда, я тебя съем! — поведаль Стас, готовя лопату.

— Подожди. — Айка подошла и, нагнувшись к фундаменту, стукнула туда ломом. Шуршание возобновилось с удвоенной силой.

— Либо крыса жаждет быть съеденной, либо это наши долбятся! — Сказал Стас, взяв в руки лопату.

Айка ломом, а Стас лопатой начали разбивать фундамент и делать подкоп.

— А может, это бешеная крыса? — тихо сказала Надежда.

— И когти у нее железные!

Снизу отчетливо слышался скрежет стального инструмента.

Скоро дыра была пробита, и оттуда наружу выполз гибкий резиновый шланг. Стас лихо обернул его вокруг лома и сделал широкий свободный узел.

— Что дальше?

— А дальше мы убираем землю после раскопок так, чтобы все выглядело уже лет как сто заброшенным.

— Нет, сто лет назад еще не было таких колес! — Стас показал рукой на ржавый диск, торчащий из-под помоста, который они когда-то делали для собак.

Айка, нагнувшись, сгребала лопатой на тряпку рыхлую черную землю и синеватые кусочки вязкой глины.

— Погоди! — сказала Надежда и подняла глиняные кусочки.

— Зачем они тебе?

— Смотри! — несколько быстрых движений пальцами, и на них смотрел лобастый пес с толстым хвостом.

— Здорово! А еще можешь? — Стас с Айкой, как маленькие, смотрели на Надины ловкие руки.

— Вот! — на ребят раззявил пасть голубой крокодил.

— Пойдем, покажем Полинке и дадим поддержать Белочке! Наши девочки так обрадуются!

Все трое бросили лопаты и пошли к Татьяне и малышам. Самое интересное, что в их Доме практически не было игрушек. Были книжки с картинками для маленьких, пара мячиков, букварь — и все. Они были так озабочены каждодневным выживанием и постоянным страхом голодной смерти, что про игрушки никто не задумывался, даже сами малыши. Вечером, когда все собирались вместе, они читали вслух книжки, пели, играли в игры или просто разговаривали, обмениваясь дневными впечатлениями и планами на завтра. А теперь, глядя на творение Надежды, Айка вспомнила про Братца Кролика, когда-то живущего в ее спальне, и про куклу с длинными волосами, которые меняли свой цвет в воде. Кажется, ее звали русалочка Барби... «Надо поискать на складах игрушки, краски и пластилин. Может, где-то он сохранился?» — Айке до зуда в пальцах тоже захотелось сделать какую-нибудь фигурку.

Отдав глиняных куколок девочкам, троица вернулась в гараж и услышала идущие из-под земли стоны.

— Неужели Темкиных шуточек не вынесли даже подземные жители? — выдала версию Айка.

— Нет, скорее он от скуки там песни поет.

— А вдруг они, продалбливая кирпичный свод, нашли замурованные кости? И это воеет неупокоенная душа?

— Вы чего тут рассиживаетесь? — В проеме появился Арсюха с упертыми в бока руками. — Там Кирилл снизу до вас докричаться не может, а вы тут сидите, болтаете!

Айка подошла к мальчишке и, нагнувшись, заглянула ему в глаза:

— Чего там стряслось?

— Они все подключили и сейчас пустят воду для проверки. Вот Кирилл и кричал, чтобы вы разошлись и посмотрели на струю. Надо отрегулировать напор!

— А как же мы ему дадим знать?

— Шланг подержайте! Только тихо! — важно ответил Арсюха и улетел обратно в подземелья. Видимо, там было интересней.

Скоро снизу тоненькой струйкой потекла вода. Айка подошла к рукаву и только хотела дернуть, как оттуда, выбив шланг из рук, вылетел целый водяной фонтан, окатив холодной

водой Айку с головы до ног. Хорошо, что комбез почти не промокал.

Сдув с кончика носа ледяную каплю, Айка встряхнулась и, согнувшись, звонко чихнула, наступив ботинком на шланг. Фонтан сразу заглох, но со стороны подземелья донеслось невнятное бормотание.

— Ругаются! — с довольным видом сообщил Стас. — Наверное, шланг сорвало!

Вода перестала течь совсем. Айка сняла капюшон. Часть брызг все-таки залетела вовнутрь, намочив волосы. Айка чихнула еще раз.

— Иди домой, переоденься! Ветер холодный, не дай Боги, заболеешь!

— Не заболею. А ветер мне все высушит.

Она вскочила на крышу и вскинула руки навстречу ветру:

— Представляешь, Надь, ты скачешь по степи на лошади... Сильный ветер бьет в лицо. Ты пригибаешь голову к конской гриве, и белые пряди щекочут щеки. Лошадь скачет все быстрее, так, что трава видится одной зеленой полосой. Ты поднимаешь глаза и смотришь в голубое, с белыми тучками, небо. И, кажется, что вот-вот, сейчас, оторвешься от земли и поднимешься в этот простор без конца и края!

Надя запрыгнула на крышу, и, пытаясь удержаться, схватила Айку за талию.

— Айка, а там, в небесах, чистое и теплое солнышко! А в траве — васильки, ромашки, маки... Рядом — мама и папа. И никогда не было войны...

Надя закрыла лицо руками и тихонько заплакала. Айка открыла глаза и, опустив руки, обняла девушку за плечи и прижала к себе.

— Тихо, Наденька. Не плачь. Мы с тобой хоть помним, какое оно бывает, это чистое небо! Помним лица родителей, бабушек и дедушек. А Полли и Арсюха родились после удара. И кроме голода и вечного страха они ничего не знают. Стас тоже еще был совсем маленьким. Но хоть знал отца. А у Полинки, кроме нас, никого нет. Мы — ее семья. Ее защита от страхов и врагов. Ну, успокойся. А то кто-нибудь увидит. А мы должны быть сильными.

Айка погладила плечи Надежды.

— Нам с тобой еще повезло. А вот Тане пришлось в детстве пройти все круги ада. Ничего, Надюха, может быть, доживем до того времени, когда небо снова станет голубым!

— И не надо будет ходить в комбезе с счетчиком Гейгера и оружием!

Девчонки соскочили с колеса и пошли назад, в гараж, где Стас увлеченно контролировал напор, то и дело дергая шланг.

Прошло еще около получаса, прежде чем из подземелья поднялись все остальные члены семьи. Темка с Кириллом тут же плюхнулись на крышу, подставляя ветру мокрые комбинезоны. Перепачканный в чем-то черном и желтом Степан продолжал какой-то бесконечный диалог с Глебом, но вдруг его глаза наткнулись на развевающиеся Айкины волосы. Не договорив, он зачарованно уставился ей в лицо, искрящееся озорной улыбкой. Глеб внимательно посмотрел на парня, потом на девчонку и наморщил лоб. А когда очнулся от раздумий, опять перехватил на себе Татьянин взгляд.

Арсений отобрал мяч у Полли и, крутясь вокруг нее, бил им об землю.

— Степ! — отвлек парня от созерцания Айкиных прелестей Глеб. — Давай заканчивать. Осталось только поставить корыто и зафиксировать шланг.

— Угу. — Нехотя сфокусировав взгляд на гараже, Степка поднялся.

— А потом давай сделаем баскетбольную площадку!

— Это как? Когда в кольца бросают мяч?

— Ну да. Игра командная, интересная. Одно кольцо уже есть. — Глеб кивнул на покрывку, застрявшую в арматуре. — Расчистим пяточок и приделаем еще одну. Будем играть в хорошие дни!

— Здорово! — восхитился Степан, направляясь в гараж.

Скоро работы по переделке водопровода были закончены, и ребята с энтузиазмом взялись расчищать площадку для игры в баскетбол. Потом, разбившись на две команды, немного попрыгали, сняв капюшоны. Братьев поставили по разные стороны баррикад, чтобы было интересней. И вот мяч в игре. Стукая им о землю, Степан пытается пробраться к корзине противника, избежав широких объятий Кирилла. И пока они вдвоем маневрируют, сбоку вылетает маленький и шустрый Арсений. Подныривая Степану под руку, он выбивает мяч и бросает его Айке. Та в прыжке его ловит, падая на колено, но потом вскакивает и подликующе-негодующие вопли закидывает его в кольцо. Все орут, Степан хмурится, Айка улыбается и посылает всем воздушные поцелуи. Теперь мяч в руках Кирилла. Вокруг него танцует Степан, а сбоку мешается Надежда, все время приговаривающая:

— Кирилл — хороший мальчик, отдай, пожалуйста, мячик!

Тот мотает головой и показывает язык. Надя машет руками и строит рожицы. Кирилл недоуменно смотрит на ее кривляния, а тем временем, к нему подкрался Артем и одним ударом снизу выбил мяч из рук брата. Подхватил его и швырнул в корзину. Мимо.

— Темка-Темка быстро скачет, перелет — он горько плачет! — тут же выдал Кирилл.

Артем прищурил глаза и задумался. Потом что-то шепнул Степану и Наде. И вот они втроем взяли в клещи маленького Стаса с мячом. Тот пытался перекинуть мяч через их головы, но Степан выставил вверх руку, и мяч прилип к его пятерне. Небрежно замахнувшись, он точным жестом отправил его в покрывку. И довольный собой, поднял над головой руки со сцепленными пальцами.

Зрители в лице Полинки, Татьяны и Глеба со слушательницей Беллой были в восхищении. Ребята носились по площадке и смеялись от всей души.

— А Кирюха молодец: по кирпичной кладке спец! — наконец выдал Артем, когда брат отдал неточный пас.

Кирилл подошел к Темке и несильно треснул того по макушке. Все заинтересованно посмотрели на Темку. Тот продолжил:

— Если сверху каплет течь, надо голову беречь. Есть кирпич над головой — убегай, пока живой!

— Если палку в руки взять, можно Темку погонять! — закончил Кирюха, и сорвав с бетонной плиты веточку, он хлестнул брата по комбезу. Тот побежал по кругу, оглашая воздух воплями: — Это монстр! В него в подземельях вселился монстр!

Игра была сорвана, но все набегались и навеселились от души.

Солнце за пыльной подушкой садилось, привычно окрашивая развалины в малиново-красные тона. Ребята, один за другим, ныряли в люк. Последней шла Айка. Оглядев окрестности, она заметила кончики собачьих ушей за плитами.

— Пейте! — сказала она. — Вода чистая!

Кончики едва заметно дрогнули.

А после ужина все дружно начали зевать. Артем так и не притронулся к томику Майн Рида. Арсюха немного покрутился, прикладываясь головой к Степкиным коленям. Айка спросила:

— У кого-нибудь есть пожелания на завтра?

— Да! — заблестел глазками и захолопал ресничками Артем.

— Какое? — спросила Айка устало.

— Подольше поспать! — улыбнулся он Айке.

— Принято. — Девушка встала и пожелала всем спокойной ночи.

Степан, сидевший рядом, схватил ее за руку.

— Степ, ты чего? — удивилась она.

— Ты довольна?

— Спасибо, Степочка. Вы все большие молодцы!

— А я большой? — поднял сонную мордочку со Степкиных колен Арсюха.

— Ты — чемпион! — серьезно ответила Айка. — И я очень рада, правда, Степ.

Тот улыбнулся, нехотя выпуская Айкину руку.

— Аюшка, пожелай мне спокойной ночи! — позвала ее Белла.

Девушка подошла и присела рядом с разобранной кроватью. Погладила короткие белые волосы.

— Ты стала редко подходить ко мне. — Пожаловалась Белка.

— Солнышко мое, теперь у тебя есть папа. Он тебя долго не видел и тоже хочет побыть с тобой.

— Одно другому не мешает, не правда ли? — отозвался Глеб. — Или Вы, Айше, меня боитесь?

— Надо? — тут же оцетинилась Айка.

— Вот и я говорю: не надо. А Беллочка Вас очень любит. Подходите, не стесняйтесь, я не кусаюсь. — Глеб прижал дочь к себе, и Айкина рука соскользнула с худенького плечика. Мужчина осторожно взял ее ладонь и, вложив в нее тоненькие детские пальчики, крепко сжал их вместе.

— Спасибо, Вам, Айше. — он грустно взглянул Айке в глаза.

Девушка смутилась и встала, выдернув руку.

— Спи, солнышко, спокойной ночи! — развернувшись, она ушла в спальню.

Постепенно все разошлись. День действительно выдался суматошный. Полли заснула сразу, Надя, уткнувшись носом в Айкину подушку, тоже засопела. Татьяна лежала тихо, а сама Айка, подложив под голову руки, вспоминала ласковый свет синих глаз и тепло крепкой мужской руки. Бояться — нет. А вот опасаться... И Степка постоянно лезет со своими гормонами... Айка поморщилась.

— Ай, ты спишь? — вдруг тихо спросила Татьяна.

— Нет. — Прошептала Айка.

— Я, конечно, могу ошибаться. Но я когда-то уже видела эти длинные волосы.

— Где? — Айка поднялась на локте.

— В метро. У Ченца в гостях.

— А кто это Ченц?

— Старший Волков. Вожак. Обычно на дела ходит народ попроще, а Ченц... Он отдает приказы. Они и называют себя волками по его фамилии — Волков.

— Не может быть! Что тогда Глеб делает у нас? И потом, мы нашли его истощенным и светящимся... Я думала — не выкарабкается.

— Я могу ошибаться...

— Ну, сама посуди, если бы мы были интересны Волкам, нас давно уничтожили бы. А потом — Белла. Она его дочь! Все-таки ты ошиблась!

— Да, возможно. Извини.

— А что тот человек делал у волков?

— Не знаю. Шлюх об этом в известность не ставят.

— Таня! — Засопела возмущенная Айка и, немного помолчав, спросила: — Ну ты хоть слышала, как того длиннокосого звали?

— Нет. Спокойной ночи.

— Спокойной...

Глава девятая. Игрушки

Следующий день принес мелкий заунывный дождик и коллективную апатию. Все проснулись поздно, позавтракали вчерашней кашей и расползлись по уголкам столовой-гостиной. Темка засел за приключения индейцев, Стас резал на кухне прошлогоднюю картошку и свеклу для борща. Таня с Надей опять что-то подшивали. Поинка и Белла играли во вчерашних глиняных зверушек, строя им норки из одеяла. Степан мучил гитару, подбирая аккорды к очередной песне. Кирилл походил из угла в угол, потом зашел в кладовку, взял моток тонкой веревки и попросил у Стаса кусок мороженой крысы.

— Тебе зачем? — подозрительно поинтересовался повар. — Сырую есть будешь? Ты не заболел?

— Нет, я что подумал, вдруг в этом озере водится подземная рыбка! Мы супчик сварим!

— Ты в чистую воду собрался кидать сырое мясо?

— Так я привяжу кусок веревочкой...

— Ну, уж воду я тебе портить не дам! Ученые, вылавливающие в коллайдере бозон Хикса, всю природу загадили, играя в ядерные игрушки. А ты нам кишечную палочку в озеро запустить хочешь?

— Не, я рыбки хочу! — надул губы Кирюха. — Базоном сыт не будешь.

— Дай ему несколько макаронин, пусть развлечется! — сказала Айка, инспектируя тетрадь, в которой расписывалось поступление и убыль продовольственных запасов, а также, но только с другой стороны, всяких полезных вещей.

— Айка, я тебя люблю! — пропел ошастливленный Кирюха, пытаясь выцепить из кастрюли несколько вареных макаронин.

Степан, прекратив дергать струны, посмотрел на пытавшегося запихнуть в карман макароны Кирилла.

— Балбес. Миску возьми.

— Степа! Ты, несомненно, гениален! — Кирюха побросал добычу в миску и, открывая люк, добавил, — но не в музыке!

Об захлопнувшийся люк ударился Степкин тапок.

Айка еще раз посмотрела в тетрадь и спросила Арсюху, гонящего между ногами маленький мяч:

— А скажи-ка мне, лучший в мире искатель, видел ли ты где-нибудь на складах игры или игрушки?

— Ну да. Я оттуда мячики принес.

— Расскажешь, где?

— Не-а. Отвести могу. — Арсюха поднял голову, и в его глазах блеснули хитрющие искорки.

— Далеко?

— Нет, рядом, где на Дмитровке «РИО» стоял. Только без меня все равно не найдешь! Да и не пролезешь!

Айка захлопнула тетрадь.

— Пойдем, разведка! Скрасим наш серый быт яркими развлечениями.

Степка поднял голову:

— Я с тобой!

— Нет, Степ, в доме всегда должен кто-то из нас двоих оставаться.

— Вон, Глеб посидит!

— Степ... Ты не понимаешь...

— Не доверяет она мне, Степан. — Из темного угла сокрушенно сказал Глеб и встал, подсаживая Беллу к подушке. — Но только я тоже не могу доверить такое ответственное дело, как выбор игр и их переноска хрупкой девушке и маленькому отважному исследователю. Поэтому, раз дома остается хозяин, гостю следует проветриться.

Степка сначала нахмурился, но когда ему легонько польстили, назвав хозяином, расплылся в улыбке и, посмотрев на Айку, сказал:

— Ты только за Арсюхой не лезь, он сам все достанет. И осторожно там, место все-таки открытое!

Айка согласно кивнула головой: какой же он еще мальчишка! А еще за руки хватает...

Щель между плитами и перевитой арматурой густо обросла крапивными зарослями. Отдельные стебли достигали почти двухметровой высоты. Маленькому Арсюхе и невысокой Айке казалось, что они продираются через заколдованный лес, но их целью был не замок спящей принцессы, а бетонные развалины когда-то огромного торгового центра. Все, что можно здесь было взять съестного, уже давно вынесли. Осталась непрактичная одежда из китайской синтетики, со временем истлевшая, да бытовая техника, которой требовалось стабильное напряжение и водопровод. Ну и конечно, игрушки.

Арсюха, помахав ручкой, протиснулся между двумя толстыми прутами, включил фонарик и исчез в темноте. Айка тоже попыталась протиснуть свое худенькое тело, но оно все-таки оказалось толще Арсюхиного и в дыру пролезать никак не желало. Глеб, усевшись на камушек, с улыбкой наблюдал за ее стараниями.

— Тебе пора садиться на диету. — Наконец серьезно сказал он.

Девушка, вытирая перепачканные ржавчиной перчатки о крапивный лист, недоуменно вскинула на Глеба взгляд:

— На какую диету? Ты считаешь, мне не хватает витаминов? Я слишком бледная?

Мужчина фыркнул:

— Ты слишком толстая для таракана. Не во все щели влезаешь.

Айка рассмеялась:

— Зато подросло молодое талантливое поколение. Мне остается только командовать и направлять!

— Тебе это поколение скоро нечем станет кормить. Продукты на складах имеют свойство портиться, да и просто заканчиваться.

Девушка подошла к Глебу и села рядом с ним.

— Я думала об этом. Летом хотела сходить на свою бывшую дачу, взять наши семена, например, картошку, и посадить в открытый грунт, под пленку. Мальчишки бы землю вскопали... вот бы кур или коз одичавших поймать! И вообще можно переселиться за город. Дом утеплить. Даже достроить! Колодец у нас там есть. Только радиацию надо померить.

— Хорошая идея. Дача далеко от Москвы?

— Пятьдесят километров по Рогачевке. Деревня такая — Синявино называется. — Айка нагнулась, подобрала сухой крапивный стебель и начала разгребать в ногах ямку. — Когда по городу нанесли удары, мы отдыхали на даче. Помните, ведь это был теплый воскресный день. Ранним утром неожиданно затряслась земля, и над холмами покотился чудовищный грохот. Небо заволочло пылью, ветер был такой, что деревья лежали на земле. Мы

испугались, думали — ураган. Оказалось, все намного хуже. Пропала связь. Мы не могли дозвониться бабушке и дедушке. Папа завел машину и сказал: «Ждите тут, поеду, посмотрю, что случилось!» Вернулся через два часа. Долго молчал. А потом сказал: «Твоих родителей, Верочка, больше нет. И города нашего нет. Ничего нет». Он закрыл лицо руками и заплакал. Это был первый и последний раз в его жизни.

Айкин голос охрип, и она закашлялась. Глеб помолчал, а потом осторожно привлек девушку к себе, заключив в кольцо рук и прижавшись щекой к ее черноволосой голове.

— Почему вы все-таки оказались здесь, в гаражах?

— Мы прожили в деревне несколько месяцев. — Уткнувшись Глебу в плотную ткань комбеза на груди, продолжила Айка. — В те времена дачники сажали только цветочки да огурцы с укропом. Запасы крупы кончились. Оставалось немного макарон. Но мы все равно не хотели сюда возвращаться. Здесь были трупы. Радиация. И негде жить. Но однажды ночью на нашу деревню напали люди с охотничьими карабинами. Они стреляли в наших сельчан, заставляя выносить для них припасы. Дядю Мишу, соседа через два дома, застрелили за то, что он не пускал их во двор. На глазах беременной жены и двух пятилетних близнецов. У нее случился выкидыш, а кровь остановить мы не сумели. Мама сказала, что нужна операция. На следующий день мы их похоронили. Остаться стало страшно. Могли не убить, а просто сжечь дом. Или избить. Просто так. От безнаказанности. Мы целый день решали и взвешивали все за и против. У отца был гараж. С погребом. — Айка подняла лицо и улыбнулась Глебу. — Мы сейчас ведь живем в бывших гаражных погребах! Только ходы между ними прорыли, да утеплили. В одном из гаражей нашли генератор. А в одном из погребов даже бак с топливом стоял на двести пятьдесят литров. Ну вот, мы взяли близнецов с собой, сели в машину и поехали в город. Сначала пришли к нашему дому. А его нет. Просто груда мусора. И кругом тоже. Мусор и обожженные стволы деревьев. Пока мы стояли и думали, к нам подошел выживший сосед из первого подъезда и пригласил к ним в коллектор. Мы там жили, пока отец с матерью строили убежище. Они никому ничего не говорили. Люди в коллекторе ссорились и дрались. Еды не было. Воды — тоже. Вспомнили, что когда-то давно, рядом со старым домом, была скважина. Вырыли там колодец. — Айка вздохнула и, на секунду прижавшись к Глебу, выдохнула: — Я столько лет держала это в себе! Спасибо, что выслушал.

И неловко отстранилась, расцепив его руки.

— Близнецы, полагаю, зовутся Тема и Кирилл?

— Правильно полагаете. Но первым настоящим найденьшем у нас была Белочка. Я все время с ней возилась, лечила во время приступов, спала с ней. А мальчишки — они с детства самостоятельные. Мы их даже оставляли в Доме одних. Они были очень послушными и честными. Да и сейчас...

— Замечательные молодые люди. Тем более, надо навестить твою деревню. Степан что-то говорил о велосипедах?

— Точно! — глаза Айки загорелись. — Завтра же надо их притащить. Хотя, надо сначала придумать, где их прятать. Глеб, — она как-то странно посмотрела ему в лицо, — скажи, твоя дочь, она больна от рождения? Я не понимаю природу этих приступов. И не знаю, как их лечить.

— Это не лечится. Давай поговорим об этом как-нибудь потом. Хорошо?

— Как хотите. — Айка посмотрела в серое небо сквозь крапивные листья.

— Эй, — раздался глухой голос из-под бетонной плиты. — Вы не забыли, зачем мы

здесь? Принимайте!

Айка вскочила и подошла к дыре. Навстречу ее рукам из темноты подземелья выползал большой белый мишка в целлофановом пакете.

Девушка засмеялась и схватила пыльный пакет со своей стороны дыры.

— Не торопись, а то выдернешь меня вместе с ним! — раздалось Арсюхино пыхтение, а потом показался он сам, вымазанный в цементной пыли с головы до пят.

Когда медведь уже сидел по эту сторону прутьев, а мальчишка откашливался по ту, к дыре подошел Глеб.

— Арсений, ты молодец. Только зачем снял респиратор? Легкие у тебя одни. Новые никто не поставит.

— Там дышать трудно! — возмутился ребенок.

— А другой проход туда есть? — спросила Айка.

— Да нет, все нормально. Я, правда, больше не сниму эту штуку! Обещаю! Чего еще принести? Там всего много!

— Точно обещаешь? — подозрительно посмотрела на чумазую мордаху Айка.

— Ну да! Так чего надо?

— Краски. Пластилин. Конструктор. Книжки со сказками, но не малышковые, а интересные. Андерсен, Линдгрэн, Пушкин... Мячиков пару. И куколки для наших девочек. Маленькие такие, с длинными волосами... Понял?

— У тебя живых кукол полно. А этого можно даже причесывать. — проворчал Арсюха, отодвигаясь от длинной Айкиной руки, скользнувшей между прутьев и пытавшейся поймать чей-то испачканный нос.

— Респиратор! — прорычала Айка вслед снова нырнувшему в щель мальчугану.

Через пару часов на пяточке у дыры все трое рассовывали по рюкзакам Арсюхин улов: головоломку из проволочек и бусин для Беллы, трех куколок в мятых коробках, но с платяницами внутри, пушистого, но в мелкой бетонной крошке, котенка, два мячика, три коробки с пазлами, лото, пластилин и несколько книжек.

— Ваших «гренгов» не нашел. Взял, что попало. — Развел Арсюха руками в пыльных перчатках.

Но самым ценным уловом, несомненно, считался белый медведь. Его нес в своих объятиях Глеб.

Сколько же было восторга, когда они все выложили на стол в гостиной! Полина и Надя запищали, увидев крошечные платяница с блестками, и тут же утащили кукол в спальню переодевать во все наряды по-очереди. Котенка решили отстирать, посушить и подарить сидящей в грядках Тане. Коробки с пазлами тут же схватили мальчишки и высыпали содержимое одной из них на стол. Книжки, пластилин и мячики Айка убрала в кладовую до лучших времен. А белого медведя все единогласно решили отдать Белке. Когда его посадили к ней на колени, она обняла его за шею здоровой ручкой и счастливо вздохнула:

— Мой дружок будет всегда со мной! Я буду заботиться о нем и укладывать спать. Но ты, Полли, можешь играть с нами.

Но Полина не оценила такого благородства, поглощенная немислимым блеском кукольных нарядов.

Но самым радостным было то, что вернувшийся с озера Кирюха принес трех толстых рыбинок. Покрутив ими перед лицом каждого члена семьи, сказал:

— А на крыску я поймал бы больше!

Рыбины были почищены и брошены Стасом в кастрюлю, из которой скоро пошел ароматный парок. Все было расщипано на мелкие клочочки и уварено с картошкой и рисом. Ужин прошел в самом благодушном настроении, и даже близнецы не цеплялись друг к другу.

Когда тарелки были помыты и расставлены по местам, а большой стол протерт, мальчишки снова вывалили маленькие частички большой картины и начали собирать каждый свой кусок, иногда споря по поводу места того или иного кусочка в общей картинке.

Айка сидела с Белочкой, рассказывая ей сказки про похождения белого медвежонка Умки. Девочка положила головку на медвежью морду и иногда терлась щекой о его мягкую шерстку и пластмассовый теплый нос. Глеб сидел в стороне и, не мешая общению, что-то черкал карандашом на бумажном листе. Потом он поднял голову и громко сказал:

— Когда мы ходили за игрушками, Айше рассказала мне о своем доме в деревне.

Мальчишки дружно оторвались от паззла и заинтересованно посмотрели на мужчину.

— Есть какие-то предложения? — Спросил, откинувшись на спинку стула, Степан.

— Да, предложение есть. Надо бы съездить, посмотреть. Может, имеет смысл туда переселиться и завести настоящий большой огород? В-общем, нужна разведка.

— Пятьдесят километров. Как Вы это себе представляете? Разве мы можем надолго оставить девочек одних? — Ответил Артем.

— Так велики же! — потряс ладошкой под носом бестолковых взрослых Арсений.

— А ведь точно! — вспомнил Степан. — Велосипеды! Надо сходить и притащить их сюда!

Артем прищурил глаз:

— А скажите-ка, други и подруги, кто из нас умеет ездить на велосипеде?

— Я! — подняла голову Айка и посмотрела на Глеба.

— Я тоже умею. — Успокаивая ее, кивнул тот.

— У нас спрятан старый велик. Я на нем иногда езжу за добычей. — Сказал Степан.

Остальные не умели.

Степка встал и оперся кулаками в стол:

— И все-таки — это хорошая идея. Поэтому придется учиться всем. Понятно?

— Мне тоже? — одновременно спросили Полли и Белка.

— А как же! — Нахмурил брови парень. — Вам в первую очередь!

Девчонки захлопали в ладошки: — Мы поедem на дачу!

Следующим утром Арсений, Артем и Кирилл отправились за велосипедами, а Степан с Глебом и Стасом — за крупой и макаронами. Перед дальней дорогой надо было пополнить припасы и приготовить еды на несколько дней. Айка с Надей пошли выгуливать Беллу и Полли, благо погода не пугала выкрутасами и жарой, а всего лишь обдувала легким летним ветерком.

Таня осталась в доме. Сегодня подземелья покинули все, поэтому она, чувствуя себя спокойно, с удовольствием прибиралась в комнатах и готовила на вечер.

Полинка опять прыгала с мячиком по площадке, распевая песенки, услышанные от Степана. Айка с Беллой на руках и Надя пристроились на шинах, валяющихся сбоку игровой площадки.

— Представляешь, если мы будем жить в доме на земле! С окнами! Я сошью занавески! — улыбалась серому небу Надежда, потряхивая пепельными волосами. — У нас будут светлые комнаты! А как мы повезем генератор? А бензин?

Ее мысли возбужденно скакали от радости к тревоге и обратно.

— Я хочу, чтобы под окнами цвели цветы! У бабушки росли такие пионы! Вот с такими цветками! — она раздвинула ладони и показала нечто округлое, сантиметров двадцати в диаметре.

Белла тихонько рассмеялась:

— Надя, ты не о том мечтаешь!

— А о чем мечтать, Белочка?

— О море. Оно бескрайнее. То злое, то доброе. И с ним обязательно надо подружиться!

— Тебе о нем рассказывал папа?

— Нет. — Девочка подняла закрытые глазки вверх, к небу. — Я его видела. Оно ждет.

— Кого, Белочка?

Белла опустила подбородок и покрутила головой:

— Джек кого-то почувял.

— Идем! — Айка подхватила Белку, а Надя — Полинку.

Они быстро спустились в люк.

— Бел, ты еще чувствуешь Джека?

— Да.

— Это чужие или наши?

— Чужие. Джек начал охоту.

Девчонки разделись и вошли в сверкающую чистотой столовую. Таня варила суп.

— Что так быстро вернулись? Погода испортилась?

— Джек почувствовал чужих людей на своей территории.

— Белочка, а как там наши мальчики?

Девочка, устраиваясь с медведем на кровати, важно ответила:

— Они заняты. Домой еще не скоро.

— С ними все хорошо?

— Конечно. У них долгая дорога.

— Они придут поздно?

— Как получится. Михася, у тебя такие большие глазки! Айка, а какого они цвета?

— Коричневые, как у меня. Ты кушать будешь?

— А у Нади какие?

— Серые, как небо.

— Небо не серое. Это тучи. А небо, оно — синее. Как папины глаза. И у меня глазки были синими. А теперь они закрыты. Таня, а у тебя какие глазки?

— Тоже серые. — Улыбнулась Таня.

— А волосики у тебя какие?

— Я вся серая, Белочка.

— Нет, ты — светло-зеленая, как травка.

— А я какая? — села рядом с ней Надя с тарелкой супа.

— Ты? — Белочка задумалась, почесывая рукой кончик носа. — Ты — желтая. Как подсолнух.

— Ну-ка, солнышко, открывай ротик, супчик ждет!

Белла проглотила ложку супа и продолжила:

— А Айка — черная, как звездная ночь!

— Придумщица! — села с другой стороны Айка. — Кушай, а то суп остынет!

Голодную Полинку посадили за стол. Она с завистью смотрела, как старшие болтают со слепой девочкой и кормят ее из ложки.

— А если я заболею, вы тоже меня кормить будете? — она повозила ложкой в тарелке, вылавливая макароны.

— Закрой глаза! — спокойно сказала Айка.

Полина послушно закрыла.

— А теперь, не открывая, попробуй съесть хоть что-нибудь.

Суп, расплеснувшись, упал в тарелку. Полли открыла глаз.

— Не подглядывай и ешь! — приказала наблюдавшая за ней Айка.

Девочка вздохнула, пролив еще одну ложку.

— Я не хочу, чтобы меня кормили! — Сделала она вывод.

— Вот и умница. Открой глазки и кушай! — Таня подошла и села рядом.

— А Полли — серебряная!

— Да откуда ты знаешь? — всплеснула руками Надя. — Разве ты чего-то помнишь, фантазерка?

— Я вижу. Здесь. — она дотронулась до груди. — И я знаю, кто о чем думает.

— И о чем я думаю? — Улыбнулась от стола Таня.

— Ты думаешь, что ты — плохая. Гадкая. И что Степану ты не нравишься. — Белка с самодовольным видом проглотила еще одну ложку.

Татьяна вскочила и, закрыв глаза рукой, ушла в спальню.

Айка задумчиво посмотрела ей вслед.

— Белочка, — начала подбирать она слова, чтобы не расстроить девочку, — ты понимаешь, есть такие мысли, о которых вслух говорить нельзя. Это — тайна самого человека. Ему, например, чего-то очень хочется, но он об этом не говорит, потому что так думать неправильно...

— Конечно, неправильно. — Белла нащупала Айкину руку и погладила. — Таня — очень хорошая. Просто о себе неправильно думает!

Айка рассмеялась и погладила ее по макушке, дергая за кончики волос.

— Давай мы с тобой договоримся. Ты больше никому не будешь говорить о чужих мыслях. Хорошо? Полли, тебя это тоже касается!

— Даже о твоих? — уточнила Белла.

— А о моих тем более! Маленькая разбойница! — Айка щелкнула ее по носу, а Надя заправила ей в рот последнюю ложку.

— Я пойду, поговорю с Таней. — Айка встала и поспешила в спальню.

Таня лежала на своей постели, свернувшись клубочком. Айка, не включая света, подошла и села рядом, положив руку ей на плечо. Танино тело мелко тряслось.

— Тань, ты чего? Мало ли чего скажет больной ребенок! Не обращай внимания!

Та резко повернулась к Айке и села, глядя на ту заплаканными блестящими глазами:

— А если это правда? Меня никто никогда не жалел. Только пользовались и били. Мужчины, женщины... А потом бросили умирать. Степан меня спас, не прошел мимо. Он хороший и добрый! И мне хочется быть рядом с ним, помогать ему во всем. Я живу только из-за того, что он живет. Я люблю его, Айше. — Она сглотнула вставший в горле ком. — А он любит тебя. Почему он смотрит на меня, как на пустое место? Чем я хуже тебя? Я умею сделать так, что мужчине будет очень хорошо. Но ему это не надо. Ему нужна ты...

Айка протянула вторую руку и крепко обняла вырывающуюся Татьяну:

— Тише, тише. За материком не видно моря... Он обязательно тебя заметит. Просто он еще совсем мальчишка и играет в благородство: считает себя обязанным мне в память о моих родителях. Это не любовь, Таня. Это — благодарность. Вот когда он это поймет, то увидит и оценит твою красоту и преданность.

Таня хлопнула носом и уткнулась в Айкино плечо:

— Ты, правда, его не любишь?

— Люблю. Как брата и защитника. Но он — не мой возлюбленный. И никогда им не будет.

— Честно? — Танины глаза засияли, словно звездочки.

— Только ты сама должна ему дать понять, что он тебе небезразличен. — Айка вздохнула. — Иначе, он никогда этого не узнает.

Посмотрев на решительное лицо девушки, Айка рассмеялась:

— Только не бросайся на него. Юные мужчины этого боятся.

— Спасибо, ты подарила мне надежду! — Таня сама обняла Айку за шею.

«И что я делаю?» — грустно подумала Айка, вставая с кровати. — Только на Белочку не обижайся, она не понимает взрослых заморочек и живет в своем, придуманном и сказочном мире. Там она видит маму, и ни у кого нет друг от друга секретов.

— Конечно! — радостно сказала Таня, вытирая слезы.

Когда Айка вошла в столовую, Надежда внимательно посмотрела на подругу. Айка снова вздохнула и пошла в кладовку. Там достала пластилин и села к столу.

— Надя, бери Беллу. Полинка, садись рядом. Сейчас будем делать игрушки. — Она с удовольствием сжала в теплой руке холодный кусок. — Ну что, кого лепить будем?

Через пару часов их стол украшали разноцветные фигурки динозавриков, артистично сделанных Надеждой, и кособокие зайчики, вылепленные Айкой и Полиной. А посередине стоял на зеленой ножке цветок с семью разноцветными лепестками, сотворенный Таней.

Глава десятая. Волки

Первыми домой явились велосипедисты. Радостно гогоча, Кирилл с Темкой влезли в люк.

— Девчонки! Теперь у нас есть три классных новых велика! — объявил Кирюха.

— Только у одного из них он погнул руль. — Наябедничал вошедший последним Арсений.

— А насосы вы взяли? И запасные камеры? — спросила дотошная Айка.

— Ну, так ручной автомобильный насос у нас есть! Его и возьмем!

— Эх, там столько великов еще под завалами! Красненькие, синенькие и даже трехколесные! — посетовал Артем. — Жаль, времени было мало.

— Там еще с аккумулятором были... Но они тяжелые. Чтобы вытащить, надо сначала разобрать.

— Вот и молодцы! — похвалила их девушка. — Сейчас вернутся остальные, и будем ужинать.

Мальчишки помыли руки и сели к столу, на котором стояли неубранные фигурки из пластилина.

— Вау-вау! — Изрек Темка. — Народное творчество в наши неотесанные и невосприимчивые к прекрасному массы! Признавайтесь, кто кого лепил?

Он цапнул ближайшего динозаврика за пузико и поинтересовался:

— Эта рептилия с крыльями — плод больного воображения или мутант из канализации?

— Сам ты плод! — обиделась за животное Полинка. — Это Надя лепила динозавриков. У них есть крылышки, и они летают по воздуху. А живут высоко в горах. В пещерах, где прячут сокровища.

— Короче, мутировавшие олигархи. Но сделано классно. Надя!

Девушка повернулась и улыбнулась Темке.

— Уважаю!

— Спасибо за оценку! — Кивнула головой Надежда.

— А кто ваял этих косорыльчиков? — Темка ткнул пальцем в заячье племя. — И когда они успели так размножиться?

Айка сверкнула темными глазами и нависла над сидящим Артемом:

— Ты что-то имеешь против русского авангарда?

— Против русского не имею. Но ты, Аечка, вроде как...

— Продолжай... — нехорошо усмехнулась смуглая Айка.

— Не в обиду будет сказано, но к русским тебя можно отнести с оч-чень большой натяжкой... Ай... — захрипел он, схваченный за шею сильным захватом маленькой женской руки. — Пусти, больно!

Айка ослабила хватку. Темка вывернулся и крепко прижал к себе спину Айки, перекрестив ей руки. Потом, сощутив глаза, скорбно объявил:

— А Крым все-таки наш!

Полинка подкралась сзади и треснула Темку ногой по суставу.

— Ай... — Загребущие ручки схватились за ногу. — Поля, больно!

— Ты Айку не трогай! — погрозила девочка пальцем. — А то придет Белкин папа и

рассердится!

— Почему? — сразу три пары любопытных глаз внимательно посмотрели на девочку.

— Потому что она всегда Белку лечит. И ее папу тоже вылечила! Вот!

— А кто вылепил цветочек? — Перенаправил разговор Кирилл.

— Таня. — Тут же объявила Полли.

Артем задумчиво выпрямился, подошел к столу и, взяв цветок в руки, медленно оторвал один лепесток.

— Ты лети, лети, лепесток, через запад на восток, через север, через юг... — Темка, приговаривая считалочку, медленно подходил к Татьяне, стоявшей у плиты с ложкой. — Лишь коснешься ты земли, быть по-моему вели...

Он близко подошел к Татьяне и, заглядывая ей в глаза, сказал:

— Хочу, чтобы Таня меня поцеловала! — и нагнулся к ее лицу.

Сначала раздался глухой стук ложки, нашедшей лоб незадачливого кавалера. А потом Темка, влетев спиной вперед под стол от сильного тычка, сломал табуретку и расцарапал ногу. Таня опрометью бросилась в люк, ведущий наружу.

— Ну, ты и дурак, Артем! — Сказал, доставая брата из-под стола, Кирилл. — Нашел, к кому приставать.

— Согласен. Дебил. — Прокряхтел, растирая ушибленные места, Артем. — Я пошутить хотел.

— Лучше бы со мной шутил! Разве с ней так можно! — Набросилась на него Надя.

Айка позвала Арсюху:

— Быстро носи гитару и займи малышей. Поиграй им. Большие разберутся сами.

— А ты куда? За Таней? — тихо спросил Арсений.

— Да. Если ее сейчас не вернуть, она не придет назад никогда. Если появятся ребята, попроси Степку мне помочь. И больше никого. Понял?

— Да, Ай. Иди.

Айка быстро натянула комбез, ботинки и перчатки. Застегнула кобуру. И вот она уже на улице.

Резкий холодный ветер гнал по вечернему небу темные тучи. Наступили сумерки. Айка пожалела, что не взяла в спешке фонарь.

— Таня! — негромко крикнула она сквозь завывания ветра. — Отзовись!

Девушка взобралась на выщербленный кирпичный столб и посмотрела по сторонам. Движения среди куч мусора не наблюдалось. «Куда же она могла пойти?» — думала Айка, вертя головой по сторонам. После того, как Степан ее привез, Таня выходила наружу только два раза, да и то посидеть с Беллой.

Черные тени от низколетящих туч бесшумно скрадывали коварные ямы и изломанный металл. Айка осторожно шла по той тропе, какой она обычно выходила в бывшие жилые районы. Пару раз над мусорными кучами она видела чуткие собачьи уши. Значит, чужих сейчас здесь не было. И куда эта девушка с сорванной психикой могла побежать? Айка вышла на Карельский бульвар и остановилась, вглядываясь в мятущуюся черноту. За десять лет здесь, на практически пустом месте, выросла высокая березовая поросль.

— Таня! Ты где? — снова крикнула Айка в замершую черноту мертвого пространства, страшась быть услышанной кем-нибудь чужим. Достав из кобуры пистолет и сняв его с предохранителя, она двинулась вверх, к Дмитровскому шоссе. Если Таня выбежала сюда, то в таком состоянии ей нужна открытая местность, чтобы бежать без остановок как можно

дальше.

Айка быстро, постоянно озираясь по сторонам, карабкалась по изломанному асфальту вверх.

— Таня! — снова позвала она, выйдя на Дмитровку. На улице становилось все темнее. Если бы не серый асфальт под ногами, Айка уже забилась бы под какую-нибудь плиту пересидеть ночное время.

— Да что же ты за дура бестолковая! — Выругалась Айка. — Сама пропадешь и нас всех подставишь!

— Это точно. — тихо шепнул ей на ухо мужской незнакомый голос.

Девушка резко развернулась, одновременно нажимая на курок. Но от резкого и короткого удара рука повисла, словно парализованная, а выстреливший пистолет чиркнул пулей по асфальту и упал к ее ногам. Едва она дернулась в сторону, как обездвиженная рука была завернута на спину, а дикая боль прострелила плечевой сустав. Из глаз брызнули злые слезы.

— Вот тварь! — прошипела сразу в два адреса Айка.

— Точно, детка. Крыса, она и есть крыса. — Тоже неизвестно в чей адрес отозвался невидимый под черной одеждой и маской мужчина. — Пошли.

Он поднял ее пистолет и несильно двинул дулом под ребра, задавая направление движения. Через несколько минут они вошли в подъезд наполовину разрушенного здания.

— Хей. — негромко позвал провожатый.

Сразу вспыхнул свет мощного фонаря, ударивший ей в лицо.

— Еще одна девка? — Удивился другой голос, более хриплый и грубый. — У него персональный бордель? Наши бл...ди для него оказались слишком затраханы?

— Помолчи, Перец. Слушай, красотка, бойцы не смогли пройти к вам. — Мужчина печально покачал головой. — У вас слишком хорошая охрана: сожрали наших вместе с автоматами! Мы думали — гадали, как к вам подобраться, выстраивали стратегические планы, а вы сами к нам вышли. Удача-то какая!

— Век бы вас всех не видеть! — не удержалась Айка и тут же получила хлесткий удар ладонью по губам.

— Помолчи, пожалуйста, когда к тебе обращаются вежливо и с просьбой. — Мужчина, стоящий рядом с ней, воткнул обратно в ее кобуру пистолет. — Видишь, мы с миром. И так. Скажи Косарю, что мы забиваем ему завтра вечером стрелку на Совке. Он знает, где и что. Скажем, часикам к пяти. Есть конкретный базар. И еще... Скажи, убежать, как в прошлый раз, не получится. Достанем. Поняла?

— Да. — Хрипло сказала Айка. — А где Таня?

— Шлюшка ваша? Вон, в углу лежит. Забирай. Нам эта падаль не нужна. Интересно, как она выжила после той вечеринки?

Перец, что-то вспомнив, гнусно расхохотался.

— Так не забудь, детка, передай... А то уютное местечко в красной комнате тебе, восточная красотка, обеспечено! Так и быть, по знакомству примем! — тот, кто ее держал, провел по ее щеке грубой рукой.

Айка дернулась и прокусила губу. По подбородку струйкой потекла кровь. Мужчина увидел и цокнул языком:

— А ты — горячая штучка! — И, приподняв на лице маску, схватил ее за капюшон и, нависнув над ней всем телом, медленно слизнул кровавую каплю: — Сладенькая!

Этого Айка уже не выдержала. Тошнота мгновенно подступила к горлу. Она упала на колени, опершись руками о засыпанный бетонной крошкой пол, и ее вырвало.

Фонарь тут же погас. Мимо прошли тихие шаги.

— Не забудь, передай!

Все стихло. Айка пыталась отдышаться, но приступы рвоты накатывали снова и снова. Когда в желудке не осталось даже воды, она поднялась на ноги, держась за стену. Сняла перчатку и вытерла рукой облюбованный незнакомцем рот. Потихоньку, отходя от шока, она начала различать рассеянный свет с улицы и тихие всхлипывания в нескольких шагах от себя.

— Таня... ты здесь? — спросила девушка.

Всхлипы стали громче.

— Какая же ты сволочь! — не удержалась Айка. — Какого черта тебя понесло на улицу? Тем более, в ночь? По дружкам своим соскучилась?

— Да пусть я лучше сдохну под кустом... — сорванным голосом выкрикнула Таня, — чем снова терпеть это... Вы такие же, как они... И этот Артем... Ненавижу!

— А вот такие — это лучше? Темка — он молодой дурак, пошутить захотел... А вот ты нас подставила, детка. Это — волки?

— Да. — нехотя отозвалась Татьяна.

— Значит так, девочка. Мы идем домой вместе. Это — не обсуждается. Не пойдешь — потащу силой. Не хочу, чтобы из-за тебя Артем мучился до конца жизни. Потом, если захочешь, можешь бежать на все стороны света. Хоть в ад, хоть в рай. Мне все равно. Но Артем для меня, как брат. И калечить жизнь ему твоими выходками я не дам. Это — раз. Второе: ты молчишь о том, что здесь произошло. Мы никого не видели. Шли и падали. Я доступно объясняю? Прежде всего, об этом не должен узнать Степан. Если пикнешь — убью и скормлю собакам.

— Не скормишь и не убьешь. — Невесело рассмеялась Таня. — Прости, пожалуйста. Просто переключило мозги. А за Степу — спасибо.

Таня поднялась и, подойдя к Айке, прихватила ее за талию.

— Руку на шею мне положи. Так быстрее пойдем!

И девушки, выйдя на тропу к убежищу, медленно стали спускаться с холма.

Навстречу им прыгал в чьих-то руках фонарь.

— Степа! — уже уверенно позвала Айка.

— Иду! — откликнулся голос, и фонарь запрыгал быстрее.

И скоро они вдвоем попали в его объятия.

— Что с тобой? — Степка, немного отстранившись, направил луч на Айку. У той, от родного Степкиного запаха, да и после всего пережитого, из глаз хлынули слезы.

— Ты упала? Что с рукой? Почему лицо в крови?

Айка волевым усилием перестала плакать и улыбнулась:

— Да, Степ, выбежала без фонаря, упала. Напоролась губой на железку.

— А ты, Таня, хороша! — продолжал на ходу распекать обеих Степан. — Разве можно из-за дурацких шуточек так себя вести? Ссадина какая на коленке! За вами, девочки, глаз да глаз!

Когда они вернулись домой, Айка долго стояла в душе, смывая с себя не только чужие следы, но и грязь с перепуганной ночной встречей души.

Когда она появилась в комнате, Таня сидела рядом со Степой, слушая его песни.

Едва она вошла, он перестал играть и спросил: — Ты как? Кушать будешь?

Айка медленно покачала головой.

— Что-то ты бледная какая! — взгляделась в нее Надежда.

— Все нормально. — Вымученно улыбнулась Айка. — Просто устала.

— Какую тогда песню спеть, чтобы ты взбодрилась?? — спросил, улыгнувшись ей, Степан.

— Что хочешь. — Она пожала плечами и села отдельно ото всех на стул, обхватив предплечья руками. Такого шока она не испытывала с тех времен, когда узнала, что города больше нет.

— Степ, а дай я что-нибудь спою? — спросил парня Глеб.

Тот нехотя передал гитару. Пока Глеб ее подстраивал, Надя перебралась к нему поближе.

Айка новыми глазами смотрела на Беллиного отца. Неужели он такой же бандит, как и волки? Косарь... Айка нервно передернула плечами.

Глеб, прикрыв глаза, медленно перебирал струны.

— Про что песня-то? — спросил, не поднимая от пазла глаз, Артем.

— Про любовь, юноша. Про что может петь пожилой человек? Только про любовь! — Глеб прокашлялся, обвел глазами всех сидящих в столовой и улыбнулся:

— Милые девушки этого замечательного дома... Песня посвящается вам!

Жил как-то парень у синих морей
С сердцем, как уголь, и даже черней.

Видит, однажды навстречу идет

Та, что вздохнуть не дала...

Ты моя самая нежная.

Как не любил тебя прежде я.

Сколько рассветов прошло мимо нас,

Но я увидел мечту:

Чистую, юную, свежую,

Словно просторы безбрежные!

Нас впереди ждет большой океан

С теплым названием — жизнь...

Парень сказал ей: постой, погоди,

Сердце мое полыхает в груди —

Искрой занялся пустой уголек!

Та, рассмеявшись, ушла...

Ты меня встретишь нечаянно,

Словно столкнулись случайно мы,

Но я тебя все сильнее люблю,

Только не ведаешь ты...

Вижу глаза я вишневые,

Чувства рождаются новые,

Но ты беспечна, спокойна, мила.

Может быть, это игра?

И он теперь, как рассвет подает

Лучик свой первый, с постели встает.
На перекресток идет двух дорог,
Ждет, стукнут как каблучки...
Верить хочу, что когда-нибудь
Сердце откроет тебе свою суть.
И, заглянув мне в глаза, ты вздохнешь:
Как я жила без тебя?
Ты — мой любимый, единственный,
Рыцарь мой нежный, таинственный!
Сколько бок о бок прожили с тобой,
Как же была я слепа!
Верю и жду я по-прежнему,
В сердце с огромной надеждою,
Что подойдешь и однажды шепнешь:
— Я тебя очень люблю!

Прозвучали последние аккорды, и гитара замолчала. Воздух медленно рассеивал затихающий шепот струн.

— Как красиво! — восхищенно произнесла Надя, прислонившая к себе Беллу вместе с медведем.

Кирилл подпер голову рукой, оторвавшись от картинки на столе и рассматривая какую-то одному ему видимую даль. Артем молчал, перебирая кусочки разноцветного картона. Таня сидела вплотную к Степану, жарко дыша ему в шею.

«А ведь Артем не шутил!» — вдруг ясно поняла Айка. — «Он действительно хотел ее поцеловать... Но,» — она посмотрела на мальчишку внимательней, — «никаких признаков чувства у него нет. Неужели она сама его провоцировала?»

Айка задумалась об Артеме и проглядела, как на нее вместе посмотрели Глеб и Степка. А потом — друг на друга.

«Дети уже выросли, и я не знаю, что теперь с ними делать!» — сделала печальный вывод Айка.

Не дождавшись от нее оценки, Глеб сказал:

— Ну, молодежь, как вам песня?

— Спойте еще! — попросила Надя.

— Круто! — заценил Стас.

Наконец, Глеб не вынес Айкиного молчания, и спросил только у нее:

— А тебе, Айше, понравилось?

— Да. Мило. — Айка сузила глаза и, кокетливо улыгнувшись мужчине, расцветшему ответной улыбкой, спросила:

— А кто-нибудь знает, кто такой Косарь?

Глава одиннадцатая. Косарь

Ребята недоуменно посмотрели на нее, а синие глаза Глеба превратились в две холодные ледышки. Он на секунду застыл, внимательно изучая ее лицо с кровоподтеком на губе. Потом механически улыбнулся. Осторожно передав гитару Степану, он сказал, откинувшись на стену:

— Косарь — это мужская ипостась Смерти в восточной мифологии. Аналогично европейскому Жнецу. Когда умирает тело, Косарь появляется рядом и перерубает своей косой серебряную нить жизни, привязывающую душу к этому миру.

Когда начинается война или эпидемии, Смерть наиболее полно собирает свой урожай. Словно косит траву. Каждая из травинок — это человеческая жизнь... — Глеб помолчал.

— Есть замечательная горская баллада про Косаря. Хотите, расскажу?

— Расскажите. — Серьезно кивнул головой Степан.

— Да, папочка, расскажи. А то нашей Айке очень плохо! Она думала о смерти! — зазвенел голосок Беллы.

— Ай?! — посмотрел на нее Степан.

— Все хорошо. Я — вся внимание! — ласково улыбнулась Айка, хотя внутри все дрожало до сих пор.

Глеб еще раз внимательно смерил ее взглядом.

— Итак.

Косарь.

Прошел по дороге пастух молодой,

А рядом — овечек отара гурьбой.

Из пастбищ в горах кочевал в свой аул.

Но вот ненадолго с дороги свернул.

Присел он на камень. Болит голова.

Вскачь мысли несутся, бессвязны слова.

Но надо отару домой довести.

О палку оперся. Поднялся. В пути

Он кашлял, и язвами тело пожгло.

Но вот он увидел родное село:

Там мать и братишки. Отару привел,

Упал у порога и рай свой обрел.

Но в этом селенье никто не видал,

Что вместе с мальчишкой, который упал,

Был рядом мужчина в плаще и с косой,

Изъеденной ржавчиной. Сам же босой.

Глаза, словно звезды, искрятся во тьме,

И белые волосы бьют по спине.

Но вот отлетает ребячья душа.

Мужчина творит свой замах не спеша,

И в душу вонзает косу, словно в плоть...

И сталь засияла, готова колоть

И резать безжалостно души больных,
Умерших в агонии, муках иных.
Чума заходила в дома, а за ней
Косарь в блеске молний. «Водички налей», —
Увидев его, просит старая мать. —
«Сыночку родному хотела подать».
Косарь отступился и снял капюшон.
Он ликом прекрасен, одеждой страшен.
И молвит старухе: — «Ты видишь меня?»
— «Конечно, сыночек. Осталось полдня
Всего мне прожить. Мою душу возьмешь,
Но мне обещай, что водицы нальешь
Сыночку, кровинке, что рядом лежит!»
Мужчина поставил косу. Он дрожит.
Свет ясных, совсем не горячечных глаз,
Исходит от матери. «Да, я сейчас».
Он кружку наполнил водой, пошел к ней:
— «Возьми это матушка. Столько отпей,
Сколь можешь. А после я к сыну пойду.
Слеза материнская лечит беду!»
И мать отхлебнула, а слезы с лица
Упали в водицу. «Испей до конца!» —
Мужчина поднес чашу юноше. В миг
Вскочил тот, хотя был как дряхлый старик.
Косарь взял косу: «Покидаю село,
А вместе со мной и проклятье ушло!»
Он в сердце старухи очами взглянул,
А в нем — неба синь и родимый аул.
Цветы по весне и вершины в снегах.
«Будь счастлива, мать, береги вас Аллах!»
Ушли из селенья чума и беда.
Несчастья, невзгоды обходят всегда
Малюсенький дом. У ручья он один.
Прожили в нем долго и мама, и сын.

— Красивая баллада! — Айка встала со стула. — Однако время позднее. Завтра много работы. Пора спать.

Она подошла к люку:

— Пойду взгляну, заперла ли я дом. Тём, пойдём, поможешь!

Темка встал, бросил пазл в коробку и накрыл крышкой: — Кир, отнеси в кладовку, я — с Айкой!

И под пристальным взглядом Степана и Глеба они вылезли через люк в комнату с верхней одеждой. Артем уже поднял крышку на лестницу вниз, когда Айка сказала:

— Тём, Дом я заперла. Я хотела с тобой поговорить без свидетелей. Присядь.

пожалуйста.

Когда Тёмка присел рядом, сложив перед собой руки, она спросила:

— Тебе Таня что-то предлагала?

— Что? — Вскинул брови Артем.

— Секс. — Слегка покраснев, сказала Айка.

— Нет.

— Тогда скажи мне, дорогой братец кролик, зачем ты к ней полез, если она ничего не предлагала? Ты же знаешь ее историю!

— Потому что дурак. — Честно ответил Артем. — Она такие взгляды на Степку кидает... Крутится вокруг него то одним боком, то другим, улыбается... Короче, даже я вижу, если он скажет, она для него сделает все! И, знаешь, в-общем, злость разобрала на эту шлюху. Степка тебя любит, а эта сука ему при тебе на шею вешается! Ну, и захотелось показать, что я тоже не хуже... ну, и где ее место.

— Больше так не делай и держись от нее подальше. Прошу тебя, Тём. В твоей жизни обязательно будут женщины. Разные. Главное, не разменивайся на таких Тань. Иначе, возможно, твоя любимая пройдет рядом, а ты и не увидишь. Понимаешь?

— Да все я понял!

— Ну, тогда иди. А я посижу немного и подумаю.

— Не замерзнешь? Здесь ветрено.

— Нет, я недолго. И разгони всех спать, время позднее. Завтра — осмотр велосипедов, и подготовка к дороге.

— Спокойной ночи, Ай!

— Спокойной, Тём!

Через какое-то время люк снова отворился, и в отверстие пролез Глеб.

— Не помешаю?

— Нет. Я ждала Вас. Садитесь, в ногах правды нет, а разговор предстоит долгий.

— Я понял. Спрашивай, Аюшка.

Айка проигнорировала ласковое обращение и, дотронувшись пальцем до разбитой губы, посмотрела Глебу в лицо:

— Вы — Косарь?

— Да. — Кивнул он. — Косарев Глеб Анатольевич. Действительно, отец Беллы. Военный инженер. И бывший офицер спецназа. Хотя мы бывшими не бываем.

Он помолчал.

— Я так понимаю, из-за Татьяны ты попала в лапы к волкам. Они отпустили вас обеих при условии, что я приду к ним на встречу. Так?

— Да. Скажите, Глеб Анатольевич, что Вы такого натворили, что Вас просто жаждают видеть эти люди? Вы же с ними встречались раньше. Таня Вас узнала.

— Я заметный. — усмехнулся Глеб. — Косарь.

Он поднял рукой конец косы и помахал перед своим лицом.

— Ты, конечно, этого не знаешь. — Начал он рассказывать. — Но вся бывшая столица поделена на зоны влияния различными группировками, поддерживающими на своих территориях некое подобие законов и порядка, а также собирающими со своих состоятельных жителей определенные налоги. Под их контролем рынки и товары, попадающие на них. Этакое минигосударства в аду. Как правило, лидеры этих группировок достаточно волевые и жесткие люди, могущие собрать вокруг себя боеспособную группу во-

первых, а во-вторых, обеспечить население, живущее на своей территории, самым необходимым: водой и пищей.

— Полагаю, не бесплатно? — усмехнулась Айка.

— Конечно. Чтобы люди не придумывали себе всякие ужасы и не сходили с ума, их надо занять достаточно тяжелой работой. А за это выдавать пайки или карточки, если работает типография. Короче, на каждом участке по-разному.

Глеб наклонил голову и, словно преодолевая внутренний барьер, продолжил:

— Тогда, увидев в своей бывшей квартире скелет с черными волосами и ни малейшего следа ребенка, я буквально сошел с ума. Я бродил ночами по разрушенному городу и убивал насильников, бандитов, сумасшедших... от этого мне становилось легче. — Мужчина потер ладонями лицо и повернулся к Айке, смотря на нее застывшими глазами. — Я хочу, чтобы между нами больше не было тайн и недомолвок. Я такой, какой есть. С тем прошлым и настоящим, что складывает мою жизнь. Ты можешь меня ненавидеть за все, что я расскажу. Ты можешь меня выгнать. Но, прежде чем делать какие-то выводы, я просто прошу выслушать и попробовать понять. Хорошо?

Айка медленно кивнула, не поднимая глаз.

— Ну вот, — продолжил Глеб. — Я прошелся ночной тенью по району Волкова, хорошенько проредив его бойцов, а заодно и местных психов. А потом ушел на юго-восток, в Люблино. Там, собственно говоря, немного пришел в себя, нашел местного старшего и попросился к нему в бойцы. По какому-то мистическому совпадению, старшим оказался мой бывший начальник, подполковник Цветов. Хороший мужик. Честный и грамотный. Район у него работал, как часы. Мы выпили, вспомнили прошлое. Я рассказал ему о настоящем. Он расхохотался: «Так вот о ком складывают по Москве страшные легенды! Ты — Косарь!» Постепенно я стал его правой рукой. Мы разбирали завалы, даже кое-где восстанавливали дома, делая для них водяное отопление от котельных, работающих на соляре. Все шло хорошо, наш район оживал, заработала поликлиника, даже родилось двое детишек.

Потом к нам пришли перепуганные люберецкие и косинские ребята и пригласили на встречу. Местные рассказали, что по окраинам их района видели черные бэтээры и солдат, сидящих на броне. Они обходили район и убивали всех, попадающихся им на пути. Женщин, детей... Мы не поверили. Откуда в зоне поражения регулярные войска? Кто может ими руководить? Да и, в конце концов, зачем понадобилась зачистка практически мертвого города? Мы с Цветовым, другими бойцами из близлежащих районов пошли в Косино, где последний раз видели черные машины. Это когда-то был очень зеленый район. К тому же, в его конце было два больших городских кладбища. Вот туда-то мы и отправились. Где еще можно замаскировать технику, как не там? Мы их нашли. Непонятные эмблемы и люди, говорящие не по-русски... Мы поняли, что в разрушенную страну пришли иностранные мародеры. На следующую ночь, взяв только опытных бойцов, мы зашли на территорию их мирно спящего между гранитными обелисками лагеря, и, пользуясь беспечностью их командира, перерезали всех, кроме одного молодого солдатика. Бэтээры бесшумно вывели из строя, сняв все ценное оборудование. На допросе мальчик рассказал, что их, за большой куш, направили на зачистку бывшей Москвы. Везли в вертолетах. Кто нанял, он не знает, но часть обещанного продовольствия выдали родственникам вперед. Еще он сказал, что взрывы были по всей Европе, и все крупные города уничтожены. Везде голодно и страшно. Сам он — латыш. А город окружен со всех сторон.

Дальше начался непрерывный ад: каждый день на наши кварталы вертолет сбрасывал

автоматчиков, проходящих все мало-мальски пригодные для жилья щели. На улицах снова валялись трупы гражданского населения. По ночам мы искали их базы. Когда находили, забрасывали гранатами, а потом резали всех до единого. Но им привозили пополнение... Мы потеряли Люберцы, Котельники и Дзержинский. Бойцов у нас становилось все меньше, да и боеприпасы не бесконечны... Мы объявили людям, чтобы те уходили на запад и север. Там пока было тихо. Последний бой мы приняли в Марьино. С нашей стороны сражались марьинцы, братеевские и ясневские бойцы. Нас задавили числом. Мы косили их черные ряды, а они лезли, лезли... Скоро рядом со мной ни осталось ни единой живой души, а я стрелял... Потом в меня полетела мина. Помню взрыв. Открываю глаза — ночь. Тишина. Я лежу на каких-то кирпичках лицом вниз. Болит голова. Ничего не помню. Встаю и включаю чудом не разбившийся фонарь, висящий на шее. Веду по кругу лучом — кругом мертвые тела моих товарищей и врагов. Живых нет никого. Думаю, меня не тронули только из-за длинных волос. Увидели косу, посчитали девкой, и не добились контрольным выстрелом...

Я закрыл глаза Цветову и своим ребятам. Они умерли, я был жив. Подумал, раз Судьба не прибрала меня на этот раз, значит, зачем-то я был ей нужен... И я пошел. Через светящиеся изотопами пустыри центра. Через стертые в пыль районы, где не осталось даже подвалов и коммуникаций. Просто оплавленные провалы в никуда. Я не спал несколько суток. Не ел и не пил. Как я вышел в ваш район, уже не помню. Но вы меня нашли и привели к дочери... Спасибо, Айше.

— Почему Вы сразу не сказали, что нам грозит опасность?

— Знаешь, на войне становишься равнодушным циником. Увидев мою Амину... Беллу, как вы ее назвали, я понял, что долго она не проживет. Я хотел похоронить ее и уйти. Я видел слишком много чужих смертей вокруг себя. Поэтому мне было все равно, что будет с вами и этим временным пристанищем. Но Белла оживала на глазах. И я вдруг почувствовал рядом с собой живые юные души, которые очень хотят жить, смеяться... Любить, в конце концов... Знаешь, я в последнее время только и думаю, что нам всем делать. Как избежать этой беды. Айше, ты мне доверяешь? — мужчина осторожно взял ее сжатые кулаки в свои ладони и погладил большими пальцами напряженную смуглую кожу.

Айка высвободила руки и обхватила ими колени.

— Я теперь вообще никому не верю и не знаю, что делать. — Просто сказала она. — Я вдруг поняла, что толком не знаю, что творится в душах этих знакомых с детства мальчиков и девочек. Я думала, Таня окажется благодарной и преданной Дому за свое спасение, а она думает... Не знаю, о чем. О себе, наверное. И теперь волки знают, где мы живем! — Айка вздохнула и спрятала лицо в ладонях.

— Девочка моя... — мужчина сел перед ней на корточки, снизу заглядывая в лицо. — Я не дам обидеть тебя никому. Слышишь, маленькая? Теперь у тебя есть я. Мы справимся вместе. Хорошо?

Айка плотно сомкнула ладони и из-под них по запястьям потекли слезы. Она плакала молча, без всхлипываний, просто застыв в своей большой детской обиде на жестокий окружающий мир.

— Аюшка, перестань. — Глеб встал на колени и попытался отвести ее руки от лица. — Увидишь, мы что-нибудь придумаем! У тебя, в конце концов, есть твой Степан, ты же ему доверяешь?

В этот момент люк распахнулся, и вылезший Степан услышал конец фразы.

— Отойди. — Приказал он Глебу. — Чего тебе от нее надо? Айка, — присел он с другой

стороны, — что этот гад тебе сделал?

Айка отняла руки от заплаканного лица и решительно вытерла слезы.

— Ничего, Степушка. Прощалась с иллюзиями. Иногда это бывает больно. А Глеб обещал нам помочь. Глеб. — Обратилась она к мужчине. — Расскажи Степе, что считаешь нужным. Думаю, на переговоры к волкам нужно идти вам вместе. Мне кажется, они очень напуганы и хотят из первых уст услышать правду. Степан хорошо стреляет. Знает на нашем направлении все ходы и выходы. Поговорите вместе. А я, пожалуй, пойду спать. День был слишком... насыщенным для меня.

Она встала и, открыв люк, скользнула в домашнее тепло.

— Садись, Степан, и слушай внимательно. Это очень серьезно... — донеслось до нее.

Айка подошла к тихо сопящей Белле. На немного округлившись щечках девочки розовел здоровый румянец. Белка за эту неделю выправилась настолько, что спокойно садилась в кроватке сама. Девушка нагнулась ее поцеловать и замерла, не достав губами пару сантиметров до щеки ребенка. Ей вдруг показалось, что между склеившимися веками блеснул живой и яркий глаз.

Немного успокоив бешено колотящееся сердце, Айка нежно дотронулась губами до детской щечки:

— Спи, моя радость, пусть тебе приснятся мамочка и голубое небо! — Айка поправила одеяло и, выключив верхний свет, зашла в спальню. Сняв шорты и рубаху, она перешагнула через лежащую с краю Надежду и опустилась на одеяло.

Надя тут же повернулась к ней и, обняв руками, крепко прижалась:

— Ай, что случилось?

Айка тоже обняла подругу, уткнувшись той в висок.

— Пока не знаю, насколько все серьезно. Не хочу говорить попусту и пугать. Завтра Глеб и Степа пойдут к волкам.

Надя тихонько охнула, прикрыв ладошкой рот.

— Что же это случилось?

— Боюсь, беда, Надь. Давай все разговоры отложим до тех пор, как вернутся мальчики.

— Не бойся! Самое страшное в нашей жизни уже случилось, и мы выжили. Не плачь, у тебя есть я, Степка, Артем с Кириллом. Наши замечательные малыши. Вместе мы — сила! Справимся. — Надя погладила старшую подругу по волосам. — Попробуй заснуть. Ты просто устала и понервничала. Спи.

Надя прижала Айкину голову покрепче. И скоро они уснули, иногда тяжело вздыхая во сне.

Таня лежала с открытыми глазами и думала. И сон никак не хотел к ней идти.

На следующее утро за обеденный стол Степан с Глебом сели плечом к плечу. Айка, разложив кашу, примостилась рядом с Глебом, взяв на колени Беллу. От ее вчерашнего стресса на лице остались небольшие синяки под глазами и покрывшаяся коркой ссадина на губе. Все молча ели густую кашу с макаронами. Первым не выдержал Артем:

— Чем день грядущий беспокоит? Пошлет? Насрет? Иль упокоит? — в ожидании ответа он дурашливо прикрыл один глаз.

— Тебе по лбу он даст не раз, но метить будет в левый глаз! — Облизав ложку, парировал Степан и принялся за компот.

Дождавшись, когда поедят все, даже Полли, Глеб встал и объявил:

— Артем и Кирилл вместе со Стасом идут заниматься осмотром и регулировкой

велосипедов. Кстати, старый тоже надо посмотреть и смазать. Мальчики, очень вас прошу делать это тщательно и без халтуры. Ясно?

Кирилл и Артем, синхронно подняв брови, посмотрели сначала на Айку, а потом — на Степана. Оба согласно кивнули.

— Хорошо. — Ответил Кирилл.

— Айше и Надежда, — продолжил Глеб, — идут в кладовую с продуктовыми запасами и точно подсчитывают, сколько и чего у нас есть. Аналогично — медикаменты. Ай, прошу: список самого необходимого надо приготовить сейчас, чтобы второй раз на рынок не бегать.

Айка согласно кивнула:

— Что приготовить для обмена?

— Ничего. — Усмехнулся Глеб. — Попрошу — подарят. Далее: девочки — с вас еда для нас со Степаном на завтра. Мы с утра уезжаем в деревню. Вдвоем. А остальные — учатся ездить по площадке. Понятно?

— Да. — Кивнули девушки.

— Арсений. — Глеб строго посмотрел на пацана. — На тебе — игры и развлечение наших девочек: Полины и Беллы. Не отходить и не отвлекаться на собственные интересы. Сможешь?

— Это важно? — спросил Арсюха.

— Да. Иначе бы не просил. Кстати, Тема и Кирилл, если на свежем воздухе будет происходить нечто необычное, сразу... подчеркиваю: сразу — домой и запереть все люки. Договорились?

— А вы куда сегодня собрались? — Спросил Кирилл.

— А мы идем в гости. Вернемся, скорее всего, под утро. Если не вернемся завтра, собирайтесь и идите в деревню. Все. Это — приказ.

— Ого! — покрутил головой Артем. — Это серьезная заява. Вы драться?

— Разговаривать.

— Ворона с Лисой говорила — ей перья свои подарила... — задумчиво сказал Артем.

— А также на сдачу — и ливер впридачу. — Закончил Кирилл.

— Думаю, до такого пессимистичного конца дело не дойдет. — Хохотнул Степан.

— Кирюх, а помнишь: В траве сидел кузнечик, зелененький он был? Короче: мы всё поняли и ждем вас непожеванными и с кучей новых идей! Пошли арбайтен, пацан! — Темка хлопнул Стаса по спине.

Девушки быстро убрали посуду и ушли в кладовую. За столом остались Глеб со Степаном, обсуждающие пути отступления, и заодно, перебирающие и смазывающие то, без чего порядочные люди из дома не выходят.

Таня, помаявшись, но никого ни о чем не спросив, ушла в парники. Глеб внимательно посмотрел ей вслед.

В час дня вся ребячья команда собралась в гостиной провожать Глеба и Степана. Девчонки молча сидели на стульях. Арсюха восхищался грозным видом своего друга и защитника Степки. Белочка замерла у Нади на руках, сосредоточенно о чем-то думая.

— Может, на великах поедете? — предложил Артем. — Мы все подготовили. Колесики, как часики!

— Угу. Бандитам понравится. Как на великах прятаться и стрелять? — Кирилл постучал указательным пальцем по Темкиной маковке.

— Зато убежать получится быстро!

— Пуля, Темочка, быстрее!

— Хватит. — Неожиданно громко сказала стоящая в углу Таня.

И, вдруг, устыдившись своего выпада, она крепче вжалась в стенку позади нее.

— Ай, список, — попросил Глеб.

Айка встала и, молча, протянула ему листок бумаги. Он развернул и пробежал по нему глазами. А потом поднял брови и сказал, глядя ей в глаза:

— А где самое главное?

— Что? — недоуменно спросила Айка.

— Ben bekleyesegim. Geri don. (Я буду ждать. Возвращайся. — турец.)

— Sen gel birlikte. — Улыбнулась она. (Возвращайтесь вместе — турец.)

— Это чего сейчас такое было? — покрутил головой Артем. — Вы объясняетесь в любви или материтесь?

— Нечто среднее. — Пожал плечами Глеб. — Смотри с чьей стороны посмотреть.

Внутри Айки снова вскипел восточный темперамент. И она, улыбнувшись озадаченному непонятной речью Степану, подошла ближе и, пока он не начал выяснять перевод, приподнявшись на мыски, поцеловала его в щеку:

— Береги себя, Степушка! — Айка слегка покраснела от вынужденного поцелуя, но все-таки скосила глаз в сторону Глеба.

Он увидел и усмехнулся:

— Kadın. (Женщина — турец.)

— Айка, а это что? — запрыгал Арсюха.

— А это он ругается.

— А ты его тоже поцелуй! — внес предложение Артем.

Девушка рассмеялась:

— Тогда он убежит и не вернется!

— Нет, наоборот, идти не захочет! Кто ж от тебя добровольно отлепится?

— Тема! Сейчас тебе прилетит не только от Кирилла! — Айка сжала кулачок и стукнула им об открытую ладонь.

— Я в домике! — продолжал прикалываться Артем, пока Глеб и Степан застегивали рюкзаки.

Но вот все было собрано и уложено. Айка подошла снова и положила свои теплые ладошки на мужские руки:

— Мы будем ждать. — И, сжав ладони, отошла.

Сопровождаемые напутственными пожеланиями, Глеб, а за ним и Степан, скрылись в люке. В комнате сразу повисла тишина. А через какое-то время до ушей Айки донесся Надеждин шепоток:

— Спаси и сохрани их, Господи!

Минут через двадцать близнецы снова нашли себе дело на улице. Погрозив всем остающимся пальцем:

— Ведите себя прилично! — они тоже нырнули в проходной люк.

Айка встала и, положив руку на плечо сидящей на Белкиной кровати Надежды, сказала:

— Пойдем. Надо наготовить еды на четыре дня.

Надя подняла к ней лицо с повисшей на носу слезинкой:

— Я почему-то так переживаю!

Айка потрепала ей волосы:

— Будешь переживать, когда он начнет тебя целовать. А сейчас не стоит.

— Ты, правда, так считаешь? Я ему нравлюсь?

— Вы все походили с ума. А я — директор дурдома. — Констатировала уходящая на кухню Айка.

Таня отлепилась от стены и, тихо ступая, ушла в заднюю дверь, ведущую в парники.

Глава двенадцатая. Сказка про любовь

Когда все собрались на поздний ужин за столом, говорить не хотелось никому. Все молча съели суп, приготовленный Айкой. Стас помыл посуду. Спать ложиться не пошел никто. Все сидели по углам и чего-то ждали. Надя схватила какую-то ветхую рубаху и, периодически закапывая ее слезами, начала зашивать крошечные дырочки. Таня разбирала шкаф с бельем, перекладывая простыни и наволочки с места на место. Айка не выдержала всеобщего уныния и попросила Артема:

— Ты бы книжку взял, да почитал вслух!

— Да ну их, — отмахнулся Темка, рассеянно ковыряясь в рассыпанном на столе пазле.

— Арсюх, гитару тащи!

Но бледный Арсений, лежащий рядом с Беллой на кровати, страдальчески изломал брови и прошептал:

— Она же Степина!

— Да что ж вы за пессимисты такие! Подумаешь, люди ушли на переговоры. Придут, узнаем, что нового творится на этом свете!

— Ну да, узнать, что на том, мы еще успеем. — Мрачно заметил Темка.

Айка помолчала. Нет, с этой коллективной депрессией необходимо что-то делать. Иначе непоседливые братцы посидя-посидят, да и сбегут на улицу или в коллекторы провести время, а заодно и поискать приключения на свои шевотные головы.

— А давайте, я расскажу вам сказку! — предложила девушка.

Полли отвлеклась от куклы, а Белла с Арсюхой — от хандры.

— Про что сказочка? — поинтересовался Кирилл.

— Про любовь, выросшие мои друзья! — Айка хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание, и начала рассказывать:

— В одном далеком-предалеком королевстве жили-были молодые Король с Королевой. Королевство было не простым, а волшебным. Поэтому населял его различный волшебный народец: гномы, роющие пещеры в алмазных горах; феи, танцующие на лесных полянах при свете полной луны; лешие, кикиморы и даже великаны. Ну, в небольших городках колдовали прекрасные молодые ведьмочки, и наводили порчу старые и злые колдуньи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А зачем они наводили порчу? Это, наверное, плохо, все портить? — спросила Полли.

— Конечно, плохо. Но им было так обидно оттого, что они старые и некрасивые! Поэтому, завидуя тем, кто молод и радуется жизни, они делали разные гадости: то лягушку в чужом молоке утопят, то полосатых жуков на картошку посадят. Ну вот. А однажды по всей стране объявили, что в королевском доме состоится знаменательное событие: у молодой Королевы родится дитя. Конечно, все обрадовались: значит, будет праздник! И всех пригласят в королевский дворец! Феечки заранее сбили всю пыльцу с крылышек, разыскивая для малыша самый чудесный подарок. Гномы отчаянно рыли самую глубокую шахту в поисках самого красивого алмаза. А кикиморы с водяным так переживали, что ко дню рождения клюква не вызреет, что даже уговорили светляков греть ее по ночам!

Барышнями и почтенными матронами доставались висающие в шкафах и пересыпанные нафталином наряды для особо торжественных случаев. Ведьмы чистили свои метлы, а колдуньи — ступы.

— А почему колдуньи летают в ступах? — спросил заслушавшийся Стас.

— Ну, у них спинка болит...

— И задница! — засмеялся Темка. — Попробуй-ка, посиди на палке костлявой ж...й!

Айка сверкнула на него глазами и продолжила:

— И вот наступил долгожданный день. В рассветный час, когда поднимается на небо заспанное солнышко, распускающее розовые лучики по снежно-белым тучкам, легкий ветерок только начинает перебирать зеленые пряди берез, а птички поют радостную песню, у Королевы родилась маленькая дочка. Она была необыкновенно хороша: синие глазки смотрели на прекрасный мир удивленным и радостным взглядом. Короткие белые волосики легким пухом колыхались под теплым летним ветерком, залетевшим во дворец, чтобы специально покачать ее колыбельку. Розовые губки постоянно улыбались.

— Смотри, какая у нас очаровательная дочка! — сказал молодой отец-Король, обнимая жену.

— Вся в тебя, дорогой!

А надо сказать, что, в отличие от Короля, Королева была темноволосой и темноглазой. Но тоже очень красивой. Родители положили малышку между собой на кровать и никак не могли насмотреться на свое дитя.

— Дорогая! — Сказал Король. — Нам надо устроить праздник для сказочного народа. Все должны порадоваться вместе с нами!

— А может, не надо? — сердце молодой мамы кольнула неясная тревога.

— Что ты, милая! Нас не так поймут! Да к тому же, нам наготовили столько подарков!

— Хорошо... — задумалась Королева. — Только тогда я приглашу на вечер своих дорогих тетушек.

— Приглашай, любимая! Ты же знаешь, как я к ним отношусь! — он поцеловал свою жену в висок.

На самом деле, Король несколько покривил душой: тетушек жены он, конечно, любил, но только по переписке. Дамы были экстравагантны, независимы и обо всем имели собственное мнение. К тому же, они были дипломированными специалистами в области магии, оккультизма и богословия. Старшая из них защитила докторскую диссертацию на тему: «Влияние магических процессов на отклонения в субъективной реальности, выраженные воздействием сублимированного пси-луча на овощные культуры, примитивные физические субстанции и недоразвитый мозг половозрелой особи при прохождении темного скопления звездного вещества через кольца Сатурна и одновременных вспышках на Солнце».

— Чего?! — одновременно сказали братья.

— Это я про Золушку. — Скромно ответила Айка.

— Ну, ты загнула, однако... — почесал бровь Темка. — Ты мне запиши потом!

— Кого пугать собрался?

— Он не пугать, он на перспективу... девушек поражать! — Засмеялся Кирилл.

— Ага, — ввернул Арсюха, — так поразятся, что поубегают, еще до конца не дослушав...

— Не надоело? — Айка оглядела ребят. — Слушайте дальше.

— И подготовка к празднику началась. На кухню пригласили готовить закуски самых толстых поваров сказочной страны. Ведь всем известно, что самые искусные повара — это толстяки. Им так нравится то, что они готовят, что в процессе они могут съесть даже

половину от целого созданного блюда. Феечки взяли на себя украшение дворца, а болотные огоньки со светляками — королевского парка. Но самым замечательным был оркестр. Самые знаменитые музыканты прошлого почли за честь принять участие в торжестве. Конечно, они уже давно умерли, но как привидения они были выше всяческих похвал, ведь их навыки остались с ними и после смерти!

Прошла целая неделя идущих полным ходом приготовлений. Ведьмочки потратили целую цистерну розовых чернил, подписывая приглашения и рисуя на бумаге розочки. Гномы уложили крепким поделочным камнем землю вокруг дворца. А юные дриады вырастили тысячу розовых кустов на клумбах и на опушке леса. И последним, завершающим аккордом, был прилет целого клана дружественных черных драконов из-за Изумрудных Гор. Так что любители фейерверков могли занимать места на смотровой поляне уже с вечера.

Сбор гостей назначили к восемнадцати часам. И, буквально, в течение часа, парковка за каретным сараем заполнилась разнообразными метлами, ступами, коробочками, сапогами-сороходами и даже печами на колесном и гусеничном ходу. Один Емеля-мастер пришвартовал свою печь у пристани, так как жил он недалеко от Малых Вежей, а там в ходу как-то больше были подводные крылья. Драконы же просили выделить им специальную взлетно-посадочную полосу и огородить ее, так сказать, во избежание. А то мало ли какой Ваня после чарки в гостинной на диване захочет показать Кикиморке чудеса на виражах? Одна вздорная Лягушонка №3 даже умудрилась поссориться с Бабкой Ёжкой — Складной Ножкой из-за слишком близкого приземления ступы с форсированным движком рядом с ее коробочкой со стразиками Буровски на кузове. Но доблестные стражи порядка — лесовики быстро разрулили недоразумение, пообещав скандалисткам отправить средства передвижения на штрафстоянку за Кудыкину гору.

И вот всех прибывших пригласили во дворец. Привидения дружно грянули марш Шопена. Феечки в ужасе замахали крылышками, пытаясь втолковать дирижеру, что последний путь для них уже давно закончился, а сейчас в волшебном королевстве все дружно встречают новую жизнь. Тот согласно махнул прозрачной палочкой, и изо всех окон полилась светлая мелодия вальса.

Гости постепенно рассаживались к столу, с интересом поглядывая на пустые пока королевские места и маленькую колыбель между ними. Конечно же, разглядывали и праздничное убранство.

Феечки, готовя дворец, постарались вовсю: в залитом вечерним солнцем обеденном зале в воздухе летали тысячи свечей. Только, как следует, к ним приглядевшись, можно было увидеть, что это порхают яркие светляки. Вытянув тельце и поджав лапки, они опустили мордочки вниз, выставив кверху светящиеся с тылу фонарики. Сверху падали разноцветные блестки, придавая дополнительный шик всему интерьеру. Недолетая до столов, они медленно растворялись, на прощание дзинькнув хрустальной нотой.

Когда все гости расселись, оркестр заиграл государственный гимн. Большие двери внутренних покоев открылись и из них вышли Король и Королева в нарядных платьях. Они крепко держались за руки. А сзади полная кормилица в белой накрахмаленной одежде несла завернутого в кружева младенца.

Государи подошли к своим тронам. И, останавливая кивком головы музыку, Его Величество, улыбнувшись подданным, объявил:

— Мой волшебный народ! Мы сегодня собрали вас здесь, чтобы все могли порадоваться рождению принцессы Волшебной страны, нашей маленькой дочери Анжелины.

С этими словами молодой отец наклонился к малышке и поднял ее над собой:

— Смотрите! Это ваша будущая Королева! Виват, Анджелин!

Волшебный народ встал и в едином порыве закричал: «Виват!»

На большой хрустальной люстре задрезжали подвески, а голуби, сидевшие в открытых окнах, в ужасе вспорхнули на ближайшие ветки. Лишь маленькая принцесса совсем не испугалась и широко раскрытыми синими глазенками смотрела на подданных. А потом широко улыбнулась беззубым ротиком. Это вызвало новый прилив энтузиазма у гостей, которые еще три раза кричали «Виват!», а драконы от полноты чувств выдыхали в окошки выхлопные газы с небольшими пламенными факелами. Сидевшая недалеко от них особо нервная дамочка пробовала возмутиться по поводу загрязнения окружающей среды двуокисью серы, но ее быстро утихомирил сидящий рядом фавн, заткнув рот долгим поцелуем.

И начался пир. Как же все ели и пили за здоровье и счастье малышки! Даже привидения оркестра, соблазнившись деликатесами, пытались пропихнуть внутрь своих прозрачных фигур хоть одну плюшку.

И в то же время началось торжественное вручение подарков. Представители каждого сословия или любой гражданин страны мог подойти и положить на специальный стол свой дар. А взамен получить из белых ручек Королевы золотой бокал с рубиновым вином, по крепости не уступающим ну, почти спирту. Поэтому несколько нестойких кикиморок лесовики уже сложили в уголочке, чтобы их ноги не мешали подходить к столу другим.

Гномы, как и обещали, вырыли-таки свой огромный алмаз. Но им так стало жалко его отдавать, что подумав несколько дней, они заменили его на огромный сапфир. Он лежал в их сокровищнице давно. Об него спотыкались и мозолили глаза. Поэтому его решено было подарить. Но когда его на белой атласной подушечке положили на стол, сердца некоторых представителей этого мужественного племени не выдерживали, и скупые слезы стекали по их морщинистым щекам, а горе от потери сдавливало грудь.

Феечки подарили малышке кучу разноцветных нарядов и волшебную пыльцу со своих крылышек:

— Захочет полетать, бросит в воздух...

— И поминай, как звали... — пробурчал вечно недовольный леший, — а потом явится с ребеночком: простите мама, папа, была не права!

От клана ведьм ей преподнесли эксклюзивную метлу Мечта-25! Автоматическая коробка передач, форсированный гоночный движок, кожаное ортопедическое седло и подушка безопасности. Правда, для скоростных полетов ее надо было заправлять слезами девственниц... «Да где ж такое дорогое топливо достать?» — удивился Король. — «В нашем королевстве этого отродясь не бывало!» Но, поговорив с механиком, выяснилось, что на родниковой воде она тоже летает неплохо.

Лягушонки насчет коробочек пожадничали. Да и зачем маленькой принцессе столько катающее-летающих предметов? Пусть ногами ходить учится! Но зато преподнесли чудесное платье, надев которое, можно помахать рукавами и получить пруд с лебедями. Но если махнуть слишком резко, то наружу вылетали кости и холодная вода. «Инструкция прилагается. Читайте внимательно!» — одарила Короля обворожительной улыбкой Царевна — Лягушка N37.

«На нерест скоро?» — вежливо поинтересовался Король.

«Ох, повывелись нынче Иваны-дураки. Уже с начала разговора деньги за

оплодотворение требуют...» — посетовала Лягушка.

«Так ты не давай!» — нахмурился Государь.

«А хочется...»

Кикиморы все-таки вывели скороспелый сорт клюквы, и притащили от всей души целую корзину. Улыбаясь, водрузили на стол. У Королевы при виде кислятины свело скулы, и она поспешила заесть это впечатление воздушно — кремовым тортом.

А драконы приняли малышку в свою семью.

«Что это значит?» — спросил Король.

«Когда она вырастет, то сможет летать без всяких приспособлений! Ей даже будут покорны звездные дороги!»

И каждый из даривших желал малышке красоты, долгих лет жизни, ума, здоровья, доброты и яркого светлого неба.

И вот, когда вручение подарков и пир близились к концу, прямо в воздухе открылась дыра, и сквозь нее вышли в зал три женщины. Старшая была высокой, худой и с седыми волосами, подколотыми в пучок. На носу — круглые очки, а под ними — острые, умные глаза. Одета она была в женский брючный костюм из замши светло-песочного цвета и сапоги для верховой езды. Под одним из каблуков топорщился соломинками кусок навоза. Вторая была пухлой дамой средних лет с круглым лицом, добрыми голубыми глазами и короткой мальчишеской стрижкой. Носила она миленькое обтягивающее платьице розового цвета длиной по щиколотку. Один из молодых фавнов, увидев ее полные икры, уважительно засвистел. Она помахала ему ручкой. Третья была самой молодой и легкомысленной. Видимо, портал ее затянул прямо с пляжа, поскольку на аппетитное золотистое тело был нацеплен узенький купальник, сотворенный по принципу: веревочка там, веревочка сям. А сверху это великолепие слегка прикрывал прозрачный халатик.

Королева вскочила с места:

— Тетушки! Как я вам рада! — она обняла каждую по очереди и попросила: — Вы уж оденьтесь поконсервативней, пожалуйста! А то фавны весь паркет слюной закапают!

Старшая осмотрела младших и покачала головой: — Ох, молодежь!

И в мгновение ока все трое были наряжены в пышные бальные платья. По рядам копытных пронесся разочарованный гул.

— Знаешь, племянница, мы тоже запаслись подарками для этой милой девочки! — сказала старшая, наклонившись над колыбелькой.

— Мы с мужем так счастливы, что вы нашли секундочку в вечности, для того, чтобы к нам заглянуть! — щебетала довольная Королева.

Старшая тетка взглянула на мужа поверх очков: — Что-то особенной радости в душе этого типа я не вижу. Сидит, как на ежовых иголках, и думает о том, когда же мы, наконец, уберемся обратно.

— Что, никак нам Золушку не можешь забыть? — На него сочувственно смотрела вторая тетка.

Король поднял глаза кверху. Нет, он на самом деле был очень рад, что так вовремя завернувшие на огонек из-за разыгравшейся бури тетки освободили малолетнего оболтуса королевской фамилии от невесты, ковыряющей в носу при гостях, и рассказывающей всем похабные анекдоты. А как она готовила... Не удивительно, что ее мачеха, человек добрейшей души, страдала язвой желудка, а дочери от первого брака никак не могли найти женихов из-за самопроизвольного токсичного выхлопа пищеварительной системы в самые

неподходящие для этого моменты.

Король посмотрел на жену. Зато теперь он так счастлив!

— То-то же! — подняла палец вверх старшая тетка. — Итак. Девочка Анджелина.

Тетя задумчиво протерла очки.

— Я желаю этой крошке быть любимой. Уметь любить. Быть здоровой и красивой. Не теряться в трудных жизненных ситуациях. Уважать старших и помогать нуждающимся в помощи. — Над головкой маленького ребенка засияла звездочка и, как только тетка закончила говорить, она с тихим хлопком взорвалась, рассыпавшись на тысячи блесточек, упавших в колыбельку и там растаявших. Старшая тетка удовлетворенно кивнула головой и отошла, уступая место второй сестре.

Та обошла колыбельку малышки, подняла ее крохотную ручку и посмотрела на ладошку.

— Ну что я могу сказать? Предстоят тебе, детка, испытания. Поэтому я желаю, чтобы ты их выдержала с честью и не сломалась! — Вторая звездочка с тихим шипением погасла, рассыпавшись искорками.

Все теперь посмотрели на третью, самую молодую тетушку. Но та, загадочно повела плечиком и изрекла:

— А я салатика бы поела... — и дивными очами обвела толпу гостей, жадно ловящих каждое слово.

И тотчас перед ней столпились лешие, гномы, фавны и даже один дракон с салатными тарелочками. Тетушка, томно вздохнув, понюхала салатик, взятый из драконьей лапы.

— Спасибо, дорогие мои, но после шести я не кушаю. Диета. — И, просунув руку под драконью лапу, она пошла в танцевальный зал.

Скоро туда же потянулись и остальные гости. Кормилица и молодая Королева с Анджелин ушли в опочивальню, но бал только разгорался и набирал обороты. Под забойную музыку духов фавны вертели молоденьких ведьмочек и кикиморок, обещая безумную ночь в свете полной луны и вечную любовь. Когда одна феечка наивно поинтересовалась: «а нельзя ли наоборот?», фавны дружно топнули копытами и больше не приглашали ее на танец. Те, кто постарше и посolidней, крутили лягушонок и бабок Ёжек. Правда, костяные ноги постоянно путались и не успевали за музыкой, из-за чего то тут, то там образовывались завалы, но крепкие лесовики шустро растаскивали запутавшихся гостей, снова устанавливая их в ряд. Тетушки кокетничали с драконами, которых, оказывается, хорошо знали. И ради такого случая, чтобы не заставлять дам поднимать вверх головы, драконы превратились в очень милых молодых людей. И были тут же атакованы Лягушками в период нереста.

Короче, все было прекрасно! Шампанское из гнилушек лилось рекой. Роллы из свежайшей рыбы еще шевелились, пытаясь запрыгнуть в рот всякому, кто к ним приближался. Копченая свининка периодически подхрюкивала и взвизгивала, если кто-то в порыве танца засовывал кусок себе в зубы. Мухоморовка, купленная специально для бала у Бабы Яги Захребетной, оптовой поставщицы двора, качественно валила с ног не только легконогих феечек и дриад, но и сделанных из прочнейшего материала гномов.

Постепенно Ночь уступала небесный свод своему сводному брату Дню, выгоняющему еще не проснувшееся Солнышко на воздушные пастбища. Потихоньку заалел восток. Призрачные музыканты истончались все больше и больше. А некоторые уже пропали совсем. Темная материя не любит светлый день, и под его воздействием развоплощается. Утомленные гости вышли на широкий двор посмотреть фейерверки, обещанные драконами. Они сели на травку и черные ящеры начали свое представление: они зажигали тысячи

разноцветных звезд, вплетая в их узор ленты и миллионы бабочек, осыпаящих с крылышек пыльцу. На глазах публики возникали и умирали солнца и планеты, гибнущие в вихрящемся смерче жестокого и всепоглощающего огня. Распускались цветы и текли реки, по которым плыли разноцветные лодки, катающие влюбленные парочки. А вот русалка машет длинным белым шарфом далекому кораблю...

Даже Королева с маленькой дочерью вышла посмотреть на это представление. Солнышко едва-едва вытянуло свои теплые лучи из-за Изумрудных гор. Потихонечку гасли обессиленные светляки...

Но вот, откуда ни возмись, поднялся холодный ветер и по чистому небу полетели черные тучи, высыпаящие из своего темно-фиолетового подбрюшья град и холодный снег. Все удивленно посмотрели вокруг: только что цвело во всей красе лето, а тут за пять минут — уже зима... Испуганные гости повскакивали с мест и поспешили во дворец. Но тут, прямо на беломраморном крыльце, появился черный человек. Он молча стоял, скрестив на груди руки, а глубокий капюшон его балахона укрывал лицо.

— Ты кто такой? — Вскричал молодой Король. — Что тебе надо? Мы тебя не приглашали! Ты испортил нам праздник.

Человек обернулся к Королю и вытянул указательный палец.

— Вот! Ключевое слово — не приглашали! И я спрашиваю, почему? — человек в черном балахоне стянул с головы капюшон и все увидели бледное вытянутое лицо, длинный узкий нос, светло-голубые ледяные глаза под белыми бровями. Волосы цвета инея были заплетены в сложную косу.

— Вьюговей! — прошептала Бабка-Ёжка, стоящая неподалеку.

И тут же все гости опустили глаза. Нельзя смотреть в очи Вьюговея. Заморозит одним взглядом!

— Мы забыли... — прошептал Король.

— Вот! Поэтому я очень обижен. И моя обида так велика, что я хочу наказать всю Сказочную страну!

— Нет! — дружно прошелестело по рядам.

— О, да! — мужчина подошел к прекрасной Королеве. — Какое красивое дитя! Я забираю девочку себе. У нее будет чистая, непорочная красота и ледяное сердце! Это мой для нее подарок!

Бедная Королева прижала ребенка к своей груди, и слезы брызнули из глаз:

— Нет!

Но Вьюговей уже выдернул ребенка из рук матери. От его прикосновения по ее нежной коже пошел морозный узор. Скоро он дошел до ее щеки и замерзшая слеза заблистала безупречной серебряной гранью.

— Дорогая! Анджелин! — вырвался крик из груди отца. Он дотронулся рукой до щеки жены, и тут же ледяной холод сковал его члены.

В это время, смеясь, из дворцовых дверей вышли тетушки и два дракона.

— Упс. Вот так поворот! — Сказала средняя.

— Нам здесь уже не рады. — Открыла портал первая.

А третья, перед тем, как туда нырнуть, скороговоркой крикнула:

— Я желаю, чтобы у Анджелин всегда было горячее сердце! — звездочка над головой ребенка погасла с тихим шепотом, а портал мгновенно схлопнулся.

Вьюговей осмотрел холодным взором склоненные головы жителей волшебного

Королевства. И засмеялся:

— Глупцы! Вы думаете, мне надо смотреть в Ваши глаза? — И он дунул сразу во все стороны.

Деревья, трава, люди и нелюди — все покрывались ледяной коркой, а солнце так и не встало из-за гор.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Вьюговей и исчез в морозном воздухе вместе с девочкой.

— Айка! — прошептала в повисшей тишине Белка. — Ты рассказываешь какую-то очень страшную сказку!

— Ты боишься, глупышка? — Айка подсела к Белле. Причем, с другой стороны ее придавили Полинка и Арсюха. — Может, тогда хватит? И пойдём спать?

— Нет! — резко сказала Белла. — Папе и Степе сейчас тяжело. А мы — дома. И, чтобы им было не страшно в ночном городе, мы тоже не будем спать! Мы их обязательно дождемся! Правда, Тем, Кирюх, Надь, Полин, Арсюх?

— Я тоже согласна ждать. — Прошелестела от угла Таня.

— Тогда давай, Айка, жги дальше! Эта сказочка будет покруче Дикого Запада!

Айка отпила воды, протерла глаза и продолжила.

Глава тринадцатая. Сказка про любовь.

Продолжение

— Далеко отсюда, и от Сказочной страны, в Тридесятом государстве, на островном берегу теплого прозрачного моря, стояла белая роскошная вилла. Легкий ветерок гнал по голубому небу перистые облака, а соленая волна ласково лизала прибрежный песок и причал с пришвартованной около него яхтой.

Матрос опустил корабельные сходни, и по ним на пирс выбежала молодая красивая девушка. Глазами, синими, словно морская даль, она с удовольствием посмотрела на притихшую виллу и, откинув назад золотые волосы, громко закричала:

— Хьюго! Я приехала!

Она со смехом раскинула в стороны руки, уже покрытые золотистым загаром и повернулась вокруг себя на пятке.

— Как же здорово! — сообщила она пальмам и вездесущим чайкам. — Хьюго! Я иду к тебе!

И, соскочив с причала, она побежала по выложенной белым камнем дорожке к дому. Как только легкие шаги простучали по ступеням террасы, стеклянная дверь виллы распахнулась, и навстречу ей вышел высокий молодой мужчина с голубыми холодными глазами и длинными белыми волосами, завязанными в хвост.

— Хьюго! — девушка расставила руки и, оттолкнувшись от пола, прыгнула мужчине на шею. Он сомкнул свои руки на ее талии, крепко прижимая к себе. Ледяные глаза заискрились, а губы тронула улыбка:

— Лиин! — Он прижался щекой к ее золотым волосам. — Как ты выросла!

— А я так по тебе скучала! Ты почему ко мне не заезжал последние полгода? Что за глупые отговорки: бизнес, переговоры? Ты, наверное, просто не хотел меня видеть!

Девушка отлепилась от его груди и, глядя на него исподлобья, надула губки.

— Ну, Лиин! Маленькая моя, — мужчина опустил перед ней на колени, держа ее за руки. — Я очень-очень скучал! Я все время о тебе думал! Это ты в своем университете обо мне постоянно забывала: то у тебя Боб, то Кейл, а то и целая рок-группа!

— Хьюго! — девушка топнула ножкой. — Ты чего, ревнуешь? Между прочим, кроме учебы, я еще пою в этой группе и занимаюсь горными лыжами и альпинизмом! И вообще, я приехала к тебе на каникулы, а ты меня в чем-то упрекаешь. Мне уехать?

— Нет-нет! Идем в дом!

Лиин, непоседливая, как солнечный зайчик, влетела в дом вперед хозяина и остановилась, глядя вокруг восхищенными глазами:

— Хью, ты сделал панорамные окна на запад? Как круто! И белый теплый ковер! Как здорово!

— Пойдем, я покажу твою комнату! — Мужчина в белой одежде поставил ногу на ступень лестницы, ведущей наверх.

Девушка, погладив коврик в гостиной, побежала за ним. Догнав на лестнице, схватила его за руку и, заглянув в лицо, спросила:

— А как дела у твоей невесты? Ты ни разу за полгода ничего не сказал и не написал о свадьбе!

— Мы пока не пришли к полной договоренности о слиянии корпораций.

— А причем тут свадьба? — Удивилась Лиин. — Ты же женишься не на акциях и не на счетах в банке!

— Глупышка! — Хьюго потрепал девушку по макушке. — Ты все такая же наивная и романтичная глупышка. Конечно, на деньгах. А женщина — всего лишь дополнительный бонус.

— Ты ледяной болван, Хью! — она подпрыгнула и снова зацепилась за его шею: — Но я тебя все равно люблю, айсберг ты мой бестолковый! Вот спрашивается, в кого у меня такой братец уродился?

— Смотри! — Хьюго протянул руку и повернул серебряную ручку на белой двери. Та открылась, показывая внутренность полукруглой комнаты с высокими арочными окнами, стекло в которых меняло цвет в зависимости от интенсивности освещения, с белым диваном, вытянутом по всей длине стены, теплым песочным ковром на полу и большим телевизором на стене. А справа, в нише, пряталась еще одна дверь, ведущая в спальню.

— Льдинка моя, ты — чудо! Я так хотела такой диванчик!

Девушка влетела в комнату и прыгнула на диван коленями, поставив локти на подоконник.

— Хью, какое же красивое у нас море!

— Ты еще можешь менять окраску стекол, делая тон более холодным или теплым. — Мужчина повернул выключатель рядом с диваном, и светло-коричневые стекла стали цвета сухого асфальта. А потом — цвета морской волны.

— Хью! — Засмеялась довольная Лиин. — Ты меня балуешь!

— Посмотри здесь! — он открыл дверь спальни.

Белые стены, темно-синие роликовые шторы на окнах и такого же цвета покрывало на большой круглой кровати. На снежно-белом паркете — маленький синий прикроватный коврик. И только на тумбочке в прозрачной вазе стояли нежно-розовые, в каплях воды, розы.

— Вау, Хью! — девушка приложила к заалевшим щекам ладошки. — Это — потрясающе! А розы! Хью, ты летал за ними на вертолете? Для меня?

Хьюго подошел к ней сзади и положил на ее плечи прохладные ладони.

— Я готов сделать для тебя все, лишь бы ты была счастлива! — тихо сказал он.

Лиин резко развернулась к нему лицом, заглядывая в голубые глаза:

— А помнишь, как в детстве ты кричал: «Уберите от меня эту приставучую малявку!»

Хьюго улыбнулся и заправил за маленькое ушко непослушный золотой локон:

— Ты лезла любопытным носиком во все щели. А я тогда был в лаборатории, делал опыты. Я тогда чуть не убил тебя, малыш! — При этом воспоминании плечи Хьюго передернулись. И он осторожно притянул девушку к себе, с силой прижимая ее головку к своему сердцу.

Но она была словно солнечная капелька, и стоять спокойно долго не могла.

— Хью, идем на море! Давай поплаваем под парусом на досках! — она выкрутилась из его объятий и сбежала по лестнице вниз.

— Томас, зайка, тащи мой багаж, да пошевеливайся! — уже смеялась вместе с кем-то она.

Хьюго выглянул из окна. Молодой матрос, улыбаясь Лиин, двумя руками вез ее чемоданы. Мужчину охватило ледяное бешенство. Хвост на затылке распустился, и волосы покрылись искристым инеем. От пальцев, сжимавших спинку стула, разливался студеный мороз.

— Ставь их здесь и возвращайся! — приказала Лиин.

— А внести... — заикнулся матросик, очарованный солнечной улыбкой молодой госпожи.

— Нет. — Улыбка с пухлых розовых губок сразу пропала, превращая очаровательную девчонку в высокомерную госпожу. — Спасибо.

Парень мгновенно вспотел: «Вот дурак. Забыл, с кем разговариваю!»

— Да, мэ. — Он поставил чемоданы, развернулся и ушел.

— Хью! — закричала девчонка. — Ты где? Возьми мой багаж!

Когда Лиин зашла в холл виллы, то на полу, рядом со стулом, увидела мокрое пятно. Мокрыми были и волосы брата.

— Ты чего, жарко стало? — она с сочувствием заглянула в его серебристые, еще не отошедшие от мороза глаза. — Ты хорошо себя чувствуешь?

Она взяла его за холодную руку и погладила:

— Может, тебе полежать? Ты не бойся, я и одна покатаюсь!

— Дурочка! Разве я тебя отпущу одну? — Он подхватил чемоданы. — Идем, переоденешься.

Он стоял на террасе в майке и шортах. К его белой коже совсем не приставал южный загар. Глядя на зеленовато-голубое море, он терпеливо ждал ее, чудо всей его жизни, золотоволосую Лиин.

И вот она выскочила из дверей в коротких шортиках и малюсеньком топике. Он молча залюбовался. Какой же красавицей она стала! Синие глазищи, как звезды, сияют под темными ресницами и бровями, яркие блестящие волосы развеваются в порывах теплого тропического ветра. Прямой носик с очаровательными веснушками и пухлые розовые губы. Складненькая фигурка, сильные ноги... Он мог стоять и смотреть на нее целую вечность. Она рассмеялась, и этот звонкий смех дрожью отозвался в его холодной душе, равнодушной ко всем людским радостям и горестям. Но там, в глубине морозных стен, у сердечного алтаря, горел постепенно захвативший всю его сущность яркий огонь, который он не мог, да и не хотел гасить. И который звался Лиин.

Девушка махнула рукой и побежала к небольшому лодочному домику рядом с причалом:

— Хьюго! Да поторопись же ты!

Хозяин всего этого великолепия подошел к домику и вынес два серфа, мачты и паруса. Пока он собирал конструкции, девушка прыгала вокруг него, рассказывая истории из университетской жизни. И, смеясь над действующими лицами и самой собой, иногда попадающей впросак, она не замечала, как покрывались инеем пальцы Хьюго.

А вскоре в океане уже мелькали два паруса: оранжевый Лиин и белый ее брата.

— А горячая штучка наша хозяйка! — сказал молодой матрос штурману яхты, стоящей у причала. Тот внимательно следил в бинокль за парусами. Вдруг понадобится идти спасать? Мужчина на секунду отклеился от оптики и снисходительно посмотрел на салагу.

— Ты в ту сторону даже не смотри! Иначе ее белобрысый братец выгонит тебя с волчьим билетом. А его концерт, меду прочим, полмира оплел своими сетями. Так что будешь бомжевать на помойке и проклинать тот час, когда решился заигрывать с сестрой хозяина.

— Все так серьезно?

— Да. Он так над ней трясется! Наверно, хочет выдать замуж девочкой в нефтяные

эмираты, не иначе!

Матрос захохотал, а штурман продолжил наблюдение.

Вечером брат с сестрой вместе на песчаном берегу смотрели закат.

— Как же здесь красиво! — тихо говорила Лиин. — Шепот волн и небо! А ночью — огромные звезды. Млечный путь. Скажи, — она повернула голову, чтобы видеть глаза брата, к плечу которого привалилась ее головка. — А по Млечному пути можно гулять? Знаешь, мне кажется, можно! Там так чудесно!

Она поднялась и, подойдя к кромке воды, протянула руки к небу:

— Мне кажется, еще чуть-чуть, и я шагну к этим облакам, протяну ладонь к звездам и закружусь в вечных спиралях Галактик!

— Нет! — Хьюго подскочил к ней, развернул к себе, прижимая ее лицо к груди. — Не уходи, прошу! Я не могу тебя потерять! Твой бестолковый брат просто умрет без твоего смеха и твоих теплых рук.

Он схватил ее ладошки и поцеловал их по очереди.

— Хью! Ты чего? — Изумилась девушка, увидев в его глазах блеснувшие слезинки. — Ну куда же я от тебя денусь? Я просто так, помечтала!

Она усадила Хьюго на теплый белый песок и устроилась на его коленях, обняв за шею.

— Просто, когда выбираешься из зимы в лето, в голову лезут всякие глупые мысли!

— Я не спросил, как ты сдала экзамены за полугодие. — перевел разговор Хьюго.

— Все отлично. — Махнула она рукой. — Химию, из-за тебя, между прочим, я с детства люблю. А остальное — легкотня. Почти все сдала досрочно! Поэтому и приехала так рано. Кстати, — она поводила пальчиком по его груди в вырезе свободной рубахи, — времени до начала учебы у меня много и я бы хотела...

— Тебя отвезти еще куда-нибудь?

— Нет, Хью, не обижайся, но мы с ребятами с потока договорились покататься недельку на лыжах в Альпах. Елки, снег блестит... Маленькое шале с камином и лыжи! Хью!!!

Молодой человек ссадил ее на песок, молча встал и ушел.

— Дурак! — закричала она ему вслед. А потом, в сердцах попинав песок, сняла платье и нагишом вошла в воду, протянувшую к ней от уходящего Солнца золотую дорожку. И поплыла на закат.

Хьюго, тем временем, стоял у окна, кусая согнутый указательный палец, и смотрел на тоненькую девичью фигурку в солнечных лучах.

«Она начала чувствовать свою силу. Пока только чувствовать. Смутно, на грани сна и яви. Но что будет, когда однажды она ступит на лунную дорогу и пойдет по ней вверх? Она ко мне ни за что не вернется!» — Он упал на диван, сжимая занывшие виски. Глухой стон вырвался из плотно сжатых губ. Потом он вскочил, стряхивая иней с кончиков пальцев, и подошел к бару. Нашел виски, налил стакан и залпом выпил. Постоял. Волосы потихоньку перестали искриться, а ледяная дорожка, проступившая на паркете, растаяла. Он вышел на пирс и позвал:

— Лиин! Возвращайся! Не то превратишься в русалку!

Но мерно вздыхающее море было спокойно. А последний солнечный луч погас у горизонта.

— Лиин! Мы полетим танцевать в лучший отель Абу-Даби!

— Ага! — Мокрые и холодные руки обхватили его талию. — Ты — самый любимый мой братик!

Он развернулся и прижал к себе мокрое, в прилипшем платье, тело. И только выдохнул: — Лиин...

— Сэр, — издалека крикнул капитан яхты, — нам собираться?

— Нет, Дик, отдыхайте, мы полетим.

Лиин опять запрыгала рядом:

— А ты порулить дашь?

— А ты оденешь синее платье с сапфировым браслетом, что я подарил тебе к Рождеству?

— Одену, Хьюго. Я даже туфли под него купила: черные с синими стразиками. Блеск!

— Тогда одевайся, позвоню, закажу столик.

Хьюго ждал ее в холле, одетый в свободные брюки и серую рубашу с серыми же замшевыми туфлями. Нет, девушки, конечно, любят наряжаться, но чтобы потратить сорок минут на натягивание платья... Он прошел по белоснежному ковру к панорамному окну, за которым в бархате ночи мерцали разноцветные звезды. Открыл крышку рояля. Легко перебирая длинными пальцами, он заиграл ноктюрн Шопена, уносясь мыслями в прекрасное прошлое, когда малышка Лиин все время была с ним. И не услышал, как стройные девичьи ноги сбежали по лестнице вниз. Туфли были поставлены на ступень. Лиин тихонько подошла к играющему брату. Хоть ее и учили музыке, но ей по душе больше были гонки, скачки, лыжи, то есть, все то, что требует движения. Но брат играл божественно. Она тихонько встала в сторонке и слушала, как звонкими струнами рояля с ней в тишине тропической ночи разговаривает Любовь.

Когда он закончил играть и обернулся, то увидел светлое, в ночной комнате, лицо и блестящую дорожку из слез, текущих по щекам.

— Лиин! Почему ты плачешь? Тебе больно? Плохо? — Он с волнением глядел в синие глаза.

Она хлюпнула носом:

— А я браслет твой надела! — девушка вытянула тонкую руку вперед. — И платье. Дай салфетку, пожалуйста. А косметика, она — водостойкая. Слезами ее не размочишь, — затараторила она. — Полетели. Сегодня я хочу видеть искусственные звезды!

По каменной дорожке они дошли до ангара. Хью открыл дверь и включил свет, пропуская Лиин внутрь. При ярком освещении ее волосы, серьги, платье и туфли вспыхнули, окружив тоненькую фигурку призрачным сиянием.

— Лиин! — позвал Хью. — Посмотри на меня!

Девушка обернулась, улыбаясь брату.

— Какая ты красивая!

— Я тоже тебя люблю. — Легкомысленно сказала Лиин. — На чем полетим?

Она оглядела ангар.

— А где мой любимый Falcon?

— Лиин, он слишком тяжелый для песка. Да и разбег у него... Выбирай: Cessna SE, но до аэропорта, а там — на машине, либо италяночка Agusta, — он показал рукой на небольшой вертолет, — но зато сможем сесть на крышу отеля!

Девушка захлопала в ладоши:

— Вертолетик!

— Садись, попрыгунья! — он открыл ей дверцу и посадил в кресло. Сам забрался с другой стороны.

Нажал на брелок, и двери ангара раскрылись в ночную пустоту. Хью надел наушники, кивнув на другую пару Лиин.

— Борт А6745FD12 «Кей» вызывает диспетчерскую Найроби.

Вертолет медленно въехал на полосу.

— Диспетчерская Найроби борту А6745FD12. Привет, мистер Вейнер. Доброго Вам времени суток! Куда летите?

— Доброго, Симон! Абу-Даби. Коридор?

— Тысяча пятьсот до Джибути. Легкий западный ветерок 2 м/с, видимость 4800, давление 753 мм, ни облачка на горизонте. Хорошего времяпровождения!

— Спасибо! — Хмыкнул Хью, подмигнув Лиин.

— Симон! — позвала та.

— О, мисс Вейнер! — голос в наушниках сменился с уважительно-панибратского на восхищенный.

— Симон! Смотри на радар! Нечего слюни распускать! — строго сказал Хьюго, но кончики губ все же подрагивали.

— Да, сэр! Попутного ветра!

Двигатели постепенно набирали обороты. Мгновение — и звезды смотрят на них снизу и сверху. Неярко светится приборная панель.

— Нравится?

Девушка зачарованно покивала головой:

— Я уже полгода не летала... отвыкла от того, как это красиво!

Где-то в стороне иногда проплывали яркие прибрежные огни.

— Могадишо, Джибути...

Совсем скоро впереди разгорелось электрическое зарево.

— Прилетели, крошка. Абу-Даби.

Служащий отеля провел дорогих во всех смыслах гостей на террасу ресторана. Усадил за столик с видом на городские огни и невидимое море. Подал карту вин Хьюго, а Лиин начала пролистывать картинки с блюдами.

— Белое, вот... И рыбки... — Лиин не выдержала задумчивости Хью и ткнула пальчиком во все менюшки.

Брат кивнул.

Скоро принесли вино и разлили по бокалам. Лиин взяла бокал в тонкие пальцы и понюхала аромат.

— За тебя, братик! — она приподняла бокал с вином.

— За нас вместе, Лиин!

Они отпили. Принесли кушанья. Лиин неторопливо клевала салатик, но одним глазом постоянно посматривала на дверь, откуда неслась зажигательная клубная музыка.

— Пойдем. — вздохнул Хью и подал руку Лиин. Та бросила салфетку и с горящими глазами устремилась внутрь, утаскивая тормозящего Хьюго.

Выйдя на танцпол, Лиин двигалась, словно язычок огня вокруг едва передвигающегося Хью. Скоро все с удовольствием поглядывали на золотоволосую темпераментную девушку.

У Хьюго зазвонил телефон:

— Я отойду, — сказал он ей на ушко. — Не балуйся.

Когда через десять минут он вошел обратно в зал, вокруг Лиин двойной стеной танцевали молодые, сверкающие платиной и бриллиантами арабы.

— Ну на пять минут не оставишь! Извините... Простите... Лиин! — крепкой рукой цапнул он ее за локоть. — Ты что творишь?

— Танцую... Они такие милые!

— В гарем захотела? Идем. — Он выдернул ее из круга и потащил к столику.

— Слющай... Эй, мы с ней танцуем... — пара арабов, сверкая глазами, приблизилась к Хью.

— Что? — Он приподнял бровь. Голубые глаза налились расплавленной ртутью, а изо рта вылетел пар. Температура в помещении резко упала до десяти по цельсию. Арабы смотрели на мистера Вейнера, но внезапно им показалось, что сам Косарь со своей ржавой косой стоит перед ними, и отсчет пошел на секунды. Парни развернулись и дали деру. Температура сразу поднялась.

— Проклятые китайские кондиционеры... — прошипел, проходя мимо, метрдотель. — Опять менять придется!

Лиин сидела, опустив глаза.

— Поехали домой. — Сурово сказал брат.

— Нет.

— Ты не понимаешь...

— А зачем ты тогда меня сюда привез?

— Вообще-то это европейский ресторан. Я не знал, что тут сегодня гуляют братья шейха...

У Лиин зазвонил телефон. Она зачирикала в трубку, а потом завертела головой и замахала рукой. И скоро к их столику подошли девушка и парень.

— Мои сокурсники: Бен и Мей Римоут.

— Очень приятно. — Искривил губы Хью, не поднимаясь и не предлагая присесть.

— Это мой брат — Хьюго Вейнер.

Бен и Мей с благоговейным восторгом уставились на Хью.

— Так ты та самая Вейнер?! — прижала к губам ладошку Мей.

— А вы те самые Римоут — тихоокеанский шельф? — откинувшись на спинку стула, небрежно поинтересовался Хью.

— Да-а. — Зачарованно глядя в его лицо, протянула Мей.

Хью скользнул взглядом по Лиин.

— Садитесь. — наконец, оттаял он.

Завязался ни к чему не обязывающий разговор о баррелях и котировках. Лиин молчала, в основном, ковыряясь в салатике. Зато Мей строила глазки, выгодно показывала ручки и ножки. А потом томным голосом позвала Хью танцевать. Он, рассыпая в ее сторону голливудские улыбки, взял за ручку и повел на танцпол. Лиин осталась сидеть с Беном. Тот кидал взгляды на девушку, а потом не выдержал:

— Твой братец увлекся Мей.

— И что? У него есть невеста. — Настроение Лиин резко упало.

— Хочешь, пока они любезничают, покатаемся по столице?

Девушка подумала. «Раз он так... Тоже мне — ждал, а сам...»

— Поехали! — кивнула она.

Гоночный серебристый мазератти лихо лавировал по широким развязкам современного

города.

— Тут есть погребок. Зайдем?

— Давай. — Равнодушно сказала она.

Машина остановилась рядом с освещенным бегающими огоньками подъездом в окружении таких же дорогих машин.

Бен открыл дверцу и подал Лиин руку. Они вошли в зал. И, протискиваясь между танцующими и столиками, подошли к стойке.

— Пол!

— Бен! Какая у тебя девочка! Просто люкс!

Лиин, вертя головой по сторонам, пританцовывала ногами.

— Вам просто накатить или с улетом? — продолжил бармен.

— Давай с улетом. — Решился Бен. Ему, на самом деле, очень нравилась девушка еще с первого курса. Но вокруг нее всегда вертелись самые-самые. Бен в их число, даже с нефтяными вышками, не входил. А тут она рядом и никого...

Бармен поставил два бокала с разноцветной смесью на стойку.

— Лиин, выпей! — Бен сунул девушке в руку один из них.

— Крепкое?

— Нет, коктейльчик. Для расслабона.

Девушка рассеяно улыбнулась и отпила глоток. Сладенько. Она отпила еще. Бен потащил ее танцевать. Немного закружилась голова. Она оттолкнула Бена и пошла, села на диванчик. Бен с хитрой улыбкой снова поднес к ее губам бокал:

— Пей, здесь жарко!

Она отпила еще глоток. Стулья кружились все сильнее. Она одной рукой вцепилась в стул, а другой — в Бена. Тот нагнулся к ее лицу и начал целовать ее губы слюнявым ртом. Она пыталась его отпихнуть. Люди вокруг смазались в одну пеструю ленту. И, уже теряя сознание, она выдохнула: — Хью!

Угасающим взором она увидела белую метель, неожиданно налетевшую на погребок, и почувствовала дикий холод. И отключилась.

Очнулась она днем. В арочные окна дома робко заглядывало теплое солнышко. Она лежала на своей кровати. Голова болела. Тело ощущалось деревянным. Скосив глаз, она увидела штатив капельницы, стоящий у ее кровати. Во рту было безумно сухо.

— Пить... — прошептала она.

Открылась дверь, и вошел Хью со стаканом голубой жидкости. Приподнял ее голову и поднес к губам:

— Пей!

Она отхлебнула три глоточка, как вдруг слезы неудержимо покатались из глаз.

— Ну же, перестань. Ты жива, с тобой все в порядке. — Хью ледяными глазами смотрел мимо нее на стакан.

— Зачем ты ушел с этой дурой Мей?

— Зачем ты поехала с этим придурком Беном? К тому же знаешь, что синтезированные алкогольные соединения внутрь тебе противопоказаны.

Лиин сделала попытку отвернуться. Но тут сильные руки зажали ее одеяло с обеих сторон:

— Хочешь еще куда-нибудь уехать? Хочешь? — Хью навис над бледной девушкой, потряхивая ее кровать.

— Не хочу, братик. Давай побудем вместе. — робко улыбнулась ему она.

Голубые глаза потеплели, а уголки губ поднялись, обнажая ровные белые зубы.

— Только ты меня поучишь летать. Хорошо?

Две с половиной недели пролетели, как один день, в полетах, катании на серфах и яхте.

Как-то вечером в гостиной зазвонил спутниковый телефон. Хьюго, изломав в удивлении бровь, подошел:

— Да. Да. Да-а? Вот оно как? И срочно? Хорошо. Завтра вылетаю.

Лиин сидела на диване и смотрела на Хью. Он сел рядом, взяв в свои руки ее загоревшие ручки.

— Лиин. Мне надо улетать. Политики опять чего-то хотят, а правление решать этот вопрос без меня не желает. Ты хотела поехать в Альпы?

Девушка кивнула головой.

— Я сейчас закажу тебе билет на дневной рейс до Парижа. Утром доброшу до Могадिशю, там сядешь в самолет. В Париже встретишься с ребятами, и поедете в Альпы. Лыжи новые подбери.

— Мои еще очень хороши. — Грустно улыбнулась Лиин. — Ты надолго в Америку? Ко мне приехать сможешь? А то каникулы кончатся, я закопаюсь в учебу, ты — в работу... И снова только поздно ночью по скайпу.

— Не расстраивайся, малыш, я постараюсь...

Через три суматошных дня веселая компания молодых людей со смехом и шуточками заселялась в выбранное шале. Искрился блестящей изморозью воздух, синел в ложбинах и распадках снег. Белые вершины гордо подпирали прозрачное небо.

— Как здорово! — воскликнула одна из девушек. — Хорошие трассы почти рядом! Давайте, поедем кататься прямо сейчас!

Они дружно переоделись и катались до захода солнца, окрасившего вершины в малиновые, а ложбины — в густо-фиолетовые тона, откуда, насупившись, выглядывали черные ели и лохматые сосны. На следующий день они тоже носились по склону почти дотемна, радуясь красивым спускам и теплему солнцу. А на третий день к ним подошел человек с широкой улыбкой в горнолыжном костюме и ботинках.

— Молодежь! Не хотите рискнуть? Там, за выступом горы — дикие трассы. Поднимаем и забираем вертолетом! — Он показал красивые фотографии.

— А там нет лавин? — пискнула одна из девушек.

— Что Вы, леди! У нас лицензия! — Он ткнул ей в нос какую-то покрытую блестящими голограммами бумагу.

— Полетели! — Тут же загорелись мальчишки.

— Девушки, уверяю, для Вашего уровня это совсем не страшно! Зато соцсети взорвутся от восторга!

Ребята похватали лыжи и палки. На окраине поселка их ждал вертолет. Вместе с гидом они погрузились в чрево машины и взлетели.

Действительно, немного облетев гору по периметру, машина села на ровную чистую площадку.

— Вот, что я вам говорил! — воскликнул гид.

Гладкая, слегка извилистая дорога вела вниз. Гид надел лыжи и, нацепив очки на нос, оттолкнулся палками. Мальчишки и девчонки, пересмеиваясь, следили за синей курткой, пристегивая крепления. Вот пошел Дэн, Стив, Агнета...

Лиин, опустив очки, с силой оттолкнулась от выступа. Лыжи привычно зашуршали на поворотах, поднимая снежную пыль. Она въехала в лес. Снегу тут было меньше, но он был жестче. Скорость нарастала. Новый поворот вырастал за старым, пугая невидимостью и крутизной. Она начала притормаживать, вылетая на очередной горб. Лыжный след проехавших друзей резко брал влево, обходя падающую вниз кручу. Она еле вписалась в него. «Что же гора никак не кончается?» — подумала Лиин. Еще поворот. Не успела девушка ничего сообразить, как навстречу ей вылетела огромная ель. Она вильнула вправо. И... полетела. Лыжи, ударившись о снег, отстегнулись и где-то пропали. А она все падала... падала... спиной в темноту. Удар. Мир окончательно померк.

Очнулась Лиин от того, что ей стало холодно. Не открывая глаз, она согнула руки, потом — ноги. Постонав, присела. Потом встала, держась за елку. И открыла глаза.

Она стояла на лесной поляне. Зеленая травка под ногами была присыпана тонким слоем снега. На еловых лапах — иней, сверкающий алмазными гранями. Небо — серое. Ветра нет. Не слышно ни птиц, ни треска веток. Вообще ничего. Полная тишина. Девушка содрала с лица разбитые при падении очки и бросила их на землю.

— Идти-то куда? — задала она вопрос пространству и огляделась по сторонам.

И вдруг ей показалось, словно огонек сверкнул среди веток. И она пошла туда. Лес постепенно расступался. Вот раздвинули лапы последние ели, и она вышла на открытое место: впереди, на холме, стоял средневековый дворец с башенками и окнами из разноцветного стекла. Стены дворца, когда-то коричневые, покрывал тонким слоем лед. Девушка поспешила туда.

Когда она подошла ближе, то увидела странную картину: на площадке, перед зданием, стояло множество людей и каких-то странных существ, низко склонивших головы. Они тоже были покрыты инеем. Девушка вошла в их толпу и, с любопытством оглядываясь, пошла дальше, снимая айфоном эти чудные лица. И вот она остановилась перед крыльцом. А там, вытянув руки вперед, со слезами и гримасой страдания на лице, стояла прекрасная молодая женщина. За локоть ее держал очень красивый мужчина. Они были в коронах.

— Король и Королева! — восхитилась девушка и, не удержавшись, провела пальцем по женскому лицу, покрытому инеем.

Теплый палец оставил на щеке дорожку. Кожа под инеем оказалась розовой.

— Что за ерунда?! — воскликнула Лиин и начала счищать двумя руками изморозь с лица женщины и ее рук, а потом — и с мужчины. Затем бросилась к стоящей рядом тоненькой и маленькой девушке с поникшими крылышками.

Лиин не видела, как начали розоветь щеки и руки Королевы и Короля. Скоро раздался первый вдох, а за ним — всхлип.

— Мой ребенок! Моя дочь! — простонала Королева.

Девушка услышала голос и обрадовано обернулась:

— Так вы живы? Как здорово!

И тут по соснам и елям пронесся ветер, стряхивая с зеленых лап снег. На небе начали расходиться серые тучи, и заблестело солнышко. Запели птицы. Те, кто стоял на дворе, склонив головы, начали выпрямляться и оглядываться по сторонам. Некоторые зевали и потягивались, спрашивая у знакомых:

— Праздник уже кончился?

Толпа постепенно разбредалась, разбирая диковинные средства передвижения. Лиин даже протерла глаза, увидев одновременный старт нескольких ступ.

— Интересно, куда же я попала? — подумала она вслух, оглядывая окрестности.

— Куда-куда... — проворчала старая ведьма с бородавкой на носу. — Хорошо, не за Кудыкину гору... В сказочную страну, девушка!

И, ковыляя хромой ногой, залезла в ступу и крикнула: — Земля, прощай!

Ступа поднялась метров на пять вертикально вверх и загудела низкими частотами.

— В добрый путь! — прокряхтела сверху карга. Звук, выстрелив, перешел на сверхзвук, и ступа в мгновение превратилась в далекую точку.

— Вот это перегрузочки! — восхитилась Лиин.

Увидев на ступенях дворца более-менее адекватных с ее точки зрения, Короля с Королевой, она поднялась к ним.

— Скажите пожалуйста, Ваши Величества, а куда я попала? Ехала я на лыжах... а дальше — провал. Очнулась вот здесь.

Король внимательно посмотрел на девушку в шлеме. Солнце уже ощутимо припекало, и она, улыбнувшись, его сняла. И сразу по плечам рассыпались золотые волосы. А синие глаза внимательно смотрели на венценосную чету.

— Дорогая! — позвал Король плачущую Королеву. — Посмотри, пожалуйста, на нашу гостью!

Королева промокнула слезки кружевным платочком и взглянула на Лиин. Глаза ее широко открылись и она, задыхаясь, спросила:

— Детка, а зовут тебя как?

— Лиин. — Улыбнулась розовыми губками девушка. — Полностью — Анджелин.

— Дочка! — повисла на шее ошарашенной Лиин Королева.

Когда страсти немного улеглись, в охотничьем зале слуги затопили камин. Замок ведь шестнадцать лет стоял без отопления, поэтому сильно отсырел и промерз.

На плечи Королевы и Лиин Король набросил легкие, но теплые шали из пуха горных коз.

Королева, то и дело всхлипывая, рассказывала грустную историю окончания праздника.

— И Вьюговой забрал нашу малышку, вырвав ее из моих рук...

— Значит, прошло шестнадцать лет... — задумался Король, глядя на Лиин.

— А с чего вы решили, будто я ваша дочь? Ну да, похожа, но все же...

— У тебя не бывает такого желания... чувства, что ты можешь ходить по лунным лучам, танцевать среди облаков и летать наперегонки с ветром?

— Да, — удивилась Лиин. — А откуда вы знаете?

— А ты возьми, попробуй! — И Король повел рукой в сторону открытой двери. — Не бойся!

Лиин вскочила с дивана и вышла на веранду, освещенную Солнцем. Ботинком наступила на луч. Покачала головой и поморщилась. Потом села прямо на пол и сняла тяжелые лыжные ботинки, оставшись босиком. И кончиком большого пальца наступила на теплое пятно.

— Ого! — воскликнула она и без сомнений легко побежала вверх. Остановившись на высоте второго этажа, она раскинула руки и подняла голову вверх. Золотистые волосы ярко вспыхнули под солнечными лучами. Она покрутилась на мыске и закричала:

— Сказочный мир! Я вернулась!

Ее крик подхватил птичий хор, зачирикав и запев так, что у всех заложило уши. Девушка

посмотрела вниз и быстро сбежала обратно.

— Точно, наша дочь! — Король протянул руку и взял тоненькие пальчики Лиин.

— А где тогда Вьюговой? — наивно спросила девушка.

— Понимаешь, — Король с Королевой, тоже выслушавшие ее историю, опустили глаза, — этот человек называет себя твоим братом.

— Нет! — Лиин вскочила. — Этого не может быть! Вы ошибаетесь! Хьюго любит меня! И тут полотно пространства прорезало окно портала.

— Нет! — Прошептал Король, прикрывая глаза рукой.

— О, да! — ответила выходящая оттуда Старшая тетушка. Вслед за ней вышла Средняя, а потом — младшая в джинсиках со стразиками и очках от Шанель.

— Тетушки! — Королева подбежала к ним и обняла каждую по очереди.

— Я смотрю, все хорошо закончилось? — поинтересовалась Старшая, приспустив очки на кончик носа. — Со степенью родства уже разобрались? Вопросов больше не осталось?

— Я не верю, что Вьюговой, похитивший меня у родителей — это мой брат Хьюго! Этого не может быть! — Стукнула кулачком по спинке кресла Анджелин.

Младшая улыбнулась и посмотрела в заплаканные очи девушки:

— Но это можно легко узнать!

— Как?

— А ты позови его!

— Как?

— Как всегда, по имени. Зови: быстрее позовешь, быстрее все узнаешь!

Лиин встала с дивана и вышла на середину комнаты.

— Хью! — отчаянно крикнула она в пустоту. — Хьюго, я тебя жду!

Пространство снова пошло волнами и из них, озираясь, вылетел Хьюго.

— Лиин! — бросился он к ней, не замечая ничего вокруг.

— Стой! — девушка выставила руку перед собой. — Остановись.

Хьюго остановился, недоуменно смотря на Лиин.

— А теперь посмотри вокруг. Тебе это ничего не напоминает?

Хью поднял холодные глаза и медленно огляделся. Потом шагнул к Лиин.

— Я не знаю, сможешь ли ты меня простить когда-нибудь...

Лиин перебила:

— Значит, Вьюговой, похитивший меня у родителей, это ты?!

Хью опустил голову:

— Я.

— Зачем?! Как ты мог? — Лиин потрясла ладошками перед его лицом.

— Ты меня не простишь? — он тяжело посмотрел ей в глаза.

— Ты ничегошеньки не понимаешь! Обожать брата, который, оказывается, вовсе и не брат... Я так тебе верила...

Хью медленно опустился перед ней на колени. Голубые глаза затянула серебристая пелена. Белые волосы заискрились инеем и рассыпались по плечам, закрыв лицо. А тело начало покрываться льдом.

— Хью! Ты чего? — девушка бросилась к мужчине и, дотронувшись до плеча, отдернула руку. Перед ней сидела ледяная статуя.

— Хью! Ты сошел с ума! Что он делает? — Она несчастно оглянулась на мать с отцом и тетушек.

Те недоуменно пожали плечами. Тогда Лиин медленно, словно в полусне, опустилась рядом с ним. Перед ней — застывшее лицо человека, которого она видела с детства. Того, кто радовался ее маленьким победам и огорчался ее неудачам. Кто защищал ее от холода внешнего мира и дарил ей нежность своей души. Теплыми руками она развела в стороны серебряные пряди, с которых с тихим шорохом осыпался иней. Посмотрела в пустые холодные глаза.

— Дурак ты, Хью! — грустно сказала она. — Как все-таки хорошо, что ты — не мой брат! Я так безумно люблю тебя!

Она приблизила свои теплые розовые губы к синим и ледяным губам Вьюговея. Секунду подумав, она зажмурилась и впиалась в него горячим поцелуем. Она целовала губы, глаза, лицо...

Постепенно с белых волос начала капать вода. Потом промокла одежда. А через пять минут они оказались в небольшой лужице. Только Лиин этого не замечала. Она целовала Хью до тех пор, пока его руки не сомкнулись на ее талии.

— Что ты делаешь, Лиин? Ты должна меня ненавидеть!

— Я тебя возненавижу, если ты сам не поцелуешь меня!

Три тетушки и королевская семья с умилением смотрели на эту сцену.

— Вот тебе и зятек нарисовался. — Прокомментировала Старшая тетка.

Король хохотнул:

— На сколько там миллионов лет он старше моей венценосной особы?

— Зато как любит твою дочь! Я думаю, ему похищение пошло на пользу, и он, наконец, научился любить! — Тетка махнула пальчиком, высушив костюм Вьюговея и штаны с майкой, в которых была Лиин.

Выяснив отношения, Хью и Лиин встали и взялись за руки.

— Простите меня, Ваши Королевские Величества! — Склонил голову Вьюговей.

— Прощаем. — Махнул Король рукой. — Но Лиин надо учиться. И не только там, в параллельном мире, но и здесь. Надеюсь, ты не запрешь ее в свой Ледяной замок?

Мужчина усмехнулся и привлек к своей груди золотую головку любимой девушки:

— Разве можно спрятать солнечный луч? Но я все же буду ее оберегать!

— Благословляем! — кивнул Король. — Когда свадьба?

— Вот закончу Академию, получу права пилота, тогда можно и свадьбу... — засмеялась Лиин, глядя в голубые глаза Вьюговея.

— Миллионы лет ждал, когда для меня вырастет этот цветок. Четыре года как-нибудь подожду. — Он улыбнулся Лиин. Потом нагнулся, взял в свои руки ее лицо и нежно поцеловал в губы.

— Спать сегодня можете наверху. Там вроде протопили. — Улыбнулся Король Королеве.

Девушка покраснела, а Хьюго обнял ее за плечи. Потом подумал и достал из кармана штанов маленькую красную коробочку.

— Открой! — попросил он Лиин.

Та взяла, открыла и засмеялась от радости:

— Это для нас?

На подушечке внутри лежали два помолвочных кольца: белый платиновый ободок был переплетен с золотым. На большем кольце в одно из переплетений был вставлен синий камень, а в меньшем — голубой с серебряной искрой.

Девушка достала то, что с синим камнем и, взяв руку жениха, надела кольцо на палец:

— И в радости, и в смерти...

Хью взял маленькое колечко:

— Навечно...

Довольные Король с Королевой смотрели с веранды на вечернее небо.

— Вот и дочь выросла, а мы и не заметили... — Сказала Королева.

— У меня есть предложение. — Сказал Король.

— Какое, дорогой?

— Давай попробуем вырастить сына. А? — он развернул Королеву лицом к себе и поцеловал.

— Ну, — она мило покраснела, — его сначала надо зачать...

— Так за чем дело стало! — он подхватил жену под ручку и повел в замок.

— Только никаких гостей, дорогой!

— И никаких тетушек, дорогая!

В темно-синем небе сияла яркая луна. Из маленького озерца, что рядом с верандой, выбралась Царевна-Лягушка №33 и со вздохом сказала:

— Ежели праздников не будет, где ж пьяного Ивана для оплодотворения икры искать?

Ох-хо-хо...

И опять ушла в прозрачную воду.

А на небе светили яркие звезды. В саду пел соловей. Сказочная страна продолжала жить своей невидимой для неверящих глаз чудесной жизнью.

Глава четырнадцатая. Новые обстоятельства

Айка вздохнула и допила воду. Посмотрела на часы. Потом на ребят.

— Ау, люди! Три часа ночи. Давайте-ка спать!

— Аюшка! — позвала Белла. — А я похожа на принцессу?

Айка посмотрела на девочку. Нет, конечно, с тех пор, как появился отец, она похорошела и поправилась. Но сросшиеся веки и короткие жидкие белые волосики, серенькие бровки...

— Конечно, похожа! — уверенно сказала Айка. — Только ты еще маленькая! Если хочешь, чтобы в твоей жизни случилась сказка, надо хорошо кушать, начинать самой ходить и заниматься.

— Да! Я обязательно буду принцессой! — откинулась Белка на подушку.

Все остальные сидели, пригорюнившись.

— Ай, а ты правду сказала, что мы просто не видим сказочную страну?

— Да, Тем. Пока мы маленькие и живем своими чувствами, мы видим домовых, леших, кикимор, ангелов и демонов. А потом, увлеченные этой реальностью, мы перестаем верить в сказки, и волшебная страна закрывается для наших глаз. Вот только Белочка немного знает об этом мире.

— Да! Там светит Солнышко. Растет зеленая травка. Гуляют белые лошади, и в маленьком домике живет мама.

Айка встала:

— Спать, спать!

— Ай, — тихо отделилась от стенки Татьяна. — Как ты думаешь, а меня можно любить?

— Конечно. Главное — чтобы любила ты. Чтобы душа была чиста, без зависти и черноты.

Айка зевнула и открыла дверь спальни. Но тут повернулся запор входного люка. Все замерли, глядя на него. Люк открылся, и в нем показалась светлая Степкина макушка. Потом он влез целиком. За ним — Глеб.

— Вы что, не спите? — удивились вошедшие.

— Степушка! — С криком бросилась на шею Степки Татьяна. Рыжий Арсюха подбежал сбоку и обхватил его за талию.

— Глеб! — С сияющими глазами подошла к мужчине Надежда. — Мы так ждали!

— Папка! — Белла спустила с кровати ножки и сделала несколько неуверенных шажков.

Айка быстро подхватила ее заваливающееся тельце на руки.

Трое богатырей: Артем, Кирилл и Стас с улыбками до ушей смотрели на вернувшихся. Полинка прыгала и хлопала в ладошки.

Степка в растерянности крутил головой и пытался отлепить от себя Татьяну.

Айка подошла к Глебу и посадила ему на руки Беллу. Потом прошла на кухню и поставила греть суп.

Когда, наконец, все страсти улеглись, и мужчины были накормлены, Айка разогнала всех ребят спать. Даже Степан, постоянно смотревший на нее с улыбкой, потер глаза и, сказав, что денек выдался трудный, ушел в комнату мальчиков. Айка помыла и протерла

посуду, убрала на полку. Глеб полулежал на Беллиной кровати, что-то шепча ей на ушко.

— Глеб! — негромко позвала Айка. — Свет выключаю?

— Выключай, Аюшка.

Девушка щелкнула выключателем и взялась за ручку двери своей спальняной комнатки.

— Подожди! — прошептал ей на ухо тихий голос.

Айка вздрогнула. Она не слышала, как Глеб встал и подошел к ней. Также бесшумно он приоткрыл дверь кладовой и включил свет там.

— Присядь. Только тихо. — Он взял ее за руку и посадил за стол. Узкий луч света падал из приоткрытой двери. Глеб сел рядом и внимательно посмотрел ей в лицо, словно сомневаясь, стоит говорить что-либо или нет.

— Что случилось, Глеб? — Тревожно спросила Айка шепотом.

— Любуюсь тобой. — Усмехнулся мужчина. Потом опустил глаза и взял ее за руку. — На самом деле, наши дела несколько... печальны. Кроме нас, на собрании у Волкова были долгопрудненские, химкинские и даже митинские бойцы. Черные машины видели все. Митинских хорошо пощипали, но у них склады с боеприпасами и безбашенный народ из Тушино и Строгино на подхвате. Но самое плохое, что начали с вертолетов бросать такие сейсмобомбочки, которые вызывают обрушение пород.

— Зачем?!

— Затем, что в столицах и крупных городах осталось много ценностей и реликвий. А также коллекторов, в которых могут прятаться выжившие люди. Настоящие артефакты надежно спрятаны в хранилищах под землей, и взрывы их вряд ли повредят. Но, как ты понимаешь, живыми могут остаться владельцы. А кому нужны судебные разбирательства? Это первое предположение. Второе, — он показал рукой на потолок, — все бывшие города кто-то хочет уничтожить, чтобы и памяти о них не осталось. Ведь в образовавшиеся пустоты можно свалить все обломки и мусор. И этот кто-то, видимо, очень хочет извести человечество. Короче, если мы не уйдем, то погибнем.

— Это говорили пойманные солдаты? А что говорят долгопрудненские?

— Говорят... Из Долгопы бойцы ходили до Дмитрова. Город есть, но жителей — нет. Трупов тоже. Никто ничего не знает.

— Может, их свозят в резервации, а потом будут продавать как рабов? — закрыла лицо ладошкой Айка.

— Не знаю, Ай.

— И что решили?

— Волкову деваться некуда. Он, как крыса, закопался в метро и коммуникациях. Будет сидеть до последнего.

— А остальные?

— Все кричат, что «ни шагу назад» и тому подобное.

— А ты, Глеб? — она осторожно заглянула в синие глаза, в темноте комнаты казавшиеся черными.

— Что я? — он улыбнулся и, взяв Айкину ладошку, приложил к своей щеке, а потом поцеловал.

Айка несильно дернула руку.

— Нет. — Улыбаясь, покачал Глеб головой. — Моя. Не отдам.

Айка хотела рассердиться, но потом рассмеялась и, протянув другую руку к его голове, провела по волосам:

— Это я не отдам! Из наших загребущих ручек просто так не выбратся! Ну, а если серьезно, — она отняла руки и положила перед собой на стол, — что будем делать? Дети — это не бойцы.

Глеб, прикрыв глаза, откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

— У меня есть даже не план, а набросок плана. И я еще не знаю, как его осуществить в свете последней информации.

— Говори.

— Если то, что нам рассказали — правда, то и дача твоя не поможет. Нас там найдут и, либо убьют, либо заставят работать на благо неизвестной разбойничьей морды. Так?

Девушка кивнула.

Поэтому я хочу попробовать довести вас всех до Крыма. Нас там не тронут. Там мой дом.

Айка посмотрела на Глеба ошарашенными глазами:

— Но как мы пойдем с Беллой и Полли? Арсений тоже маленький. Мы не унесем с собой столько еды! Да и идти придется долго. Где будем зимовать?

Глеб потер лоб.

— Но детей я не оставлю. Лучше погибнуть вместе. — Продолжила Айка.

— Ай, дай мне неделю. Я попытаюсь что-то придумать. — Глеб встал.

Айка тоже встала, осторожно отодвигая стул.

— Спокойной ночи, Глеб!

Тот улыбнулся и, неожиданно для нее встав на одно колено, поцеловал ей руку:

— Я сражен Вашим добрым сердцем, прекрасная леди!

Айка сузила глаза и нагнулась к его уху:

— Не ерничай, Глеб Анатольевич! Я ведь могу подумать что-нибудь не то... Да и Степа может... А нам ведь не нужно проблем, правда?

Тот поднялся, отряхивая штанину:

— Только собрался признаться в нежных чувствах прекрасной даме, как вдруг оказывается, что у нее есть сердитый брат и, вообще, она не верит в сказки. Спокойной ночи, Аюшка! Olsun iyü çuü! (Доброго сна! — турец.)

— Ve senin de! (И тебе — турец.)

Утром все встали поздно, даже девичий будильничек — Полюшка — проспала. Мальчишки, позевывая, выбирались из душа и рассаживались за стол. Стас занял привычное для себя место у плиты и разогревал то, что вчера с избытком наготовили девушки.

— Так вы едете в деревню, или нет? — не выдержал паузы Артем.

Степа посмотрел на Айку:

— Тебе Глеб рассказал?

Она кивнула.

— А нам? Или мы — не в счет? — выпятил губу Кирилл.

— Покушаешь кашку, расскажу. Знаешь, на сытый организм информация воспринимается и усваивается легче. — Степа взял ложку и, подавая всем пример, начал кушать.

Айка посадила Беллу за стол рядом с собой и учила девочку есть самостоятельно. Та смеялась, проносила ложку мимо рта, но не пыталась завалиться или капризничать. Она действительно старалась. Полли, глядя на нее, съела свою порцию в два раза быстрее.

Ну а когда стол был убран, и тарелки помыты, Степка начал рассказывать. В нужных

местах слушатели ахали, удивляясь его смелости и сноровке, а также острому уму. Айка не выдержала, опустила глаза и улыбнулась краешками губ. А когда подняла голову, то наткнулась на смеющийся взгляд Глеба.

— Степочка, — тихим голосом сказала Айка. — Давай опустим то место, где ты, пробиваясь через бандитов со зверскими рожами, швырял гранаты, а приступим к решению вопросов по-существу.

— Ну да. — Согласился покладисто Степан и вкратце повторил то, что рассказывал вчера Айке Глеб.

Повисло тягостное молчание. Выжить в ядерном аду, чтобы потом умереть, не хотелось никому.

— Что будем делать? — Тихо спросил Темка. — Уйдем жить совсем глубоко?

— Не выход. Дымовые шашки, гранаты. Завалят все входы-выходы, пройдут техникой сверху — и, здравствуй привидение по имени Тёма. — ответил Кирилл.

— Ну, хоть этих кретинов попугаю. Какая-то польза! — пробурчал Артем и задумался.

— Значит, дача — не вариант? — уточнил Стас.

— К сожалению. — Согласился Степан.

— Если нас из дома гонят, значит, это был не дом! — Тоскливо сказал Артем.

— Мы пойдем, а нас догонят, наваляют, мы с трудом заползем в одну канаву. Значит, так тому и быть. Нет у нас такого права: думать, верить и любить. — Закончил Кирюха.

— Может, пойти в бойцы к долгопрудненским? Десяток рож завалим точно.

— А Айка, Надя, Полли, Белочка? Они куда? — спросил Глеб молодежь.

— Ну, Айка убьет — не поморщится. — Сказал Артем.

— Спасибо, Тема. В следующий раз, когда придется тебе делать уколы, всажу в зад шприц и не поморщусь. — Ответила Айка.

— А чего по ним плакать? Они сами к нам пришли. Мочить гадов! — неожиданно воинственно выступил Стас.

— Короче. — Айке надоело слушать бесполезный базар. — У Глеба есть предложение. Давайте выслушаем, а потом каждый решит, кого или чего ему мочить.

Все глаза с интересом обратились на Глеба.

— Я предлагаю идти в Крым. — Просто сказал он. — Если мы дойдем, то у нас есть перспективы дальнейшей жизни. Там занятие найдется каждому.

— А нас пустят? — с сомнением спросила Надя. — Все-таки закрытая территория!

— С мой — пустят. — Уверенно сказал Глеб.

— И сколько лет мы потратим на это? — скептически поинтересовался Артем.

— У меня есть мысли. Озвучивать пока не буду. Найду на них ответы — сообщу. Теперь, если вы согласны с этим планом, надо потихоньку собираться в дорогу. Продукты, оружие, вода, питание. Думайте.

— Ну вот. И на велосипедах не покатались! — Пустил слезу в голос Артем.

— Возможно, не только покатаемся. — Глеб встал из-за стола. — Степ, подойди. Надо сегодня сходить к долгопрудненским.

И они о чем-то зашептались.

— Хорошо. — Степка кивнул головой и вышел одеваться.

Глеб тем временем оглядел всех оставшихся:

— А, собственно говоря, вы чего рассиживаетесь? Пацаны, Таня и Надя — наверх и учиться ездить! Кирилл, сделай Белле и Полли сидения на рамы. Как корзиночки. Понял?

— Так точно! — Кирюха схватил брата за шею и поволок на выход. Сзади Артема пинал Арсюха.

Потом вышли девушки и Стас. Айка осталась с Глебом вдвоем.

— Ты ведь ездить умеешь?

— Да. Что мне делать, Глеб?

— Собирай медикаменты, продукты. Плотную и теплую одежду. Но не торопись. Делай все аккуратно. Готовь сразу рюкзаки. Поняла?

— Да, Глеб. Что ты задумал?

— Девочка моя, если срастется то, что я задумал... Придет Степан, посмотрим.

Глеб взглянул на часы. Вид у него был отрешенный и сосредоточенный одновременно.

Айка вздохнула, посадила Полинку и Беллу лепить, а сама вывалила на стол запас медикаментов.

— Перевязочные материалы в отдельный рюкзак. Туда же в стерильной коробке шприцы, спирт, иглу, нить и скальпель.

Немного постоял у стола, глядя на склоненную головку дочери.

— Ай, — позвал он девушку. Та подняла голову. — Если что, ты ее не оставишь?

Айка холодно посмотрела на мужчину:

— Хоть ты умный человек, Глеб Анатольевич, но — дурак.

— Спасибо, Аюшка. — Глеб улыбнулся и ушел.

Через три часа вернулся довольный Степан с полным рюкзаком. Посмотрев на катающуюся по площадке публику, он фыркнул и изрек: — Цирк! Только собачек с бантиками не хватает! — И нырнул в люк. За ним — Глеб.

Из-за покрышек неподалеку поднялись кончики мохнатых ушей.

Глава пятнадцатая. Разведка

Вечером, после ужина, Глеб и Степан зашли в кладовую. А через несколько минут вышли в черной оккупантской форме, с черными же автоматами. На голове у каждого вместо привычного капюшона — шлем с ушами.

— Вы куда? — дружно выдохнули все.

— Спасать наши задницы. — Гордо задрал нос Степан.

— Велосипеды забираем, — сказал Глеб. — И если вы, молодые люди, их некачественно собрали...

— Вы придете и сделаете а-та-та. — Кивнул головой Артем.

— Аюшка, — подошел к ней Глеб. — Спице, нас не дожидайтесь. В лучшем случае, вернемся завтра, в худшем — через пару дней. И с нами точно ничего плохого не случится! Ben beklerim bizim toplanti! (Я буду ждать нашей встречи — турец.)

— Geri d'on... (возвращайся — турец.)

Глеб и Степан вышли в ветреную черноту ночи. Включили на шлемах фонарики.

— По коням? — Степан схватился за руль.

— Пока конями поработаем мы. — Глеб взвалил на себя велосипед, и, внимательно смотря себе под ноги, стал выбираться в сторону Дмитровского шоссе.

Через полчаса, уставшие, они, наконец, поставили велосипеды у железнодорожных путей.

— Сейчас перейдем, там будет асфальт. — Отдыхиваясь, сказал Степан. — О чем ты говорил с Айкой?

— Когда? — Глеб взял велосипед за раму и начал шагать через пути, кое-где заваленные обломками эстакады.

— Перед выходом. И на каком языке вы говорите?

— А-а. На турецком. Однажды захотелось проверить правильность своего предположения касательно ее национальности.

— А спросить?

— А если бы соврала?

— Айка не врет!

— Ну, не сказала бы... А мне интересно.

— Откуда ты знаешь турецкий?

— Вырос в Крыму. Там тоже живут турки. Дружил. Учился.

— О чем ты с ней говорил?

— О любви!

— Врешь!

— Зачем спрашиваешь, если не веришь?

— Как ты к ней относишься... черт...

— Что?

— Ногу подвернул. — Степа остановился и растер ногу. — Норм. Пошли.

Они снова подхватили велосипеды. И минут через двадцать уже стояли на более-менее ровном асфальте.

— Поехали?

— Может, фонари выключим?

— Нет, я бойцам сообщил, что едем. Стрелять не будут. Да тут и недалеко, километра четыре — пять.

Они сели на велосипеды и поехали рядом. Асфальт хоть и потрескался, и из разломов торчала трава, все-таки можно было ехать спокойно.

— Глеб, — снова начал Степан прерванный разговор, — мне Айка очень нравится. Если в нашей жизни все устроится, я женюсь на ней.

— Мне велосипед тоже нравится. Но это не значит, что я буду ездить на нем всю жизнь. Она хоть раз говорила тебе о своих чувствах?

— Нет, ей просто не до того. Но если все выгорит...

— Вот когда выгорит, ты с ней и поговоришь.

— А зачем ты говоришь с ней по-турецки?

— Это язык ее отца. Ее второй родной язык. Ей приятно говорить на нем.

— А-а...

— А если ты хочешь связать с этой девушкой свою судьбу, то не прижимайся к Татьяне.

— Так она сама... жметя!

— Я предупредил.

— Да ладно, Айка умная!

— Тогда не надо делать из нее дуру.

Они подъехали к бывшему Хлебниковскому мосту. От широкой и длинной эстакады остались сиротливо стоящие в воде опоры и огромные куски бетона, хаотично рассыпанные в воде. Оставив велосипеды в кустиках, они спустились вниз. Степа свистнул. От большого дерева отделилась фигура в черном.

— Степ, Глеб?

— Да, Макс, мы.

— Пошли.

Ступая за Максом в след, они спустились к воде.

— Здесь — трос. Два — для рук, один — для ног. Справитесь? С той стороны, как поднимитесь, справа, стоит аппарат. Зажигание автоматическое. Управление — рычаги. Есть ночное видение. Разберетесь, не сложно. Удачи!

Макс растворился в черноте прибрежных кустов.

— Я — первый. — Сказал Глеб. — Перейду, свистну.

Он нащупал руками верхние тросы. Потом поставил ноги. Одну — прямо, другую — боком. Выключил фонарь, привыкая к ночной картинке.

— И тебе советую выключить. Так виднее. Свистеть не буду, моргну фонарем. Все, я пошел.

И Глеб легко заскользил по качающемуся тросу, перебирая руками. Степан положил руку на один из них. Трос вибрировал. Страшно — то как! Но, в конце концов, не страшнее рабства! И когда с того берега мигнул фонарь, Степан, не колеблясь, встал на шаткий «мосток». Медленно, стараясь не обращать внимания на то, что варилось под ногами и страшно шумело водоворотами, он продвигался все ближе к противоположному концу. Темный силуэт берега медленно разрастался в размерах и, наконец, на него пахнуло ночной свежестью мокрой зелени. Он сделал последние шаги и прыгнул на тропу.

— Штаны не намочил? — поинтересовался Глеб.

— Нет! — с вызовом ответил Степа.

— А меня вот всего обрызгало каким-то порывом ветра! — пожаловался тот. — Даже

рубаша мокрая.

Степка усмехнулся: — Мне повезло!

— Тогда идем.

И они начали подниматься вверх, оставляя позади темные радиоактивные воды канала им. Москвы.

Сто метров по старой дороге и они снова вышли на асфальт.

— Видишь, где аппарат?

Оба завертели головами по сторонам и скоро обнаружили темный прямоугольник, наполовину съехавший в кусты.

— Лезем! — Глеб прыгнул на черную броню БТРа, и включил фонарик. Немного повозившись, открыл крышку люка и махнул Степке рукой: — Прыгай ко мне!

Сам же подтянул ноги и скользнул внутрь. И скоро оттуда потусторонним огнем вспыхнул красноватый свет приборов. Степан последовал за Глебом, прикрывая за собой люк.

— Забрался? Молодец, присаживайся! — Глеб щелкнул переключателями и нажал на кнопку пуска. Мотор зарычал с пол оборота. Степка поднял большой палец. Глеб повозил пальцем по сенсорной панели, выстраивая маршрут. Потом включил инфракрасный прибор ночного видения и взялся за рукоятки.

— Поехали?

— Вперед!

Мотор плавно набрал обороты, Глеб повернул рукоять. Гусеничная машина легко развернулась на месте и выползла из кустов на асфальт, а потом, ускоряя ход, поехала по шоссе, подминая юные деревца и легко перескакивая ямы.

— Едем! — радостно заорал Степан.

Глеб кивнул головой. Они ехали в Дмитров.

— Ай! А мы отсюда уедем?

— Не знаю, малыш, как получится.

— Это папа делает так, чтобы получилось?

— Да. И Степа. А мы должны им помогать.

— Как?

— Не приставать с глупыми вопросами и болтаться под ногами. Это к вам, братцы-кролики, относится.

— А мы к кому-то пристаем?

— Мы вообще рюкзаки собираем! И даже есть не требуем!

— Еще не заработал.

— Ты это моему животу скажи! Знаешь, как он булькает! Хочет чего-нибудь переварить, а нечего!

— А там, куда мы поедем, небо голубое?

— Не знаю, Полли.

— А лошадки там есть?

— Не знаю, Бель.

— А море там теплое? В нем купаться можно или тоже радиация плавает?

— Стас! Ставь греть суп!

По обочинам мелькали то черные деревья, то черные остовы сгоревших домов. Лишь едва светящаяся полоса отбойника говорила о том, что они едут по дороге. Машина, хоть и

на гусеничном ходу, шла очень мягко. Степка удивился:

— Думал, весь зад отобью. Как на тракторе.

— А ты ездил на тракторе?

— Ну да, в деревне у бабушки.

— Почему она оставила тебя у матери?

— Так не дали забрать. Я и сам бы у нее остался. Она хоть кормила. Молоко, плюшки, котлетки...

— Амортизаторы.

— Что?

— На машине амортизаторы.

— А-а.

— Подъедем к посту, говорить буду только я. О чем бы тебя ни спрашивали, молчи.

— Типа, немой?

— Типа, да. Смотри, справа канал. Сейчас подъедем к Икше. Через часик будет светать.

Нам проскочить бы...

При въезде в темный город, где был разворот и железнодорожная колея, светился отраженным светом шлагбаум. И он был опущен.

— Молчишь!!!

Глеб ловко обогнул сидящего Степку и открыл наружу люк.

— Хей! — крикнул он в безмолвную черноту.

— Kas tur? (Кто там? — латыш.)

— I don't understand you are saying... (Я не понимаю тебя — англ.)

— Where are you from and where you're going? (Откуда и куда? — англ.)

— Intelligence... (Разведка — англ.)

Шлагбаум поднялся. Глеб, весь мокрый, рухнул на кресло водителя.

— Ну что? — шепотом поинтересовался Степка.

— Едем.

Двигатель заурчал, разгоняя по асфальту тяжелое железо, и машинка двинулась дальше по шоссе.

— Карту доставай, будем смотреть, куда и где поворачивать.

— Смотри, Глеб, шлюзы! Они такие старые! Их еще делали, когда прокладывали канал заключенные!

Глеб повернул голову к Степану. Красная приборная подсветка делала его бледное лицо неправдоподобно inferнальным.

— Хочешь поучаствовать?

Степана передернуло:

— Я как представлю Полинку, Белочку, Айку... Господи! — Степан с тоской посмотрел в потолок. — Только бы вырваться!

— Тогда не зевай! Нам сюда. — Черная машина сползла с дороги и, набирая обороты, начала карабкаться вверх по холмам Клино-Дмитровской гряды.

— Ты уверен, что нам сюда? Темно, как в коллекторе!

— Не уверен. Но нам сюда. Здесь раньше был небольшой аэропорт. Частная авиация, спортивная... Полоса хорошая для небольших самолетов.

— Глеб, ты решил полетать над Москвой?

— Степа, думай лучше. Они все разбомбили. Все большие аэропорты. Полосы завалены

обломками. Так скажи мне, откуда тогда появляется пополнение с Востока и Европы?

— Прилетают?

— Вот! И мы должны с тобой найти аэропорт. У меня было два варианта. Жуковский и Дмитров. В Жуковский нам не пройти. Скорее всего, у них там главная база. И шли они с той стороны. А здесь может быть запасной аэродром.

— Ты хочешь захватить самолет?

— Если он там будет, Степа.

— А...

— Не знаю, мой мальчик.

— Надюш, веди Полинку спать. Мальчики, хватит тереть полусонные глаза. Наши приедут еще не скоро.

— Давай, я на гитаре поиграю? Белочка лучше уснет!

— Арсений! Не испытывай мое терпение. Если сейчас не пойдешь в кровать, я тебя вместе с гитарой отправлю наверх.

— Джеку песни петь?

— Круто! Арсюха играет, стая — воет! Давай билетики продавать?

— Кому, тупая башка? Волкам на выступление собак? И ждать, кто кого быстрее схарчит?

— Тёма и Кирилл! Я начала обратный отсчет.

— Потом кинешь гранату?

— Подниму рано. Нам хотя бы еще два велика нужно. С припасами и малышкой на четырех восьмерым далеко не уехать.

— Семерым. Арсюху на плечи посадим!

— Акробатический номер! Слабонервным не смотреть! Степан крутит педали, на плечах — Арсений с гитарой, на нем — Полинка песни поет.

— А сейчас пока пою я. Тёма, а где у нас веник?

— Бить будешь? — соорил грустную мордашу Тёмка.

— Тебе дам. Ночь длинная, уборки много...

— Я — спать!

— И я.

— Вот оно — счастье!

— Глеб! В окнах свет!

— А теперь — заезжаем вот в эти симпатичные кустики и идем на разведку.

Это был корпус какой-то базы отдыха с большим холлом внизу. Глеб и Степан подошли и осторожно заглянули в освещенное окно. На обшарпанном паркете стояли когда-то дорогие кресла и круглый столик. В стене присутствовал незажженный камин. От красивой люстры остались осколки и две электрические лампы, светящие в полнакала. За углом гудел генератор. За столом сидело несколько человек в расстегнутой у ворота черной форме. Они играли в карты и изредка перебрасывались английскими словами. Створка окна по летнему времени была открыта, поскольку уровень радиации здесь был не критичным.

— Я пас. Что-нибудь раскопали?

— Пока нет. Я не думал, что столько крыс выживет после десятка ракет. А они не только выжили, но и активно сопротивляются.

— Да, Лис, когда привезут подкрепление?

— Хочешь сказать, пушечное мясо?

— Крыс тоже надо чем-то отвлекать. На днях делали фотосъемку и измеряли уровень радиации над центром.

— И?

— Только в высшей защите.

— Тогда привлечем энтузиастов, как в Вене?

— В Вене не стреляли. — После паузы сказал один из игроков, выкладывая на стол свои карты.

Мужчины откинулись на спинки кресел.

— Винца?

— Нет, я тут ездил на зачистку, попался интересный дедок. Откупался «самогоном». Говорят, отличное русское пойло. Я взял бутылку. Попробуем?

Степка под окном потер руки. Слово «самогон» он знал с детства.

Через полчаса «пробований» разговор оживился. Карты были брошены в сторонку, и разговор плавно перетек на женщин. Степка скучал, не понимая ни слова. Зато Глеб слушал внимательно. Сдерживающий болтовню рассудок давно утонул в чистых волнах деревенского традиционного напитка.

— Слышали, скоро прилетает Сама.

— Да ты что? И когда же?

— Через два дня. Работы тормозятся, и ей это не нравится.

— Туда?

— Нет, говорят, к нам. Ин-спек-ти-ровать. — С трудом выговорил один из мужчин.

— Все им мало! Весь мир ограбили и испоганили! Сидят себе, в своем Буэнос-Айресе золото считают, да картинами любят!

— И что за радость жить вот так, без чистого неба?

— Говорят, им без разницы.

— Теперь только на картинах и осталось.

— А еще говорят, — один нагнулся над столом, приблизив красное лицо ближе к собутельникам, — она и другие из центра — не люди!

— А кто?

— Г-гуманоиды! Какими бы президенты и армейские дураками не были, все равно не смогли бы подстроить одновременный пуск ядерных ракет по всему миру!

— Компьютеры!

— А теперь их нет. Ничего нет.

— Вот увидите, соберет она все ценности, а нас — в расход.

Мужчины опять откинулись на кресла и задумались.

— Русские — молодцы. Даже дети и бабы стреляют.

— У них — метро глубокое. Хрен выковыряешь кого оттуда.

— А от нас она чего хочет?

— От тебя — ничего. Будет смотреть рабов, ну и брюлики свои заберет.

— Ты мечтал, чтобы она от тебя что-то захотела? — один из сидящих расхохотался. — Видел я ее. Издалека. Глаза страшные, черные.словно колодцы. Смотрит, словно душу перетряхивает. И рабы после нее тихие-тихие.

Толстый мужчина налил себе самогона и выпил сразу стакан.

Все посмотрели с уважением.

— Сиди, я сейчас. — Глеб метнулся за дом. Там легонько стукнула дверь.

Степка снова устался сквозь ветки в окно.

В дверном проеме показался Глеб в шлеме, но с расстегнутым воротом. Он положил руки на косяк.

— Угу, — сказал он по-английски. — Небось, на летающей тарелочке порхает? Как втянет пси-лучом — плакали наши цацки?

— Почему пси — лучом? — Спросил того один из собутыльников. — Нормально летает. На Боинге. У нас и цистерна с топливом стоит. И заправщик.

— Значит, через два дня? Посмотрим, что за баба. Может, я ей понравлюсь?

— Не дури, красавчик. Ты новенький доктор, что ли? Вон, сходи к рабыням, пока их не увезли. Такие конфетки попадаются! Шоколадку возьми, они оч-чень голодные! — сказал один из сидящих и захохотал.

— Уговорил. — Глеб развернулся и вышел из комнаты.

Когда он подошел к Степану, лицо у него было белое, а губы крепко сжаты.

— Поехали! У нас всего два дня!

С утра Артем с Кириллом и Арсюхой отправились за велосипедами. Надя с Таней выставили у стенки рюкзаки с крупами, одеждой, котелком и прочими необходимыми составляющими снаряжения. В отдельном мешке лежала упакованная палатка с надувным матрасом.

— Ну и как мы это все попрем? — грустно осведомился Стас. — Оно ж неподъемное.

— Не знаю. — Подперла рукой щеку сидевшая у стола Айка. — Я вообще не представляю, как отсюда можно сбежать.

— Может и правда, натащим жратвы, задраим люки и пересидим? У нас озеро есть.

— Стасик, а бензин? Куда мы здесь его будем сливать?

— А если нас будут бомбить? — Тихо спросила Надежда.

— Может и правда, лучше остаться? Здесь уже и быт налажен...

Велосипеды вместе с ребятами прибыли быстро. Артем с Кирюхой, практически не скрываясь, добрались до убежища верхами.

— Кого бояться? — Вопросил Тёмка, разводя в сторону руки. — Волков? Так мы с ними замирились! А больше и некого!

— Я уже застоялся, и вольный ветер перемен зовет меня за собой в дорогу! — запихивая в один из рюкзаков томик Майн Рида, вещал Кирилл.

Когда день окрасил закатными лучами тусклые облака, в подземелье появились Глеб и Степан. Черная форма была несколько запачкана, поэтому они оставили ее в прихожей, вымывшись и переодевшись в домашнюю одежду.

Стас поставил на стол тарелки. Разведчики молча ели, а все ребята, рассевшись вокруг большого стола, тихо ждали.

— У нас есть шанс. — Наконец, отодвинув тарелку, сказал Глеб. — Небольшой.

Он оглядел огромные рюкзаки.

— Расклад такой: остаемся здесь — и нашей жизни останется полгода. Подмосковье занято оккупантами. Людей ловят и куда-то увозят на работы. Итогом этого — смерть. Есть почти призрачный шанс выжить. Но он действительно призрачный. Но — шанс. Идти надо завтра часов в десять. К ночи доберемся до Дмитрова. Там будет самолет. Можно попытаться его захватить. Охрана — спокойная и ленивая. На самолете прилетает Босс. Они, конечно, зашуршат, но там нет сопротивления, и гадостей не ждут.

Глеб встал со стула и, взяв на руки Беллу, отошел от стола к ее кровати и прилег на

подушку:

— Расскажи мне, дочка, сказку!

Белла взяла ручкой его волосы и, перебирая, начала что-то рассказывать. Полли устроилась рядом с Беллой. Куклины волосы были забыты. Девочки вместе разбирали Глебову косу. Арсений прижался к Степкиному боку, заглядывая ему в глаза:

— Степ, а там было страшно? А какие они, эти солдаты?

Артем и Кирилл сосредоточенно собирали пазл.

Сидевшая на стуле Татьяна решительно поднялась и сказала:

— Я подумала. И я остаюсь.

— Тань, ты чего? — Спросил Кирилл.

— Обосную. Здесь все есть. Есть налаженный быт. Здесь такая жизнь. Другой я не знаю. Что я буду в ней делать? Я никуда не поеду.

— Глеб! — обернулся к старшему другу Степан. — Давай, садись к столу, будем решать.

Глеб встал, посадив девчушек на кровать и сунув им в руки по кукле. Затем сел к столу.

— Ай, что думаешь?

Айка потеряла кончик носа. Он в ответственных случаях всегда чесался.

— Если есть шанс, его надо использовать ради Беллы, Полинки, Арсюхи. Они доживут до того времени, как небо станет снова голубым. И, знаете, — она улыбнулась, — я тоже хочу увидеть Солнце. И Луну. И звезды. — Она опустила голову. — Наши мальчишки должны научиться любить. Чтобы теплые и нежные ладони прикасались к их щекам. Чтобы любимые глаза смотрели на них с восторгом и обожанием. Я хочу, чтобы все мы были счастливы. — Айка выпрямилась и обвела глазами задумчивые лица. — И для этого я сделаю все, что в моих силах.

Она посмотрела на Таню.

— У тебя остались на раздумье сутки.

— Я приняла решение и не поменяю его. — Чистой и светлой улыбкой улыбнулась Татьяна.

— Ладно, как знаешь. Степ, — Айка улыбнулась хмурому парню. — Неси гитару. Мы что-то совсем забросили музыкальные вечера!

Арсюха вскочил и бережно принес инструмент. Степан нежно погладил коричневые блестящие бока. Пробежал по струнам пальцами.

— Береги ее, Тань.

У девушки на глазах блеснула слезинка. Она смахнула ее: — Обещаю!

Степа за этот вечер перепел все, что знал. Ему с удовольствием подпевала вся компания, даже Глеб и Белла. Устав, он отложил инструмент.

— Айка! Не отлынивай! Пришло время вечерней сказки!

— Хорошо. Но я расскажу не сказку, а маленький детский стишок. Пусть он будет нашим напутствием и верой в то, что мы справимся со всеми препятствиями, и попадем туда, где будем счастливы! Слушайте:

Тебя уносят крылья чаек
В страну, где радостно встречают,
Кто ждал чудес.
И если верил ты отчаянно,
То показался неслучайно

Тебе дремучий лес.
Русалка со скалы нырнула,
На солнце, видимо, уснула.
Теперь укрылась в грот.
Ей камбала, подплыв, шепнула,
Что радуга с небес мигнула:
Корабль идет.
Там принц прекрасно-окаянный,
В своей одежде златотканой,
Смутил покой
Девиц морских непостоянных,
Русалок юных и желанных —
Вот он какой!
Там Бабка-Ежка ходит-бродит,
Детишек брошенных находит,
Создав приют.
И те, не в страхе, на свободе,
Растут, играют на природе.
Их очень ждут
В дружине Князя Городского
И в замке Витязя Морского:
Им много дел!
Хранить порядок Божьим словом,
И кров показывать всем новым,
Кто прилетел!
Здесь каждый день встречают песней,
И солнцу радуются вместе,
Сойдясь на пир.
И чайки реют в поднебесье...
Страны не видел я чудесней,
Чем этот мир!

Это ты про Крым! — захлопала в ладошки Полинка. — Я так хочу туда попасть! Белочка говорила, что там живет море!

— Да. — Важно сказала Белла. — Море помнит всех своих детей и очень ждет к себе в гости!

— Но мы там никогда не были! — засмеялся Кирилл. — Значит, нас, как излишне прихваченное, погрузят в ящики и отправят обратно? За отсутствием надобности?

— Нет, на обратную дорогу бензина не дадут.

— А что тогда дадут? — поинтересовался Арсений.

— Пинка. И по шпалам, Арсюха, по шпалам...

— Глупые вы все какие! — Возмутилась Надя. — Если не верить в мечту, то и незачем все это затевать!

— Точно. Молодец, Надежда! — Согласилась Айка. — И, знаете, если очень-очень верить, то сказки обязательно сбываются. И вообще, Кирилл, не портить хороший вечер. К тому же, мне все обещали сразу лечь спать.

— Да. — Степан встал. — Завтра решающий день. Как думаешь, Ай, наша сказка сбудется?

Айка улыбнулась и пожала плечами:

— Все в наших руках, Степа.

Но потом парень помедлил, обернулся и посмотрел на Таню:

— Возможно, мы еще встретимся.

Глава шестнадцатая. Побег

Почти все рюкзаки остались сиротливо стоять вдоль стены, когда Айкина команда в черной форме поверх комбезов, обвешавшись оружием, взялась за рули велосипедов. Глеб решил не брать ничего, только воду во флягах и медикаменты. Белле, Полине и Арсению Темка сделал из проволоки и резины шикарные сидения на рамах. Каждый из них по очереди молча обнял Татьяну, поскольку все уже было сказано. И, бросив последний взгляд на убежище, они тронулись в путь к Дмитровскому шоссе. Перебравшись через пути, они остановились, оглянувшись на покидаемый город. Полинка сморщила носик:

— А мы немного покатаемся и вернемся домой к Тане?

— Да, Полли. Мы решили просто покататься.

— Смотри! — вдруг зашептал Арсюха. — Уши! Там — Джек!

Все посмотрели в сторону бетонных глыб, свалившихся с эстакады.

— Прощай, Джек. — Тихо сказала Айка. — Будет туго, проситесь к Тане. И ей веселей и вам теплей. Спасибо тебе за все!

Все дружно взяли за рули велосипедов, как из-за высокой травы, окружающей бетонную крошку, выкатился толстолапый серый щенок с голубыми глазенками. Он был одет в серо-желтую пушистую шубу. На широкой мордочке была черная маска. Розовый язычок подрагивал в раскрытой пасти, в которой виднелись острые белые зубы. Кутеныш, переваливаясь с боку на бок, подбежал к Айке и ткнулся в ее штанину носом.

— Ну ничего себе! — Артем всплеснул руками. — Джек! Ты нам отдаешь своего ребенка?

Уши за глыбой дрогнули, и в щели показался красный глаз.

— Джек! Но мы не знаем, что с нами будет! Вдруг мы не прорвемся?

— Он говорит, что хочет, чтобы его сын остался жив и продолжил его сильный род. Он будет послушным и верным. — Сказала Белла. — Ай, мы должны его взять!

Айка нагнулась и подняла под пузико теплый лохматый комок:

— И ты, дитя, на нашу голову! — Псеныш завилял хвостиком и лизнул Айку в нос.

— Чудо! — Девушка растегнула форму и комбез. Заправила туда щенка. — Лежи и не дергайся. А то выброшу! — Строго сказала она. — Джек! Как зовут твоего сына?

— Архан. — Перевела Белла. — Я сказала, что мы о нем позаботимся.

— Спасибо, Джек. Будь здоров! Хорошей охоты и долгой жизни. Таню не забывай! — Глеб сел на велосипед, закрепив на груди сидевшей перед ним Беллы страховочный ремень. Степан пристегнул Полинку. Арсюха ехал сзади Артема.

— С Богом!

И ребята начали крутить педали вслед за головным велосипедом Глеба, выбирающего оптимальную дорогу. Песик повозился, устраиваясь поудобнее, и, высунув голову из распахнутого ворота, с наслаждением следил за дорогой.

Через час они подъехали к каналу.

— Ребята! — сказал Глеб, когда они слезли с велосипедов и затолкали их в щель между остатками свода моста и насыпью с кустами. — Сейчас мы пойдем по подвесному мосту. Это не страшно. Главное — не обращать внимания, на то, что внизу. А просто идти. На тросах должен находиться только один человек. Поэтому, только когда впереди идущий спрыгнет на землю, на трос заходит следующий. Ясно?

Ребята переминались с ноги на ногу, посматривая на три тоненькие веревочки, висящие над черной водой с кусками бетона.

— Это я здесь должен пройти? И другой дороги нет? — Почесал капюшон комбеза Артем.

— Ты можешь остаться. — Предложил Кирилл. — Но на самолетике с нами не полетаешь.

— Веский аргумент. — Согласился Темка. — Я пошел?

Глеб поднял в изумлении бровь. Посмотрел на обувь, комбез и перчатки Артема. Потом одобрительно кивнул: — Иди!

Тёма аккуратно встал ногой на трос и взялся руками за два других. Подтянул вторую ногу, словно пытаясь прочувствовать ритм. И медленно, осторожно перебирая руками, пошел через канал. Не запнувшись и не задержавшись нигде, минут через пятнадцать он спрыгнул с той стороны.

— Кирилл! Пошел!

Парень тоже аккуратно встал на струну ногами. Сосредоточился и пошел. Потом ушел Степан с Полиной, закрывшей глаза и крепко обнявшей парня руками и ногами. Когда подпрыгивающая Полли помахала с того берега, Глеб сказал:

— Надя, иди!

Надежда стояла бледная и замершая. Глаза у нее были закрыты.

— Надя, пора!

Надя открыла глаза и страдальчески скривила рот: — У меня голова кружится!

— Как знаешь.

На этом берегу оставались Стас, Глеб с Беллой, Арсюха, Айка со щенком и Надя.

— Пойду я! — внезапно маленький Арсюха выскочил вперед и, легко перебирая ногами и руками, почти побежал по тросу.

— Вот что делает, сорванец! — зашипела, кусая губы, Айка.

— Не бойся. У него хорошо получается. Он смелый мальчишка. И, похоже, совсем не боится высоты! — положил ладонь на Айкино плечо Глеб.

Маленький щен высунул нос и зарычал.

— Ого! — Глеб сразу снял руку. — У тебя появился ревнивый кавалер!

— Да-а... — улыбнулась Айка. — У меня теперь есть настоящий мужчина! Защитник и рыцарь!

Глеб странно на нее посмотрел:

— У тебя защитников — полный дом!

— Так это у Дома! А то, — она поправила сползший под ремень собачий зад, — у меня лично! Знаешь, как вдохновляет!

Арсений тем временем перебрался на ту сторону и махнул рукой.

— Стас?

Тот кивнул и, закусив губу, встал на трос. Шел он медленнее, но как-то основательней. Тросы даже практически не трепыхались и не гудели. Когда он спрыгнул и махнул рукой, Глеб посмотрел на девушек.

— Иди. — кивнула ему Айка. — Мы — быстро.

И Глеб с дочкой заскользил по канатам.

— Надя, — начала говорить Айка. — Он тебе нравится?

Девушка кивнула:

— Ты же знаешь!

— Тогда смотри: вдаль уходит мужчина твоей мечты. Понимаешь, Надя, если ты не сможешь ответить его чаяниям и надеждам, то ты ему будешь не интересна. Понимаешь, и мужчины, и женщины всегда обращают внимание на более сильных, более ярких людей. Тех, от которых можно почерпнуть энергию, тепло, защиту, знания, в конце концов. Человек в нашем мире очень одинок. И он всегда бессознательно ищет того, с кем можно воплотить мечты о единстве, близости и любви. Он для тебя — защитник, покровитель. А ты для него кто? Надя? Если даже не хочешь ради любви пройти по проволоке? Танька ради Степана не захотела. И знаешь, что было бы дальше, если бы вдруг они остались вместе?

— Что? — прошептала Надя.

— Таня бы снова ушла к волкам, а Степку застрелили.

— Почему?

— Думай сама, а я пошла. — И Айка положила руки на металлический трос.

— Ай! — крикнула Надя. — Я пойду вперед. Можно?

Девушка убрала ногу, уступая место Надежде. И та, со слезами на лице, дергаясь и нервничая, пошла по шатающемуся мостку.

Айка присела на камень и пощекотала щенку подбородок.

— Ты, мой рыцарь и вечный страж! Мой маленький пушистый комочек! Когда вырастешь и станешь могучим псом, мы будем вместе ходить по дорогам и спасать людей. А если к нам прибьется мужчина, то будет для нас третьим лишним! И знаешь, почему? Потому что я хочу, чтобы меня любили просто так, а не за силу, волю и красивые восточные глаза. Не за то, что я приютила или дала поесть. Не от того, что я что-то имею в этом безумном мире! Но такое — просто невозможно... А вот и наша трусишка до берега добралась. Так что закрывай глазенки и — вперед!

Когда Айка добралась до противоположного берега, на асфальте уже стоял заведенный БТР. Надя со счастливым лицом сидела на броне рядом с открытым люком, в котором стоял Глеб. Увидя Айку, он крикнул:

— Малышей — внутрь. Степан — ко мне вторым водителем. Айка, ты, кроме турецкого...

— Английский, но хуже.

— Если что — отбrehивайся разведкой. Поехали!

Детей посадили внутрь машины. Все остальные схватились за ручки и прилипли к броне.

— Стрелять только в чрезвычайных случаях! — прогудел изнутри голос.

— О'кей!

В сумерках они подъехали к икшинскому блок-посту. Глеб затормозил. Айка выпрямилась, держась рукой за скобу, и рявкнула:

— Opened quickly! fresh data for staff... (Быстро открыли. Новости для штаба — англ.)

— I'm now! — закричал тощий паренек, выбегая из сарайчика и на ходу вытирая рот.

— All eat and do not choke... — проворчала Айка. (ест и не подавится — англ.)

Шлагбаум взмыл в вертикальное положение, и машинка поехала дальше.

Привычное темное месиво заволочло все небо, когда они вползли к аэропорту. Заглушив двигатели, Глеб со Степаном и малышами вылез из машины.

— Вы как? Не укачало?

— Нет! — улыбнулась зеленоватая Надя.

— Тогда слушаем меня внимательно. В полукилометре — взлетная полоса. Самолет должен был уже прилететь или прилетит сегодня в ночь. Нам необходимо снять охрану... Кто-нибудь из вас человека раньше убивал? — Глеб посмотрел на этих с трудом выживших мальчиков и девочек. Дети!

— Я убивала. — Айка твердо посмотрела в синие глаза Глеба. — Они были маленькие, мы с отцом пошли за продуктами. Пришлось отстреливаться. — Она пожалала плечами.

— Тогда так. Ай, желательно — не стрелять, иначе поднимем тревогу. Ножом владеешь?

— Нет.

— Плохо. Будешь меня прикрывать, если что... Идем ко взлетке, снимаем охрану, там по обстоятельствам. Пока мы с Айкой работаем, Степан — прячешь всех и ни звука. Все. В путь.

И они двинулись в сторону аэропорта.

Когда они поднялись на пригорок, то в черноте ночи увидели серую ленту взлетной полосы, рулежные дорожки, стоянки и неразрушенные ангары.

— Смотрите! — крикнул Арсюха, оборачиваясь назад. Когда все оглянулись, то увидели выскочившую из туч звезду носового прожектора приближающегося самолета. Послышался гул турбин. Взлетная полоса сразу осветилась навигационными огнями.

— Сажают! Значит тут есть диспетчер... — подумал Глеб вслух.

Самолет, тем временем, оглушив их своим ревом, уже бежал по бетону. Когда он остановился, посадочные огни погасли. Глеб поднес к глазам бинокль ночного видения.

— Ну что там? — дернул его за рукав Арсений.

— Выходят и их встречают. Уводят к домам. Вышел пилот и направляется к тому домику со светящимися окошками. Пришла охрана. Засаедем полчаса.

Глеб повернулся на спину и посмотрел в небо.

— Дочка, ты хотела бы полетать, словно птица?

— Да, папочка. Но в этом мире так нельзя.

— Как ты считаешь, у нас получится подняться в небо?

— Небо надо завоевывать, папочка. Оно покоряется смелым и сильным.

Глеб развернулся и посмотрел на дочь.

— Откуда ты знаешь?

— Там, куда я прихожу к маме, так говорят люди с крыльями. Ангелы. Они, когда маленькие, тоже не умеют летать. А взрослые их учат. А им и хочется, и страшно. Но потом они взлетают... Это так красиво! Голубое небо и белые существа в нем!

— Тогда ради моего ангела я завоюю небо!

— Конечно, папочка. У тебя все получится.

Айка слушала и молчала. «Неужели она видит ангелов?» Надя сидела рядом и тряслась крупной дрожью. Почувствовав Айкину руку, жалко улыбнулась и пожалала плечами: «ну не герой я!». Мальчишки сидели смирно и ждали команды. Айка достала из-за пазухи теплый уснувший комочек и отдала Наде:

— Головой за него отвечаешь!

Надя быстро спрятала маленькое тельце под комбез и, вздохнув, расслабилась.

Глеб посмотрел в бинокль, потом — на часы.

— Идем, Айка. Запомни — стрелять в крайнем случае. Вот. — он нашел ее руку и вложил в ладонь острый нож с узким лезвием.

И они потихоньку пошли с холма.

Первого часового Глеб снял так, что тот даже не понял, как очутился на небесах. Второй все-таки услышал скрип камня под ногами и, успев обернуться, увидел блеснувшую сталью смерть. Айка шла сзади и оттащивала трупы в сторону со светлого бетона. От последнего, при виде Глеба рухнувшего на колени, тот узнал, что до зари важные гости отдыхают в гостевом доме при аэродроме. Тогда, пригрозив тому, чтобы не орал, Глеб ударил его рукоятью ножа по голове. Мужчина тут же обмяк, и они вдвоем затащили его в кусты.

— Порядок. — прошептал Глеб. — Плохо, что они все остались здесь. Но все равно рискнем. Я иду за ребятами. Ты — вон туда, на вышку. Если там кто-то есть, заставь включить огни на полосе. Если нет — ищи сама. Но огни должны быть.

— А пилот?

— Я за него. — Глеб улыбнулся и, обняв девушку, крепко прижал к груди. — Только бы получилось. Да. Двигатели я не завожу, пока ты не включишь огни. А потом — беги, что есть сил. Поняла? — Он тревожно посмотрел ей в глаза. — И помни, я буду ждать.

Он отстранился и, последний раз оглядев ее всю, побежал на холм. Айка, задыхаясь от волнения, в другую сторону, к вышке. И где она там найдет эти выключатели?

Дверь, слава всем Богам, оказалась не заперта. Айка потихоньку, стараясь не топтать, полезла вверх, в диспетчерскую. Там никого не было. Темно и тихо. Она достала маленький карманный фонарик и заскользила лучом по оборудованию, внимательно рассматривая пиктограммки сверху. Наконец, после получасовых поисков и сомнений, она нашла вроде бы подходящий рисунок и щелкнула тумблером. Но ничего не произошло. Полоса была невидна.

— Где тогда тут дебильный рубильник или кнопка питания? — она все губы искусала в ужасе от того, что из-за нее может сорваться их побег.

Наконец она догадалась мазнуть лучом по стенам и увидела обычный электрический щиток, как у них в старом доме. Она подскочила к нему, распахнула и увидела рычажок, над которым было написано: ON. Трясущейся рукой она повернула его направо. Тут же в зале вспыхнул, показавшийся ей ослепительным, свет. Она, не скрываясь, да и чего уж теперь, щелкнула двумя тумблерами на пульте. И взлетная дорожка озарилась огнями. Она подбежала к окну: там, по бетонке, к самолету бежали маленькие фигурки. Она развернулась и бросилась к выходу. Распахнув дверцу вышки, услышала гул самолетных двигателей.

«Завел!» — промелькнуло в ее голове.

И тут двери гостевого дома открылись, и из него вышли люди. Айка бежала так, как не бегала никогда в жизни. Главное — успеть в самолет, пока не начали стрелять!

Дети уже были внутри, и лишь Степан прикрывал их отход.

— Степа! Бежим! — крикнула она, подлетая к нему.

Но вдруг сквозь ветер и рев турбин раздался ровный металлический голос:

— Стоять!

Айка удивилась и дернула Степана за рукав. Но тот стоял, словно скала. Глаза парня превратились в два стеклянных шарика.

— Идите ко мне! — позвал тот же голос и Степан, бросив автомат, пошел навстречу голосу. А потом — побежал. Айка, пряча за его спиной свое оружие, за ним. Степа подошел к толпе наемников и остановился от них в двадцати шагах. Все тот же голос укоризненно произнес:

— Разве так можно поступать? Вы — плохие мальчики и будете наказаны.

Айка высунула нос из-за спины друга. Прямо перед ними стояла женщина, ростом выше их всех. Гибкая и красивая фигура обтянута серым плотным одеянием. Но самое неприятное в ней было — это глаза. Даже в ночной темноте Айка видела два бездонных провала, колодца, куда втягиваются чужие мысли и воля.

Степа упал на колени. Толпа вокруг женщины молчала, опустив головы и замерев. «Да что же это с ними?». Но раздумывать было некогда. Рев двигателей сзади просто кричал, что им пора. И тогда Айка сняла автомат с предохранителя, уперлась ногами в бетон и нажала на курок. Ночь сразу взорвалась огненным вихрем. Айка видела, как упала женщина. Как взялся за голову Степан. Как падали стоящие рядом с женщиной мужчины. Когда в магазине кончились патроны, и не осталось ни одного стоящего на ногах человека, Айка пошла вперед и присела на корточки перед пробитым пулями удивительным существом. Женщина была окончательно мертва. Одна пуля попала ей в лицо и снесла часть щеки. Оттуда торчали зубы. Острые, как у акулы, и голубоватые. Глаза потускнели, став плоскими. «Словно выключили экран телевизора» — всплыла в Айкином мозгу ассоциация. Из разорванной шестипалой кисти стекала кровь. Цвет ее был голубым. Попад на землю, одежду и другие тела, она пенилась, разъедая органические соединения. Айка встала и, осторожно отойдя назад пару шагов, подбежала к Степе. Тот все сидел, сжимая голову. Девушка подняла ему подбородок и заглянула в глаза.

— Ты убила ее... — простонал он. — Самое дорогое, что было у меня на свете!

Из его глаз брызнули слезы. Айка развернулась и, что было силы, врезала ему кулаком по лицу. А потом приказала:

— Встать!

Степан медленно поднялся с колен.

— Кругом! Вперед! Пошел! — Ткнув под ребро, она заставила его ускорить шаги.

Зайдя в самолет и заблокировав дверь, она прошла в кабину пилота:

— Взлетай, Глеб! — и рухнула без сознания на пол.

Очнулась она от противного запаха. После этого включился слух, и девушка услышала ровный гул. Ощущения тела были странными. Она полулежала на чем-то мягком, но при этом была крепко к этому мягкому придавлена. Сделав над собой усилие, она открыла глаза.

Айка посмотрела вокруг, и на себя. Она находилась в мягком самолетном кресле. Над ней стояла Надя с вонючей ваткой, ощущаемой даже издалека. На животе лежал щенок и тоже благоухал немойтой псиной. «Странно, что я это почувствовала только теперь». — Вяло удивилась Айка.

Рядом сидел Кирилл, а на полу, в ее ногах, Артем.

Заметив, что она очнулась, все заговорили наперебой:

— Наконец-то! — сказала Надя.

— Мы все видели, это было так круто! Ты так и поливала их из автомата! — восхищенно кричали братья.

— Где мы? — хрипло спросила Айка. Надя ей тут же дала попить из фляжки. Мозги немного прояснились, и она начала что-то вспоминать.

— Летим! Представляешь, мы летим! — С восторгом сообщили братья.

— А Степан?

— А мы ему вкололи антидот, тут нашли, в аптечке! — поведала Надежда. — Видимо, эти твари обладают гипнозом!

— А наши дети?

— Спят! И Арсюха. Степка тоже спит.

Айка выпрямилась и убрала щенка за пазуху.

— Вы какую-нибудь пищу в самолете нашли? — приступила она к обязанностям главы семьи.

— Да, всех покормили. И твою собаку тоже. Ты будешь?

— Нет. Я хочу поговорить с Глебом.

Мальчишки ее подняли и повели под руки к кабине пилота.

Айка вошла и села в кресло.

— Ты как? — спросил Глеб, повернув к ней голову.

— Ничего. У нас все в порядке? Топлива до Крыма хватит? И вообще, ты знаешь, где мы находимся?

Глеб рассмеялся:

— Посмотри в окно, Айка. Ты там ничего не замечаешь?

Девушка повернула голову и посмотрела через стекло. Там, в бархатно — чернильной мгле сияли яркие разноцветные звезды.

— Господи, звезды... — она, привстав, вцепилась в подлокотник штурманского кресла.

— Да, Аюшка. Поэтому мы летим правильно. Кроме того, за эти десять лет я совсем забыл, что когда-то на орбите Земли летали спутники, передавая координаты точки, где ты находишься в данный момент. Это раз. А с помощью бортового навигатора легко можно рассчитать маршрут. Это два. А в-третьих, еще есть метеозонды, болтающиеся в атмосфере планеты и передающие погоду в режиме он-лайн.

— И это все еще работает? — Изумилась Айка.

— Вот так-то, сестренка. — Наклонился над ее ухом довольный Артем.

— Через час будем запрашивать аэропорт Севастополя.

Глава семнадцатая. Крым

Посадка сквозь плотную облачность и атмосферные вихри была сложной. Самолет болтало и трясло. Тем более, что Глеб не был профессиональным пилотом, а учился летать, в-основном, по симуляторам. Налет какой-то был, но на военных машинах, и явно недостаточный, чтобы управлять пассажирским лайнером такого класса. Спас команду авиадиспетчер, который чуть не подавился, услышав в пустом эфире голос Косарева.

— Диспетчерская Севастополя, борт хрен знает какой запрашивает посадку. Аварийную.

В наушниках хрюкнуло, и раздался кашель.

— Вы что, спите на посту, дебилы?

— Кто говорит? — раздался изумленный голос.

— На радар смотри! Эшелон 3000. Заходим со стороны Харькова. Это Косарев Глеб. Веди, родной! Я никогда не сажал Боинг!

Встречать чудом севший самолет прибежало и приехало все военное руководство Севастопольского гарнизона. На поданный трап сначала вышел Глеб. Огонь прожектора мигом осветил его лицо. Он невольно заслониł глаза рукой.

— Вот, чертяка! — раздалось снизу. — Живучий, скотина!

— Эй, — отозвался Глеб. — Без выражений, мужланы! У меня тут дети.

И тогда, следом, стали выходить Надя за руку с Полиной, Арсюха, рыжие волосы которого сразу заискрились в лучах света и каплях морозящего дождя, Стас, наоборот, натянувший капюшон поглубже. За ним вышел Степан, которого под руки придерживали Артем и Кирилл. Завершила процессию Айка с Беллой на руках и щенком за пазухой. Они медленно сходили по ступеням, разглядываемые чужими людьми. Глеб с кем-то обнимался, ругался и даже матерился. А они стояли и не знали, что делать. «Земля обетованная, а нужны ли мы тебе?» — задалась Айка грустным вопросом.

Потом из военных кто-то спохватился и им подогнали автобус.

— Куда? — недовольно спросил заспанный водитель, вырванный из теплых объятий дородной жены.

— В госпиталь. — Распорядился тот же чин. — Я позвоню главврачу, их разместят.

Ребята залезли в автобус, который тут же понесся по темным городским улицам. Все подавленно молчали.

Потом между деревьями мелькнули два фонаря и распахнутые настежь ворота.

— Вылезьте! — приказал водитель и открыл дверь. Затем автобус, взрыкнув старым движком, развернулся и уехал. Брюзгливому дядьке не было никакого дела до военных заморочек и чужих детей.

Они опять остались одни на темной улице.

— Ждите! — сказала решительно Айка и, поднявшись на крыльцо, двинула прикладом автомата в запертую дверь.

Грохот эхом прокатился по спящей улице.

Внутри зашаркали шаги.

— Кто там? — раздался тихий голос. — Вы что шумите?

— Здесь госпиталь? — рявкнула Айка. — Или богадельня?

— Госпиталь. — Голос упал до шепота.

— Открывайте на хрен! Иначе разнесу тут все к чертовой матери! — Вызверилась она.

Тапочки ушлепали, видимо, звонить.

Айка тогда достала из кармана пистолет.

— Подержи-ка, Надя, песика. Добавим блеска в местную жизнь. — Подняв в воздух ствол, Айка выпустила несколько пуль. Взрывающее тишину эхо понеслось между домов.

Через пять минут приехала машина с солдатами, окружившими их с автоматами наизготовку. Пацаны, затолкав детей в середину, тоже оцетинились стволами, встав спина к спине.

— Сдавайтесь! — заорал мужской голос.

— В ж...пу. — Ответила Айка. — Боишься, стреляй! — И, обращаясь к ребятам, сказала: — Какие же местные мужики боевитые — принесли с детьми воевать.

Голос заколебался:

— А у вас дети?

— Иди в зад и вызови начальство. — Емко ответил Темка. — Мы, до выяснения вопроса, никуда не поедем. Приблизитесь — будем стрелять!

Через пять минут молчаливого противостояния в ворота залетела машина с военными чинами и Глебом. Отправив словесно местных бойцов в те края, где Макар гонял телят, Глеб бросился к ребятам:

— Что вы успели натворить?

— Мы? — Айка сузила глаза. — Когда тебя, полудохлую сволочь, мы притащили домой, то не спрашивали паспорт и перечень свершений, а поверили на слово. А ты, увлекшись друзьями, даже забыл про свою дочь!

Глеб, сверкнув на нее глазами, подошел к чину и обрисовал создавшуюся ситуацию на великом и могучем.

Двери госпиталя тут же открылись, и испуганная тетка в белом халате со свечой в руках пропустила всю делегацию внутрь. Тут же нашлась комната для девочек и, на другом этаже — для мальчиков. Им показали, где душ и даже неуверенно предложили перекусить.

Когда чистые Белочка и Полинка видели десятый сон под накрахмаленным белым бельем, Надя, вместе с не до конца просохшим щенком, забрались на Айкину кровать.

— И что мы теперь здесь будем делать?

— Не знаю, Надь. Наверное, жить. Дадут какое-нибудь жилье, работу... Мальчишки пойдут в армию, кроме Арсюхи и Стаса. Детей возьмут в школы.

— Нас разлучат?

— Надь, не говори глупостей. Между прочим, кто-то решительно настраивался на завоевание сердца Глеба.

Надя грустно улыбнулась:

— Видела, как вокруг него забегали офицеры? Значит, и женщины тоже бегают!

— Здесь женщины какие? Незакаленные, домашние. Тихие и робкие. А мы с тобой? Прошли волков, радиацию и inferнальное чудище. Мы круче, девочка! — Айка подмигнула, заворачиваясь в одеяло. — Утро вечера мудренее!

А с утра за них взялись врачи. Таскали на анализы, осмотры. Качали головой и что-то бормотали на латыни. Потом их отпустили, накормили, в том числе псенка Архана, и усталые ребята снова завалились спать.

На следующий день к ним приехали военные. Собрали всех в зале и подробно все выспрашивали, особенно про даму с голубой кровью. Кстати, Степан пришел в чувство, но

был на редкость задумчив и молчалив.

А через неделю, когда были готовы анализы, и они уже отлежали на кроватях бока, к ним снова приехали военные. И собрали совет вместе с врачами.

— У нас есть новости для вас. Хорошие и не очень. Хорошие — это про то, что не смотря на истощение, все физические показатели в норме. Глеб, для тебя новость просто отличная — мы сделаем операцию твоему ребенку, и девочка сможет видеть.

Глеб улыбнулся, и Айка вдруг пригляделась к нему повнимательней. Вместо длинных волос на голове мужчины красовался короткий стриженный ежик. Смешной! А за маленькую Белочку она была очень рада. Теперь девочка сможет жить спокойной и полноценной жизнью без няnek и постоянной помощи.

— Я смогу забрать ее домой? — поинтересовался Глеб.

— Как хочешь. Операция не сложная и провести ее можно в любое время.

— Нет! — Вдруг громко сказала Белочка, сидящая у Нади на коленях. — Сейчас! Я хочу видеть лица моих друзей, пока они не ушли из моей жизни!

Взрослые изумленно посмотрели на Беллу. Видимо, говорить и что-то решать ей не полагалось.

— Как хочешь, дочка... — растерянно сказал Глеб. — Но там тебя ждут дедушка с бабушкой...

— Если бы они ее так хотели видеть, то давно бы приехали в больницу. — Отрезала Айка.

— Но они живут в Красноперекоске, это далеко...

— Ты туда ездил? Ездил... Но я не об этом. Пусть они увидят внучку не слепой калекой, требующей ухода, а прекрасной принцессой, вышедшей из сказки! А дети в городе пусть дерутся за счастье подержать ее за руку. — Айка фыркнула и откинулась на спинку жесткого больничного стула и сложила перед собой руки. Ребята и приехавшие взрослые дружно рассмеялись. А Глеб смотрел на девушку. Там, в московских подземельях, она казалась ему взрослой и самостоятельной. А сейчас, в больничном халатике, перед ним сидел худенький и маленький подросток, потерявшийся в здешних реалиях. Но темные глаза по-прежнему горели силой, уверенностью в своей правоте и отвагой. «Умница!» — неожиданно подумал Глеб.

— Хорошо. — Сказал один из врачей. — Тогда откладывать не будем и с утра, помолясь, начнем.

— Теперь об остальных. — Это уже сказал какой-то военный чин. — На полуострове военное положение. Людей у нас много. Их надо чем-то кормить и как-то охранять. Поэтому для Степана у нас есть два предложения: либо идти в армию, либо обрабатывать землю и сажать овощи. В-общем, тепличное хозяйство на материке. Кормежку и оплату гарантируем.

— Армия. — равнодушно выбрал Степан.

— Мальчики Кирилл и Артем. Вы еще несовершеннолетние, но достаточно взрослые...

— Мы бы хотели учиться и работать на производстве. Ремонтный завод у вас наверняка есть? — Спросил Кирюха.

— Думаю, мы можем это организовать. Школы у нас неплохие. А учениками на производство я вас устрою. — Кивнул головой какой-то чин при погонах.

— Дети Полина, Арсений и Стас. У нас есть интернат. Очень хороший. Там много детворы и интересных занятий. Как вы к этому относитесь?

Ребята всей командой посмотрели на Айку. Та кивнула головой.

— Мы хорошо относимся. Маленьким надо учиться. А тем, кто постарше, приспособливаться к новой жизни.

Полина всхлипнула и прижала к глазу кулачок.

— Полли! Детка, — Айка встала со стула и подошла к девочке. — Я вас всех обязательно возьму к себе, когда устроюсь сама. Но это — процесс небыстрый. Помоги мне немножко, ладно?

Девочка отняла от лица мокрые ладони и улыбнулась:

— Ты обещаешь?

— Полина! Когда я не исполняла обещанное? — Айка нахмурила черные брови.

— Хорошо, Аечка! Я поеду в интернат с мальчиками.

Взрослые, не выносящие детских истерик, облегченно вздохнули.

— Теперь Айше и Надежда. Вам мы можем предложить только парники.

Айка посмотрела на Глеба. Мужчина, нахмурившись, смотрел в больничное окно.

— Хорошо. — прошелестела Надя.

— Айше?

И Айка решилась.

— Господа, касательно меня, ситуация такая. Я точно знаю, что вы поддерживаете отношения с турецкими властями и даже заключаете какие-то договора.

Военные посмотрели на Глеба.

— Я слышала это в госпитале. Так что тайной подобная информация не является. И поскольку моим отцом был турок Шамил Доган, я бы хотела найти там своих родных.

Военные переглянулись.

— Ну, можно сделать запрос...

— Как вы работаете, я знаю. И повторюсь: Я хочу найти родных. Отец рассказывал, что он из большой и состоятельной семьи, живущей в Измире, в Каршияке.

Военные сразу начали переглядываться.

— Поэтому, говорю сразу: если не отпустите — убегу.

— Хорошо, мы подумаем и объявим свое решение.

— Думайте. — Согласилась девушка. — Пока Белочка не начнет видеть, я буду здесь, рядом с ней. В качестве компенсации проживания на территории госпиталя и еду для себя и собаки, могу убирать палаты.

— Ну, уборщицы у нас есть, а вот медперсонала не хватает. — Сказал один из медиков. — Может, Вы что-то умеете?

Айка наклонила голову и взмахнула черными ресницами:

— Уколы: внутривенно, внутримышечно. Капельницы. Промывания.

— Замечательно! — воскликнул врач. — Я забираю ее в свое отделение!

— В какое? — Айка послала ему солнечную улыбку.

— Хирургия... Гноя, крови и грязи не испугаетесь? Ассистировать сможете?

— Расскажите, где что лежит и как называется, смогу!

— Тогда я Вас никуда не отпущу. — Торжественно заявил доктор. — А комнату мы вам найдем в нашем общежитии. По рукам?

— Хорошо. — Еще раз выстроила радостную гримасу Айка.

— Забыли спросить, — это опомнились штатские. — Скажите, ребята, ваши фамилии.

— Арсентьев. — Сказал Степан.

— Аргунова. — Продолжила Надя.

— Ну а все остальные, — Артем обворожительно улыбнулся, — Доган. Простите, свидетельства об усыновлении не сохранились...

Полина сползла со своего стула и решительно взобралась на колени к Айке, подвинув щенка.

— Я тоже Доган! Вот.

— Да, моя маленькая. Ты тоже Доган. И поэтому будешь умницей. Поняла?

— Конечно, я же не малявка! Мне уже скоро семь!

Мужчины дружно поднялись. Степан сходил в палату и переоделся.

— Я готов! — вернулся он. Потом подошел к ребятам и всем пожал руки. Даже Полинке. К Айке подошел в последнюю очередь.

— Прощай.

— Прощай.

Он немного постоял и подумал.

— Я все знаю и понимаю. Но мое тело помнит то чувство экстаза, охватившее каждую клеточку, когда со мной говорила ОНА... Я осознаю, что это было внушение, но это было так... волшебное!

— Прости.

— Да, ты сделала то, что должна была сделать... но я не могу простить тебе эту пустоту в моей душе. Прощай, Айка.

— Я понимаю. Прощай, Степан.

И Степа, такой родной и близкий когда-то, повернулся и ушел, оставив повисшее в воздухе общее разочарование.

— Аечка! Я буду тебя навещать! — Надя бросилась на шею подруге.

— Я тебе всегда рада! А как же Глеб? — прошептала на ушко Айка.

Надя приблизила свои губы к Айкиным волосам:

— Это птица не моего полета. Я — воробей. Он — орел. Мы летаем на слишком разных высотах. Увы.

И девушки засмеялись.

— Заскочи, расскажешь, где тебя разместят!

— Конечно!

Айка попрощалась с остальными, взяв у военных и гражданских адреса интерната и общежития для мальчишек. И они остались с Беллой вдвоем.

— Я тоже хочу жить с тобой, Айка!

— А я хочу, чтобы ты, наконец, открыла глаза! Посмотрела на отца, на мир, бабушку и дедушку. Ручаюсь, они тебе понравятся.

В палату вошел Глеб, провожавший ребят. На его лице играла улыбка. Он сел рядом с дочерью, но обратился к Айке:

— Я бы хотел, когда Белке сделают операцию, ты поехала с нами в Красноперекоск.

— Зачем, Глеб?

— Просто. Посмотришь мой дом, познакомишься с родителями. У нас красивый город.

— И что дальше?

— Можешь там остаться жить.

— У тебя?

— Ну да.

— В качестве сиделки твоей дочери? И ты согласен мне за это платить?

— В качестве гостыи.

— И долго меня будут кормить бесплатно?

Глеб закусил губу и отошел к окну.

— С тобой тяжело.

Айка усмехнулась.

— Клевая стрижка. Тебе идет.

— Папа! Ты отрезал свои волосики?

— Да, детка. Ты рядом со мной, и все неприятности закончились. Такая долгая память мне не нужна. — Он повернулся. — И я надеюсь на более радостное будущее.

Он посмотрел на Айку. Та сидела рядом с Белкой и мило улыбалась.

— Ай, я хотел тебе сказать...

Тут в палату вошел тот доктор, который пригласил девушку на работу.

— О, время посещений уже закончилось, Глеб Анатольевич. Айше, пойдете со мной, я покажу вашу комнату и выдам форму. И к работе! У нас много дел.

— Хорошо. — Айка встала и достала из шкафа комбез и ботинки.

— Это все, что у Вас есть?

— Ну да.

— А вот это — плохо. Идемте! — он взял ее под локоток. — Я сейчас дам вам денег, вы пойдете на рынок и подберете себе одежду...

Их шаги удалялись, и голоса звучали все тише.

— Но я не могу...

— Потом, с первой зарплаты, отдадите!

— Папа! — позвала Белла. — Почему ты ее не остановил?

Глеб подошел к окну и дернул занавеску.

— Дочка! Ты уверена, что я ей нужен, старый и глупый осел, заставивший молодую девушку убивать?

— У тебя не было выбора, папа.

— Знаю, дочь. И я знаю, что она меня не простила за тот страх, за Степку, за мою нерешительность.

— Глупый ты, папка! Иди ко мне, я потрогаю твои волосики!

Глеб сел на кровать и подставил ручке дочери свою макушку.

— Колется!

— Да, Белочка. Волосики отрастут, но она не вернется. Найдет себе в Турции жениха, выйдет замуж...

— Папа! Ты не глупый, ты — дурак. Она очень сильная. И найти такого мужчину, чтобы был сильнее ее... нет, она не выйдет замуж.

— Дочка! — Глеб даже подскочил. — Ты — мой маленький гений! И откуда в твоей головке водятся такие мысли?

— От мамочки. Она очень хочет для нас счастья.

На следующее утро Белке сделали операцию и положили повязку на глаза. Через неделю, после лечения и перевязок, ее привели в темную комнату, пригласив Айку и Глеба.

— Ну что, девочка, готова посмотреть на мир?

— Да! — прошептала Белла.

И доктор осторожно снял плотную повязку.

— Глазки открой, не бойся!

Пятеро человек напряженно всматривались в прикрытые веки ребенка. И вот, они дрогнули, и на тревожно ожидающих взрослых взглянули яркие синие глаза.

Немного постояв, девочка повернулась всем корпусом к Айке.

— Ты кто?

— Я.

— Айка! — тоненько завизжала Белла и протянула руку к ее лицу. — Какая ты красивая! Я тебя вижу! А где папа?

— Это я.

Мужчина встал на колени и обнял дочь.

— Ты у меня настоящая принцесса!

У девочки закружилась голова и она пошатнулась.

— На первый раз хватит! — объявил доктор и вновь надел ей повязку.

Прошел месяц. Айка работала, Белла поправлялась. Правительство, как и обещало, отправило туркам запрос об Айкиной родне. Но все, действительно, решалось очень нескоро. Связи, как таковой, не было, поэтому ждали оказию с очередной делегацией на корабле. Ребята устроились в интернате и хорошо учились. Надя ездила в теплицы и уже познакомилась с симпатичным молодым человеком, чем была очень довольна. Темка и Кирилл занимались вечером, а днем работали на заводе. Их поставили учиться к станкам. Они ремонтировали двигатели кораблей, лодок и оставшихся в городе машин. Иногда, в выходной, они выбирались все вместе посидеть на набережной в кафе. И только о Степке ничего слышно не было. Все постепенно входило в спокойную бытовую колею.

А с некоторых пор, заходя в палату к Белочке, Айка начала замечать новые игрушки. Сначала думала, покупает отец. Потом — больные, заходившие с ней поболтать. Но когда их количество перевалило определенный критический порог, Айка все-таки поинтересовалась:

— Бель, а кто купил тебе столько игрушек?

Белла стрельнула в Айку хитрющими синими глазами:

— Тетя Света. Она иногда приходит ко мне вместе с папой. А иногда — одна.

— Вот как?

— Ну да! И эту куколку она принесла, и эту! И вот этого медвежонка!

— А помнишь нашего большого медведя?

— Конечно. Жаль, что он остался там.

— И мне жаль. — Айка помолчала. — А когда к тебе заходит эта тетя?

— Ну, может прийти сегодня с папой! Выходной же!

— Хорошо. Ну, я пойду? Вечером зайдём к тебе с Арханом.

Айка сделала пробежку по этажам и вернулась обратно. Но не к Белле, а в палату напротив, попросив разрешения приоткрыть дверь. Мужики, лежавшие в ней, рассмеялись:

— Давно пора!

Айка погрозила им кулачком и присела за дверь. Через полчаса ожидания в больничном коридоре раздались веселые голоса мужчины и женщины. Послышался цокот каблучков. Айка накинула на голову белую косынку. Один из мужчин вскочил с кровати: — Сейчас! — И подмигнув Айке, вышел за дверь.

— У вас сигарет не найдется? — услышала она. — Нет? Ой, а мы тут с мужиками поспорили...

Глеба притормозили, а цокот каблучков приблизился к противоположной двери. Айка, надвинув на лоб косынку, вышла из палаты. В Белкину дверь входила кучерявая

миниатюрная блондинка с очередной куклой. Перед тем, как открыть дверь, она нацепила на лицо улыбку.

— Здравствуй, бельчонок! — услышала Айка. — А я тебе куколку принесла!

Айка снова нырнула в палату.

— Ну как? — спросил вернувшийся мужик.

— Спасибо! — Рассмеялась Айка. — Вы — артист!

— Да нет, как подружка?

— Бе-е. — Скорчила рожу Айка, вызвав у больных искренний смех.

А еще минут через сорок из окна коридора она наблюдала за силуэтами мужчины и женщины, удаляющимися в сторону набережной.

Вечером, как и обещала, она зашла к Белле.

— Как дела?

— Хорошо! — обняла ее девочка. — Меня завтра выписывают.

— И что?

— Света предложила мне поехать в интернат к Полли.

— А папа?

— Стоял и слушал.

— И молчал?

— Ну да. Потом сказал, что может отвезти меня к бабушке.

— А ты?

— Я хочу быть с тобой, Айка.

— Пока нет, Бель. Я должна сделать свою жизнь такой, чтобы снова вас всех собрать.

Но для этого нужен большой дом. Много денег или карточек. Я обещаю, что заберу вас... Но это дело нескольких лет. А интернат... Соглашайся, Бель. Там Полинка, Арсюха, Стас. Они за тебя и в огонь и в воду!

Айка поцеловала Белку.

— Спи, ничего не бойся. А мне надо идти на дежурство.

Утром следующего дня к ней в процедурную вошел рассерженный Глеб.

— Глеб Анатольевич? Чем обязана? — подняла она глаза.

— Что ты наговорила моей дочери?

— А что случилось?

— Она отдала все игрушки чужим ребятишкам. А они денег стоят!

— Тебе стало жалко денег, потраченных на ребенка?

— Дело в том, — Глеб замялся, — что эти игрушки ей дарила одна моя хорошая знакомая. Ей очень нравится Бель.

— Знаешь, у детей, особенно слепых, очень чуткое сердце.

— Это ты ее подговорила. Ты у нее постоянно бываешь!

— Глеб, у меня есть пять минут и я хочу рассказать тебе одну маленькую притчу, которую мне когда-то поведал отец. Выслушай, пожалуйста!

Давно человек жил у темной воды.

Вдруг видит однажды, на глине следы,

Ведут, вылезая из ила на свет.

Страннее следов этих, в-общем то, нет.

Мужчина по этим следочкам пошел.

По капелькам мокрым в свой двор он зашел.
И что же он видит: сынишка сидит,
На дядьку чужого с восторгом глядит.
А дядька игрушки ему подает,
С собой прогуляться на речку зовет.
За искрами яркими блещет вода.
Отец подскочил: — Ты собрался куда?
— Смотри, папа, милый какой господин,
Ко мне он пришел сообщить, что один
Богатый ребенок мне хочет отдать
Свой велосипед и солдатиков рать.
Прошу, отпусти, и я скоро вернусь,
Мне будут ребята завидовать пусть!
В прибытке отец не увидел беды.
— Наш дом недалеко от быстрой воды!
А Вы — превосходный, счастливый отец.
Ваш мальчик, что любит, возьмет, наконец.
Улыбка пришедшего льстива, сладка

И гладит сынишку чужая рука.
Мужчина мальчонку за локоть берет
С собою по улице к речке ведет.
Вдруг в лужу вступил: отпечаток копыт
Отчетливо виден — стаканом стоит!
Отец за виски: я поверил, болван,
В бесценный подарок. Бесчестный обман!
К реке побежал: на песке два следа,
Замытые речкой, ведут в никуда.
Мораль этой сказки проста, как дрова.
Не верь тем, кто льстивые скажет слова.
Они своей выгоды ждут до поры...
Не верь незнакомцам, дающим дары!

— Вот как-то так, Глеб. И, знаешь, если ты действительно собрался жениться, отдай девочку в интернат. Там ее братья и сестра. У тебя будут другие, здоровые дети, а Белле я дам свою фамилию.

— Ты сошла с ума, Айше. Что люди скажут?

— До свидания, Глеб. Мне надо работать.

Глеб вышел из кабинета и треснул кулаком в стену. Друг дал плохой совет: Айка не только не приревновала его к Светлане, но и начала презирать.

Прошло два месяца. Бель уговорила отца отдать ее в интернат. Он много работал, а ехать к бабушке и дедушке она отказалась.

Тем временем из Турции пришел почтовый корабль с дипломатическими депешами и очередной делегацией. Ведь Турция сотрудничала с Крымом по некоторым жизненно-

важным вопросам.

Когда делегацию провели в переговорный зал, и пришел Председатель Совета Крыма, то первым вопросом после взаимных уверений в дружбе и почтении, заданным главой делегации, был:

— Скажите, где сейчас Айше Доган?

— Кто? — Генерал недоуменно посмотрел в серые глаза высокого седого турка.

— Айше Доган.

— Та девушка, которую Косарев притащил из Москвы. — Шепнул ему на ухо секретарь.

— А-а. Так вы нашли ее родственников?

— Да. Я ее дед. Хасан Доган. В бумагах наши имена. — Он кивнул на верительные грамоты.

У Председателя округлились глаза. Одного из богатейших людей Турции Хасана Догана знало все правительство. Именно от этого человека зависели многие аспекты взаимоотношений его страны с другими выжившими и пытавшимися встать на ноги государствами.

— Да, конечно, сейчас мы ее найдем!

Секретарь пулей вымелся за дверь.

Пока делегация и Совет пили кофе и поговорили о ценах, погоде и природе, на которые турки сводили любые поднимаемые темы, дверь снова открылась, и на пороге показалась медсестра в белом халатике и косыночке на черных волосах. Недовольным взглядом смерив военных, она сказала:

— И какого черта меня выдернули с операции?

И тут высокий турок поднялся:

— Айше?

— Вы кто? — сверкнула глазами Айка.

Он, волнуясь, сделал к ней несколько шагов:

— Айше Доган?

— Я — Айше Доган. — Она вгляделась в его лицо.

— *Sen benim torunum...* (Ты — моя внучка — тур.)

— *Dede...* — Она подошла к Хасану вплотную, глядя ему в глаза. — *Ben nasıl sevdim...* (Деда... Я так рада!)

В ее темных глазах медленно разгорались пока неуверенные, но счастливые звездочки.

— *Geldim sana. Benimle geliyorsun?* (Я приехал за тобой. Ты поедешь со мной? — тур.)

— *Evet!* (Да!)

И тут Айка сделала то, чего никогда себе не позволяла. Она подпрыгнула и подняла вверх руки: — Спасибо, Господи!

Глава восемнадцатая. Семья

Прошло три года. Айше сидела в большом кабинете за письменным столом. Перед ней была разложена корреспонденция, отчеты и сводки. Девушка посмотрела за окно. Хмурая серость дня давала мало света. Айше протянула руку и включила настольную лампу. Сразу стало уютно и светло. Она улыбнулась: все-таки за последние годы было сделано очень многое. Промышленность страны постепенно восставала из небытия. Медленно, но верно разбирались разрушенные города. Прокладывались дороги. От восстановленной концерном Догана плотины и линии электропередач, заводы семьи, предприятия-компаньоны и город Измир с окрестностями получали энергию в достаточном количестве, чтобы продавать ее населению и наладить проводную телефонную связь. На ее столе присутствовал даже старенький, чудом переживший все катаклизмы, ноутбук.

Зазвонил телефон, и Айше, менеджер корпорации, подняла трубку.

— Здравствуй, Эркан. Встретил? Почему пришли только два корабля? Как не хватило оборудования? Говорят, забрали военные? Зачем военным станки? Разгрузи, потом рассчитайся, сняв двадцать процентов. Да... Потому что врет. Продал кому-то... Короче, ищи нового перевозчика. Нет, уже скоро! Пара месяцев, и спустим свой корабль. Да, можешь так и сказать. Чертежи прислали? Вот отличная новость! Тогда разгружайся, рассчитывайся — и ко мне. Пока, братец.

Девушка что-то пометила в сводке и опять схватила трубку телефона. Но в этот момент дверь кабинета распахнулась, и в него вошел Хасан Доган.

— Деда! — улыбнулась девушка, встав из-за стола.

— Заканчивай работу! — улыбнулся дед.

— Но мне звонил из порта Эркан. Он сейчас привезет чертежи.

— Я связался с портом и попросил его предупредить, чтобы ехал домой.

— Что-то случилось? — Айше тревожно подняла брови.

— Сюрприз! Собирайся!

Дед и внучка, а также еще пара братьев, находящихся на территории предприятия, подошли к стоянке одновременно, улыбнулись друг другу и сели каждый в свой электромобиль. С бензином до сих пор, в разгребающих свои мусорные кучи странах, был огромный дефицит. Кто-то пытался восстанавливать буровые вышки и качать нефть. Но оборудования катастрофически не хватало, заводы по его производству не работали, поэтому бензин производился в небольших количествах и стоил безумно дорого. Семья Доганов пошла по иному пути. Они маленькими партиями выпускали электромобили. Но, к сожалению, движки их были маломощны и требовали ежедневной подзарядки. Инженеры концерна постоянно работали над созданием нового, более мощного, двигателя без сгорания в цилиндрах драгоценного топлива. Они также собирали по всему доступному им миру чертежи, могущие помочь в их наработках.

Айше села в машину к деду.

— Ты говоришь загадками... — улыбнулась она старику. — Что за сюрприз? Он поможет нам в наших делах?

— Увидишь! — посмеивался в усы дед.

И вот они подъехали к большому светлому особняку. Ворота бесшумно отворились, и машина зашуршала колесами по выложенной камнем дорожке. Здесь жили все поколения

семьи Доган. Но возглавляли дом дед Хасан и бабушка Эмине, сухонькая, маленькая темноглазая и темноволосая, с небольшими серебряными прядями, женщина, правившей хозяйством железной рукой. Их беспрекословно слушалась вся семья. Дед смеялся:

— Наша Айше вся в тебя, Эмине!

Бабушка довольно улыбалась и целовала внуку в темную макушку.

И мечтал:

— Выдадим Айку замуж за хорошего человека, будет не по заводам скакать и с военными ругаться, а станет хозяйкой вот в таком же доме... Пойдут свои детишки, будет свой клан!

— Нет, деда, — смеялась Айше, — у меня есть родные по крови братья и сестры, есть тети, дяди и племянники. Есть не родные, но очень любимые братики и сестрички, живущие в Крыму. И мне больше никого не надо!

С ребятами Айше постоянно поддерживала связь и два раза в год приезжала к ним в гости. Дед, видя ее привязанность, официально их всех усыновил, кроме Беллы, имевшей отца. Но забирать детей в Измир Айше не торопилась, заставляя тех учить языки, а также ждала, когда Артем и Кирилл закончат что-то вроде технического училища.

Айше с дедом и братьями вошла в дом. Но дед направился не в кабинет, а в большую гостиную на первом этаже.

— У нас гости? — спросил брат Юнус.

Дед обернулся и прищурил глаза: — Точно! Но какие! — Он поднял указательный палец.

— Наверно, Айку сватать приехали? — засмеялся другой брат, Омер. — Помнишь, как приезжала семья из Стамбула?

И оба худощавых и черноволосых брата рассмеялись, вспомнив, как услышав о сватовстве, Айка собралась, и дала деру. Нашли ее уже в порту, в трюме одного из кораблей, идущих в Европу.

— Нет! — дед подошел к стеклянным дверям, и, распахнув их, вошел внутрь первым. Айше — за ним. Тылы прикрывали хихикающие братцы.

И тут вишневые глаза Айше широко раскрылись: у чайного столика, в кругу племянников и племянниц, сидели Артем, Кирилл, Стас, Арсений и Полинка.

Девушка успела сделать навстречу короткий шаг, как сзади, за талию, ее обняла чья-то тонкая рука. Айше обернулась. На нее смотрели два удивительных, огромных синих глаза в окружении черных ресниц и бровей. А светлые пушистые волосы раздувал легкий ветерок, залетевший с моря в окно.

— Белла! — Ахнула Айше. — Какая ты красивая!

Девочка рассмеялась, показав ровные белые зубки.

— Ты же сказала, что я буду принцессой!

Айше крепко прижала Беллу к груди и расцеловала. Остальные ребята тоже повскакали с мест, обступив свою Айку.

— Тема, Кирилл! — она подняла голову вверх. — Выросли как за полгода!

— Ну да, — влез рыжими вихрами Арсюха. — Они на заводе вместо кранов работают: достать, перенести...

Девушка обнимала друзей, и глаза ее блестели от счастья...

Глеб, услышав в коридоре шаги, быстро встал из-за стола и отошел к окну. Беллочка, последовав его примеру, встала за дверь, уводя за собой восхищенные взгляды

темноволосых подростков.

В распахнутую дверь сначала зашел сам господин Доган. А потом... а потом вошла ОНА. Глеб не видел Айку те самые три года, которые она провела в Турции. Он просто обиделся и изыскивал командировки на то время, когда девушка приезжала в Крым к ребятам. И вот теперь он поедал ее глазами. Немного поправилась, но ей это к лицу. Вместо серого комбеза или майки с шортами — персиковые блуза и обтягивающая бедра юбка. Туфли на каблук. Волосы отросли до плеч и лежат темной блестящей волной. На голове — розовый прозрачный шарфик. Лицо из просто волевого стало уверенным и спокойным. На щеках — легкий румянец от волнения, вызванного радостью встречи. Какая она все-таки красивая и недостижимая! А сейчас — еще больше.

Ребята наобнимались и расступились, выпуская ее из своего круга. И тогда Белла взяла девушку за рукав и повернула лицом к окну. На секунду в темных глазах Айки что-то дрогнуло. Но она тут же взяла себя в руки и приветливо улыбнулась:

— Здравствуйте, Глеб Анатольевич, давно не виделись!

Он подошел, взял ее за руку и, наклонившись, поцеловал ладонь.

— Здравствуй, Аюшка.

Он крепко держал ее ладонь двумя руками и все никак не мог насмотреться на ее лицо.

— Глеб Анатольевич! — Айка тихонько, чтобы никто ничего не понял, вытянула свою руку. — Я рада Вас приветствовать у нас дома!

— У тебя хорошие, теплые дома, Аюшка. — Сказал он по-русски.

— Спасибо. Но мне просто повезло с родными... Присаживайтесь! — Айка пригласила всех обратно к столу.

— Нет, внученька. — Ответил господин Хасан. — Бабушка покажет детям их комнаты.

А ты с братьями, Артем, Кирилл и господин Косарев пройдем в мой кабинет.

И дед, улыбнувшись женской половине семьи и детям, повел к себе на совещание приезжих и родных.

Когда все заняли свои места, а вновь прибывшим выделили стулья, господин Доган начал говорить:

— Дети мои! Сегодня мы здесь собрались по одному очень выдающемуся поводу.

На старого бизнесмена внимательно и серьезно смотрели глаза всех присутствующих.

— Со мной связался господин Косарев, — поклон в сторону Глеба, — и предложил одну выгодную сделку. Но обдумать ее я хочу вместе с вами. Итак. Господин Косарев утверждает, что у него есть чертежи принципиально нового двигателя, созданного по принципу антигравитации. И что мои названные внуки, Артем и Кирилл, такой двигатель сделали и даже испытали.

Дети и внуки семьи Доган переглянулись и с удвоенным интересом посмотрели на внуков приемных и Глеба.

— Да, — сказал Кирилл. — Чертежи мы доработали и испытали то, что получилось. И самое главное, что такому движку не нужны энергоносители: нефть, газ... Он создает энергию сам за счет разницы потенциалов в магнитном поле земли и силе тяжести.

— Это хорошо. — Кивнул господин Доган. — Но, насколько я понимаю, придумка — не ваша. Вы только доработали начальные эскизы и расчеты до рабочего состояния. В связи с этим возникает вопрос: где автор и чего он хочет?

— Автор умер. — Глеб поднялся и показал две бумаги: какой-то замызганный чертеж с подписью в верхнем правом углу и лист писчей бумаги, где в присутствии двух свидетелей

неизвестный человек собственноручно написал и подписал, что дарит Глебу Косареву на память о себе эти эскизы.

— Почему он подарил их именно Вам, господин Косарев?

— Этот человек был моим другом. Мы вместе учились в Военной Академии. Но из меня получился военный, а из него — отличный инженер. После окончания учебы жизнь нас немного разбросала, но через год после ударов мы снова встретились в Москве. Еще до знакомства с ребятами. Он дрался с оккупантами вместе с Цветковым и со мной. А перед последним сражением он отдал мне свои бумаги со словами: «Скорее всего, я погибну, как и многие из нас. Но ты, Глеб, счастливчик. И если тебе доведется выжить, сохрани мои труды. Найдешь грамотных людей, продай. Сюда заложена великая идея!» Он погиб. Бумаги остались у меня. Я хранил их, не придавая им большого значения, пока не показал, уже здесь, в Севастополе, Артему и Кириллу. И мы вместе корпели над ними год. В результате — сделали машину, скользящую над дорогой. Ей не нужны колеса, не нужны тормоза. По этому же принципу можно делать и летательные аппараты различных размеров и параметров.

— Тогда вопрос следующий: чего хотите Вы?

— Я уволился из армии и выкупил маленький судоремонтный завод в Крыму. Там я тоже могу делать эти движки и продавать их вам. И не только. Но у меня предложение несколько иное: я хочу войти в вашу корпорацию и делать двигатели здесь.

— Но это — семейный бизнес, господин Косарев. Мы можем договориться с Вами и выделить вам один из наших заводов, заключив с Вами партнерский договор. У Вас будет очень приличный процент, несмотря на нашу базу!

— Но Вас заинтересовало это предложение?

— О, да! Кто владеет энергиями, владеет миром!

— Тогда я бы Вас попросил о разговоре наедине.

Когда из кабинета вышли все, Глеб сел напротив старого Хасана.

— Я хочу признаться честно. Все, что я делал за эти годы, служило только одному: я люблю Вашу внучку Айше. Началось это еще с тех пор, как увидел ее растерянной девчонкой в погибшей Москве.

Хасан поднял бровь. А Глеб продолжил:

— Но она — очень сильный человек. Тогда я был слабее. Но сейчас у меня на руках есть то, что сможет помочь завоевать ее сердце. Поэтому прошу, помогите! И если мы будем работать вместе, может случиться, что сердце девушки оттаяет и, наконец, она увидит мои чувства к ней... — Глеб выдохнул и с тревогой посмотрел на господина Догана.

Тот сидел, сидел и как захохотал...

— Прости, сынок. Но такого поворота разговора я никак не ожидал. Тогда да. Это просто отличное предложение. Но... — Мужчина вдруг сурово посмотрел на Глеба. — Если она тебя не полюбит, не взыщи. Будем договариваться на партнерских условиях. Сроку тебе — три месяца. Пока подпишем соглашение о сотрудничестве. Завтра покажу цех и дам рабочих. Технологический процесс и оборудование распишете сами. Что требуется, достанем.

Хасан встал и пожал Глебу руку.

— Удачи!.. Внучек!

И работа на огромном заводе семьи Доган закипела. Кирилл с Артемом с помощью дядюшек — инженеров расписали оборудование и составили технологические листы на производство каждой детали с указанием размеров, посадок и допусков. Айка отвоевала у

военного ведомства несколько высокоточных станков и с очаровательной улыбкой обещала несомненно выгодные для государства контракты на то, не знаю, что. «Секрет фирмы!» — улыбалась она суровым офицерским лицам. И даже сам Президент страны приезжал к Хасану узнать, что за дело тот затеял. Но суть проекта держалась в секрете. И только все работали, как муравьи, по двенадцать часов в сутки. Глеб, пользуясь своими связями, тоже выбивал, добивался, уговаривал и доставал. И с Айкой встречался лишь по делу. Часто, в свободное от поездок время, он пропадал в цехах. Айка тоже завела в шкафчике специальный комбинезончик, в котором можно было ходить, не боясь испачкаться. Они встречались у станков, обсуждая ту или иную проблему, сообща решали, где можно найти инструменты, литые или металлический лом с необходимыми свойствами.

Однажды Айка, собрав у деда в кабинете родственников, объявила, что для массового производства двигателей и летательных аппаратов нового типа необходимы геологоразведка, руды и доменные печи. Старик схватился за голову:

— Может, мы сначала доведем до ума опытный образец, что-то продадим, а там и прочие заинтересованные займутся этим делом?

— Дед! Мы должны быть монополистами в этой сфере! А все остальное пусть берут другие.

Дед улыбнулся:

— И что ты готова оставить другим?

— Например, пошив модных платьев. — И она повертелась перед родственниками, взявшись двумя пальчиками за штанины комбинезона.

И, наконец, настал тот знаменательный день, когда из цеха рабочие выкатили неказистую серую машинку, кое-как слепленную из разных кусочков. Она имела вид вытянутого сигарообразного болида, под капотом и задней панелью которого стоял принципиально новый двигатель, состоящий из двух частей. Вся семья собралась посмотреть на испытание этого чуда.

Дед вышел и погладил ее сваренный корпус:

— Ну, ласточка, не подведи!

И кивком подозвал Глеба:

— Иди, орел, твой звездный час настал.

И Глеб занял место пилота. Все даже задержали дыхание. Тот перекрестился и нажал на кнопку старта. Движок тихо зажужжал. Косарев взял в руку джойстик и другой рукой повернул колесико на панели приборов. Машинка приподнялась над поверхностью заводского двора и, медленно набирая скорость, сделала разворот и плавно опустилась на то же место.

Глеб высунулся из кабины:

— Ай! Иди ко мне!

Айка с растерянным, но счастливым лицом обернулась и посмотрела на деда.

— Иди! — одобрил господин Доган и улыбнулся в усы.

Глеб поднял машину над землей метра на три и медленно повел вдоль заводского корпуса. Айка с удовольствием смотрела вперед.

— Здорово, да, Глеб? Теперь нам не нужны Боинги...

— Ай, я хочу тебе сказать... — Глеб замялся, а потом, собравшись с духом, выпалил на одном дыхании: — Все это — только для тебя. Выходи за меня замуж, Айка!

Айше медленно повернула к нему голову:

— Глеб, ты делаешь предложение мне или корпорации?

Глеб посмотрел ей в лицо несчастными синими глазами и дотронулся дрожащими пальцами до ее руки:

— Прости старого идиота! Я люблю тебя, моя ненаглядная Айка! Я не могу без тебя жить!

Вечером вся дружная семья обсуждала планы и перспективы. И только Айка с удовольствием занималась с ребятами сборкой огромного пазла, разложенного на полу. После ужина, когда домочадцы разошлись по делам, а Хасан удалился в кабинет, Айка последовала за ним.

— Дед! — спросила она, открывая дверь. — Можно?

— Заходи, внучка. Что случилось?

— Как ты на меня реагируешь! Как на ракетную атаку!

— Какое верное определение! — Хитро сощурил глаза Хасан. — И так?

— Мне Глеб... сегодня сделал предложение... — Выпала девушка.

— А ты?

— Так ты все знал! — догадалась она.

— Нет. — Невозмутимо отозвался старый лис. — А позови-ка его сюда. Говорить с ним буду. — Нахмурил Хасан седые брови.

Айка выскочила за дверь. Через пять минут они, взявшись за руки, стояли перед господином Доганом.

— Я внимательно слушаю вас, молодые люди. — Он скрестил руки на груди.

Глеб, нервно взъерошив на голове светлые волосы, сказал:

— Господин Доган. Я прошу у Вас руки Вашей внучки Айше Доган. Я люблю ее и хочу прожить с ней всю свою жизнь.

— А ты, Айше? — дед внимательно заглянул в карие глаза, наполненные расплавленным золотом.

— Я его люблю с тех самых пор, как мы познакомились в Москве. Только он об этом не догадывался! — она рассмеялась и посмотрела в счастливые глаза Глеба.

— Ну, тогда докажите это! — Дед невозмутимо сел в кресло и подложил руку под щеку. — Начинать! А то ни в жизнь не поверю.

Айка и Глеб повернулись друг к другу лицом. Она поднялась на цыпочки и обвила руками его шею. А он вдруг приподнял ее, подкинул и, поймав, впился поцелуем в розовые улыбающиеся губки.

— Моя, только моя Айка! Неужели это правда? — Прошептал он, немного отдышавшись.

— Твоя. — Девушка улыбнулась.

— Но скажи мне, зачем ты скрывала от меня свои чувства? Я за эти годы чуть не сошел с ума! Наделал кучу глупостей!

— Я отвечала за слишком многое. И не имела права заниматься только собой.

— А теперь?

— Теперь у меня есть огромная семья. И ты, мое синеглазое счастье!

Через две недели в президентском дворце состоялось пышное, по послевоенным меркам, бракосочетание. И Белла, бывшая подружкой невесты, поймала свадебный букет. Молодые богатые турки наперебой ухаживали за ней и ее сестрой Полли: ведь девушки не только красавицы, но и Доган! А это говорит о многом.

Со временем корпорация господина Хасана разработала грузовые платформы и летающие аппараты на новых двигателях, заключив с армией выгодный контракт. Его внучатый зять господин Косарев, как сын своей страны, исправно перечислял налоги с продаж причитающейся ему части в казну Крыма и заключил для Родины кучу выгодных контрактов.

Артем и Кирилл выросли, стали хорошими инженерами и женились на внучатых племянницах господина Догана. Белла превратилась в замечательную красавицу. И, говорят, сам сын Президента добивается ее руки. А Полина со своими названными сестричками открыла Дом Моды. Должен же новый мир одеваться красиво и со вкусом?!

Стас создал сеть ресторанов и тепличные хозяйства в нескольких странах, растолстел, женился и стал отцом троих черноглазых деток.

А Арсений стал геологом. И как в детстве, он с восторгом залезал во все щели, разыскивая для семьи запасы ценных камней и металлов.

Замечательный пес Архан вырос. Он очень добрый и ласковый с друзьями. Но нежелательным посетителям, а тем более, непрошеным, в дом семьи лучше не заходить. Выучка отца, Ковбоя Джека, сказывается до сих пор.

Надя вышла замуж за того самого хорошенького молодого человека. Живет в Крыму в своем доме и воспитывает сына, которого назвала Глебом.

Они все поддерживают отношения, приезжают в гости, поскольку с новым изобретением корпорации Доган расстояния перестали быть неодолимым препятствием.

Объединенная европейская армия, наконец, зачистила территории континента от страных мародеров. Непонятных людей с синей кровью пытались изловить для общения и опытов, но они, задетые пулями, разлагались в едкую субстанцию, не поддающуюся идентификации.

А жизнь продолжалась. Люди, несмотря на повышенный радиоактивный фон, строились, засевали поля, влюблялись и рожали детей.

Степан потерялся где-то на просторах великого континента Евразия. И про Татьяну так никто ничего и не слышал.

Но самое главное — над миром начали расходиться плотные серые тучи. Солнышко все чаще опускало свои теплые лучи на поля и сады, моря и реки. И на радость выжившим людям, там, в необъятной вышине, снова раскидывало свое синее покрывало вольное чистое небо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net